

Российская
академия наук
Институт
языкознания

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Главная редакционная коллегия
серии "Языки народов России"
В. П. Нерознак (главный редактор)
М. Е. Алексеев (зам. главного редактора),
А. П. Володин, Г. Г. Гамзатов, В. Г. Костомаров,
Д. М. Насилов, М. В. Орешкина (отв.
секретарь), Г. Ц. Пурбеков, С. А. Старостин,
И. М. Стеблин-Каменский, Э. Р. Тенишев,
Е. А. Хелимский.

Издательство
«Academia»

Москва

Михаил АЛЕКСЕЕВ
Сабрина ШИХАЛИЕВА

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК

Ответственный редактор
К. К. Курбанов

Москва

2003

Рецензенты:

доктор филологических наук Э. М. Шейхов
доктор филологических наук З. М. Маллаева

Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК. Отв. ред. К. К. Курбанов. М.: Academia, 2003. 140 с., илл.

Книга является комплексным описанием табасаранского языка, охватывающим как собственно языковую характеристику, включающую очерк фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики, так и обзор социолингвистической ситуации. В книге показаны взаимоотношения табасаранского языка с близкородственными языками лезгинской группы, а также с другими дагестанскими; приводятся сведения о территории распространения языка и численности говорящих; характеризуются общественные функции языка; его контакты с русским, тюркскими и другими языками;дается история письменности и история изучения табасаранского языка.

Книга предназначена как для специалистов-кавказоведов, так и для всех интересующихся проблемами языков народов России.

ISBN 5-87444-196-4

© Институт языознания РАН, 2003 г.

ОБ ИЗДАНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ
СЕРИИ «ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ»

ВЫПУСК монографии «Табасаранский язык» М. Е. Алексеева и С. Х. Шихалиевой продолжает осуществление лингвопедического проекта – научной серии «Языки народов России», начатое монографией «Лезгинский язык» М. Е. Алексеева и Э. М. Шейхова. Серия представляет собой многотомное издание энциклопедического типа, которое будет включать монографическое описание каждого языка в соответствии с типовой схемой. Впервые в истории отечественной науки в рамках единого проекта создаются монографические описания каждого языка, бытующего на территории Российской Федерации.

При разработке серии принималась во внимание мировой и отечественный опыт составления лингвистических энциклопедий. В частности, учитывалась опыта серии «Языки Азии и Африки» Института востоковедения РАН. Эта серия объединяет два типа описания языков – индивидуальный и универсальный. Более раннюю по времени выхода в свет серию монографических очерков «Языки зарубежного Востока и Африки» (позже она получила название «Языки Азии и Африки»), уже составила своего рода библиотечку, насчитывающую свыше ста очерков. Характеристика каждого языка дается в терминах и в рамках метода описательной лингвистики с элементами генеалогической и типологической информации. Второй тип описания языков в этой же серии представлен универсальной лингвистической энциклопедией «Языки Азии и Африки» (Т. 1-5. М., 1976-1993), в которой языки группируются по генеалогическому принципу, дополняемому структурно-типологическими и ареальными характеристиками.

Серия «Языки народов России» также будет включает два вида изданий. Монолингвистическая часть серии представлена монографическими очерками по отдельным языкам России. Другая часть серии представлена выпусками, посвященными описанию многоязычных

регионов Российской Федерации. По методу и принципам описания эта часть серии подготавливается с использованием совокупности лингвистических методов, дополняемых приемами смежных с языкоизнанием дисциплин – культурологии, этнографии и социологии. Однако и в том и в другом случае можно говорить о новом типе издания, который мы определяем как этносоциолингвистическая энциклопедия. Принципы подготовки такого рода изданий нашли свое воплощение в энциклопедических справочниках «Языки народов России. Красная книга» (М.: Academia, 2002) и «Государственные и титульные языки России» (М.: Academia, 2002).

Россия, по образному выражению выдающегося русского ученого Н.С. Трубецкого, страна "симфоническая", т. е. многоязычная и поликультурная. "Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу", – уверял знаменитый философ Г. П. Федотов. Языковая картина России отличается типологическим разнообразием языков, наличием разных генетических общностей (языковых семей и групп). По данным переписи 1989 г. в Российской Федерации насчитывается 180 этносов, на ее территории используется 200 языков. Проект «Языки народов России» предполагает описание исторических языков и не будет затрагивать так называемые "иностранные языки", не обладающие исторической традицией на территории России. Вместе с тем языки народов традиционно, в течение длительного времени проживавших на территории нашей страны, а также языки исторически сложившихся этнических диаспор станут предметом описания. С этой точки зрения, наряду с русским, татарским, чувашским, мордовским, аварским, ингушским и др., в серии будут описаны украинский (по численности украинцы в России занимают третье место, после русских и татар), белорусский, грузинский, армянский, азербайджанский, казахский и др., а также языки этнических диаспор – греческий, немецкий, польский, румынский и др.

Объектом описания станут языки литературные, младописьменные и бесписьменные.

Серия «Языки народов России» включает в себя очерки по языкам всех основных общностей, которые представлены на территории Российской Федерации – индоевропейской, кавказской, или иберийско-кавказской (куда входят и дагестанские языки, в т. ч. и табасаранский), тюркской, финно-угорской, монгольской, палеоазиатской,

самодийской, тунгусо-маньчжурской. Каждая из этих языковых семей в свою очередь делится на группы, подгруппы и отдельные языки. Так, в индоевропейской языковой семье славянские языки наряду с другими (германские, романские, иранские и др.) составляют самостоятельный группу. В составе славянских языков выделяется восточнославянская подгруппа (русский, украинский, белорусский) и т.д.

Основной таксономической единицей в энциклопедическом описании в серии «Языки народов России» станет конкретный язык вне зависимости от числа говорящих на нем. Каждый из них – ценнейший объект культурного наследия всего человечества.

Языковое и культурное многообразие – источник духовного обогащения всех народов России, ее национальное достояние. Задача, которую ставят перед собой авторы серии и издатели, – ознакомить россиян с языком каждого из живущих на российской земле народов. В этом начинании примут участие крупнейшие ученые-лингвисты Российской академии наук, Российской Академии естественных наук, академий наук республик, ученые из высших учебных заведений, представители многих народов России.

Языки – это народы, и пока существует хоть один носитель языка, сохраняется уникальное достояние человечества – разнообразие языков и культур. Россия остается одной из немногих стран мирового сообщества, сохранивших к началу 21-го столетия многоязычие как поликультурное наследие предшествующих эпох.

В. П. НЕРОЗНАК,
главный редактор серии «Языки народов России», доктор филологических наук, профессор

languages are treated and grouped from the genetic point of view, with some additional structural, typological, and areal characteristics.

The series «Languages of the Peoples of Russia», in a similar way, is composed of two types of publications. The series makes use of all the necessary linguistic methods as well as of those of some neighboring branches of science such as ethnology and sociology.

Both parts represent a novel kind of publication which can be described as an ethnosociolinguistic encyclopaedia. The editorial principles of this type of descriptions are represented in the two reference books which should be judged by their readers: they are «Languages of the Peoples of Russia. The Red Book» (Moscow, 2002) and «National and Title Languages of Russia» (2002).

In the apt phrase of the famous Russian scholar N.S. Trubetzkoy, Russia is a "symphonic country", that is, a multilingual and multicultural one. "Its composition of numerous tribes, the polyphonic character of Russia has always increased — not decreased — Russia's glory", — was the claim of another eminent Russian philosopher, G.P. Fedotov. The linguistic map of Russia is characterized by an extreme typological variety of languages and the presence of different genetic communities — language groups and families. According to the 1989 census there were 180 ethnic groupings within the Russian Federation speaking about 200 different languages. At the same time languages of the peoples that have had a long tradition of settlement in Russia as well as those of various traditional ethnic diasporas.

Thus, the series will contain descriptions of Russian, Tatar, Chuvashian, Mordovian, Avar, Nivkh etc., but, along with them, Ukrainian (Ukrainians are the third most numerous people in the RF, after Russians and Tatars), Byelorussian, Georgian, etc., as well as languages of traditional ethnic diasporas: Greek, German, Polish, Rumanian, etc.

Will be presented descriptions of literary languages with an old written tradition as well as of those with a recent literary history and languages without any written records.

The present series is composed of descriptions of languages of every principal genetic stock represented within the Russian Federation: Indo-European, Caucasian (or Ibero-Caucasian), including the Daghestan languages, Mongolian, Palaeoasiatic, Samoyed, Manchu-Tungusian, Turkic, Fennno-Ugric. Each of the language families is further subdivided into groups, subgroups, and individual languages. Thus, the Indo-European language family includes such separate groups as Slavic, German, Romance,

ON THE PUBLICATION OF THE ENCYCLOPAEDIC SERIES «LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA»

THE BOOK «Tabasarani language» by Mikhail Alekseyev and Sabrina Shikhaliyeva continues the linguoencyclopaedic project: a series of scholarly publications «Languages of the Peoples of Russia» started with the book «Lezgian language» by Mikhail Alekseyev and Enver Sheykhan. This series is conceived as an encyclopaedia-type publication in several volumes which will contain a monographic description of each language according to a standard plan. For the first time in the history of Russian scholarship this series will contain monographic descriptions of each historical language of the Russian Federation, that is, of those languages that have been in use for a long time within the borders of this state.

When the series was being worked out the previous experience of compiling linguistic encyclopaedias both home and abroad was taken into account. In particular, when the present project was being elaborated full account was taken of the experience on the organization and structure gathered during the publication process of the series «Languages of Asia and Africa». This series included both the individual and the universal type of language description. An earlier series of monographic sketches, «Languages of the Foreign Oriental and African Countries» (later renamed «Languages of Asia and Africa») has already become a small library (more than 100 issues have been published). Each language is characterized in terms and within the framework of descriptive linguistics, although some genetic and typological information is also given. Another description type in the same series can be seen in the universal linguistic encyclopaedia «Languages of Asia and Africa» (vols. 1-5, Moscow, 1976-93). Here

Iranian, etc. Within the Slavic group is distinguished an Eastern Slavic subgroup, composed of Russian, Ukrainian, and Byelorussian.

The principal taxonomic item in the encyclopaedia-type descriptions is the individual language; the number of speakers is unimportant in this case. Being part of the most valuable natural and cultural heritage of the humankind the language of any people makes a contribution to civilization as a whole.

Linguistic and cultural variety is a source of spiritual enrichment for every people of Russia, their national heritage. The aim of the authors and publishers of the series is to acquaint the citizens of Russia with the languages of each people living in Russia. In this undertaking will participate the most prominent scholars, specialists in linguistics who are working in the Russian Academy of Science, in the Academy of Natural Sciences of the Russian Federation, in the academies of the federal republics, scholars from higher education institutions, representing the numerous peoples of Russia.

V.P. NEROZNAK,
editor-in-chief of the series
"Languages of the Peoples of Russia"
professor

ВВЕДЕНИЕ

Табасаранский язык - язык одной из коренных народностей Дагестана – табасаранцев. Табасаранский язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков, среди которых к нему наиболее близки агульский и лезгинский языки, образующие вместе с ним восточно-лезгинскую подгруппу.

Существует несколько вариантов этимологии названия "Табасаран". П. К. Услар, предполагавший в нем иранский корень видел во второй части "головы", а первую сближал с "порча" или "топор". В последние годы популярной является точка зрения, разъясняющая Табасаран как "вершинную область". С другой стороны, табасаранцы считаются потомками "таваспоров", входивших в состав Кавказской Албании. Исследователи обращали также внимание на близость топонимов "Табасаран" и "Табаристан". Среди лезгин бытовало также название табасаранцев "къабъян", среди кайтагцев - "цилан". В качестве исконного названия приводят этноним-самоназвание "гъумгъум".

По переписи 1989 года насчитывалось свыше 98 тысяч табасаранцев, из которых свыше 20 тысяч проживало за пределами Дагестана. В Дагестане табасаранцы населяют два района на юге республики – Табасаранский и Хивский. Большое количество табасаранцев переселилось на плоскость и проживает в пределах Дербентского, частично и Каракентского районов. Значительное количество табасаранцев проживает в городах Дербент, Огни, Мамедкала, Каспийск, Махачкала, а также в поселке Белиджи.

В настоящее время табасаранцы граничат на юге с лезгинами, на юго-западе – с агульцами, на северо-востоке – с кайтагцами (даргинцами) и на востоке – с тюркским (азербайджанским) населением побережья Каспийского моря. Судя по историческим хроникам и сохранившейся топонимике, значительная часть территории, на котором проживает в настоящее время тюркязычное население Табасаранского и Дербентского районов Дагестана, исторически была заселена табасаранцами,

ареал расселения которых был сильно сужен в результате персидских, арабских и тюркских завоеваний и переселения на эти земли иноязычного населения.

Территория распространения табасаранского языка

По историческим сведениям [Услар 1979: 49-50], арабский полководец Абу-Муслим, сумевший покорить Табасаран и обратить его жителей в мусульманство, "назначил правителем Табасарана одного из сподвижников своих, аравитянина Мюхаммед Маасуму... К Маасуму было приставлено два кадиа, за тем, чтобы они толковали народу настоящий смысл Ислама... Судьба, постигшая одного из приставленных кадиев, как кажется, осталась неизвестною, но Мюхаммед Маасум и Мюхаммед Кади сделались независимыми друг от друга владельцами и поделили между собою Табасаран". Таким образом, на территории Табасарана возникли два феодальных владения – Къядырин улкье "Кадия страна" (Северный Табасаран) и Мисибидин улкье "Маасума страна" (Южный Табасаран).

Табасаран). Наряду с табасаранскими аулами в Къадирин улкек входили селения с тюркским и татским (мусульманского вероисповедания) и горско-еврейским составом населения, а в Мисибидин улкек – с лезгинским и еврейским. Правители этих территорий нередко вели между собой войны, что приводило к ограничениям в общении между ними, к замкнутому образу жизни населения и, соответственно, к росту языковых расхождений между севером югом Табасарана. Такой раздел Табасарана имел место я продолжение целого тысячелетия.

При присоединении Табасарана к России северная часть отошла к Кайтаго-Табасаранскому округу (ныне Табасаранский район), а южная — к Кюринскому округу (ныне Хивский район).

Весьма любопытны статистические данные о народонаселении Табасарана к концу прошлого столетия, приводимые в предисловии к монографии П. К. Услара. По этим данным, взятым им из статьи генерала Комарова, помещенной в VIII выпускe Записок Кавказского отд. Императорского Российского Географического Общества, в Северном Табасаране проживало душ обоего пола 12744, из которых табасаранцев 7365, тюрко-азербайджанцев 2869, татов (мусульман) 2378 и евреев 332, а в Южном — 12507 человек, из которых табасаранцев 9679, киринцев (лезгин) 2435, евреев 393.

Ввиду этнической пестроты Табасарана для значительной части взрослого табасаранского населения исторически было характерно двуязычие – знание наряда с родным соседних азербайджанского (в Северном Табасаране) и лезгинского (в Южном Табасаране) языков.

Знание выступавших в Дагестане в разные эпохи в качестве языков межнационального общения персидского, арабского и турецкого языков было ограниченным и имело место лишь среди духовенства и интеллигенции.

В настоящее время эту функцию такового все активнее выполняет русский язык, на котором осуществляется обучение за пределами начальной школы и которым молодежь владеет гораздо свободнее, чем любым из перечисленных выше языков.

Табасаранский язык в прошлом, как и остальные дагестанские языки, был бесписьменным, если не считать отдельных попыток приспособления к нему арабской графики — аджама (см. рис. 1). В силу этого сколько-нибудь значительные письменные памятники на табасаранском языке отсутствуют. Письменность на табасаранском языке на основе латинской графики была

введена в 1932 году. В 1938 году она, как и письменность на остальных дагестанских языках, была переведена на русскую графику, дополненную знаком І, который наряду с ъ и ѿ использовался для образования комбинированных букв для специфических звуков табасаранского языка.

В табасаранском языке различают два диалекта, каждый из которых объединяет группу говоров. Эти два диалекта противопоставлены друг другу целым рядом фонетических и грамматических особенностей.

Рис. 1. Фрагмент табасаранской рукописи в арабской графике.

Северный и южный диалекты противопоставлены друг другу целым рядом фонетических и грамматических особенностей. В основном эти особенности сводятся к следующему: в южном диалекте имеются заднеязычные и фарингальные лабиализованные согласные, которых нет в северном. В свою очередь, в северном имеются геминированные спиранты, отсутствующие в южном, где нет также характерного для северного звонкого фарингального къ. Согласным чl, дж южного диалекта в северном регулярно соответствуют тl и д (иногда р). Целый ряд грамматических форм образуется в южном и северном диалектах по-разному (запретительные формы глагола: посредством соответственно префикса или инфиксa м-; отрицательные формы: в южном диалекте посредством слоговой редупликации и т.д.). Наблюдаются и некоторые лексические различия. По характеристике В. М. Загирова, "диалектная лексика в табасаранском языке представлена небольшим количеством слов. Выделяются диалектизмы двух типов: 1. Слова отдельных диалектов или говоров, либо не имеющие соответствия в литературном языке, либо отличающиеся от соответствующих общенародных лексем по звучанию, семантике или структуре... 2. Диалектные слова, используемые в языке художественной литературы для точной передачи местных особенностей изображаемой реальности..." [Загиров 1981: 100-101].

По мнению ряда специалистов, следует особо выделить, возможно, в особый переходный диалект, этегский говор (один из говоров южного диалекта), который обнаруживает и некоторые особенности северного (отсутствие как заднеязычных лабиализованных согласных, так и геминированных спирантов).

Начало формирования письменной литературы на табасаранском относится к 20-м годам прошлого столетия. Качественный скачок здесь произошел в 1932 году в связи с созданием табасаранской письменности на латинской графической основе.

Это процесс сопровождался определенными трудностями, что объяснялось следующими причинами.

Во-первых, при определении первоначального круга литературных языков Дагестана, на которых следовало создать письменность, табасаранский язык был отнесен к числу языков малочисленных народов, создание письменности для которых считалось беспersпективным.

Во-вторых, предполагалось возможным открытие школ для табасаранских детей на азербайджанском языке, хотя на азербайджанском языке говорила лишь часть взрослого мужского населения..

Во-третьих, существовало мнение об отсутствии форм письменности на табасаранском языке до Октябрьской революции.

С созданием письменности табасаранский стал языком школьного преподавания, литературы, периодической печати и искусства. Стали публиковаться произведения богатого устного народного творчества табасаранцев, стихи дореволюционных поэтов, до этого сохранившиеся преимущественно в устах народа (Калук Мирзы, Саида Зюрдягского, Уруджа Татилского, Жигера Каидского и др.). Появились первые художественные произведения табасаранских поэтов и писателей (Б. Митарова, А. Джкафарова, М. Шамхалова, А. Везирова и др.). В 1932 году вышли первые переводы партийных документов, выполненные А. Джкафаровым, Т. Шалбузовым, М. Шамхаловым, А. Ханмагомедовым и др. Среди литературных произведений, опубликованных в 1932 году, – сборник А. Джкафарова «Первые шаги», в 1934–1935 годы – драма А. Джкафарова «От тымы к свету», удостоенная республиканской премии, рассказы «Прежде и теперь», стихи «Веселые голоса». В этот период на табасаранском языке были изданы также повесть «Кто работает, тот есть» и поэма «Сирота Юсуф» А. Ханмагомедова, пьесы «Моя родина», «Уничтожайте огнем» А. Гаджиева, стихотворения М. Шамхалова, Б. Митарова, Т. Шалбузова и др. Были переведены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, С. Стальского, Г. Цадасы. Это дало возможность установить нормы формирующегося табасаранского литературного языка, на основе характеристики южного диалекта.

В решение вопросов национально-языкового строительства в те годы наибольший вклад внес Темирхан Шалбузов – автор первого алфавита и первых учебников родного языка. В этот период им были составлены буквари для детей («Новая школа», 1932 г.), буквари для взрослых («Новый путь», 1933 г.), учебники по грамматике и правописанию (1933, части I и II) для первого-второго и третьего-четвертого годов обучения, букварь для сельских школ [1934 г.], букварь для взрослого населения [1935 г.], книги для чтения в начальной школе.

В 1938 г. табасаранская письменность, как и письменности остальных народов республики, были переведены с латинской графики на русскую. В новом табасаранском алфавите для обозначения специфических табасаранских звуков использовались различные буквосочетания: лабиализация звонкого г и спирантов х, г, обозначалась посредством о (оэр 'кувшин', хоэр 'кобыла', гъюэн 'камень'), дентолабиализованных – посредством ъ (ъж, чъ – жъур 'имя', мъчнъл 'ива'), абрективность – посредством й. В 1962 году научно-практическая конференция, посвященная унификации орфографий дагестанских литературных языков, приняла решение обозначать лабиализацию во всех случаях посредством прибавления знака е: ге, гъе, ке, къе, къе, хе, хъе, же, че, чъе, чъе, ше, как это было принято в других дагестанских языках.

Среди недостатков языкового строительства того времени отмечается ориентация лингвистической (и, по-видимому, иной) терминологии (ср., например, Русско-табасаранский терминологический словарь А. Гаджиева [1940], грамматики табасаранского языка [Шалбузов 1940; 1941: ч. I; 1940: ч. II] и др.) на заимствование из русского языка [см. Магометов 1979: 273].

В учебниках того времени ощущалась и непоследовательность литературных норм: так, нередко нарушалось классное согласование субъекта и объекта с предикатом при интранзитивных и транзитивных глаголах и их специфических производных формах. В 1953 г. на научной сессии по вопросам нормализации дагестанских литературных языков было решено обозначать в глаголе табасаранского языка изменение грамматических классов. Некоторые проблемы, связанные с корректировкой и совершенствованием литературных норм, отмечаются в специальной статье А. А. Магометова: «При составлении первого свода орфографических правил литературного табасаранского языка было решено не отмечать в глаголе изменение грамматических классов. В первых изданиях грамматики табасаранского языка так оно и было. Однако позднее, на научной сессии, посвященной вопросам нормализации литературных дагестанских языков, было решено обозначать в глаголе табасаранского языка изменение грамматических классов. Такое решение было принято вследствие того, что в большинстве говоров

табасаранского языка глагол изменяется по grammatischen klassen. По этому решению литературный язык отошел от норм языка, лежащего в основу литературного языка" [Магометов 1979: 271].

Таким образом, наряду с развитием литературы происходило постепенное развитие и становление табасаранского литературного языка. Процесс становления табасаранского литературного языка еще нельзя считать завершенным, так как многие вопросы орфографии, орфозии, стилистики, лексики и грамматики младописьменного табасаранского языка требуют своего дальнейшего изучения и совершенствования.

В настоящее время на табасаранском языке ведется обучение в начальной школе. Табасаранский язык и литература изучаются в старших классах средней школы, в педуниверситетах, а также на филологических факультетах высших учебных заведениях республики, готовящих преподавателей начальной и средней школы. На нем издаются учебники, учебно-методические пособия, оригинальная и переводная художественная, а также общественно-политическая и научно-популярная литература.

На табасаранском языке выходят ежегодный альманах *Литературайн Табасаран* ("Литературный Табасаран"), журналы *Двъестан дашаълы* ("Горянка"), *Плази* ("Соколенок"), районные газеты *Октябрин аке* ("Свет Октября", Хивский р-н) и *Табасарандин нурар* ("Зори Табасарана", Табасаранский р-н), ведутся республиканские и районные радиопередачи, осуществляется делопроизводство на районном уровне.

Научное изучение табасаранского языка началось с монографии Петра Карловича Услара «Табасаранский язык», которая, к сожалению, была издана лишь в 1979 г. Эта работа является фундаментальным лингвистическим исследованием, представляющим в настоящее время научную ценность для дагестановедения, будучи первым подробным описанием грамматического строя табасаранского языка и его лексики.

Монография П. К. Услара включает в себя табасаранскую азбуку-алфавит, исторические сведения о Табасаране, табасаранцах и табасаранском языке; краткое описание звуковой системы и отдельных звуковых изменений; морфологический очерк; собрание текстов; табасаранско-русский словарь и алфавитный указатель к словарю. Как известно из сообщения Л. П. Загурского, Услар, составив «Сборник табасаранских слов»,

подготовил и список русских слов, но не успел внести в него соответствующие по значению табасаранские лексемы. Список русских слов, составленный П. К. Усларом, до нас не дошел [Магометов 1954: 76].

Табасаранская азбука П. К. Услара включает 56 букв, охватывает все фонемы, за исключением ларингального абруптива [ы], имеющего фонематическое значение.

Значительное место в исследовании П. К. Услара занимает грамматический очерк табасаранского языка, который начинается со склонения имён существительных в единственном числе. Здесь анализируются способы образования творительного (эрзательного) падежа, выявляются его варианты, в т.ч. и нерегулярного образования, что иллюстрируется многочисленными примерами. По Услару [1979: 67] основой косвенных падежей является форма "творительного падежа", чем подчеркивается важная морфологическая роль этого падежа в системе склонения ("принцип двух основ").

При анализе склонения имён существительных во множественном числе автор обосновывает функционирование различных окончаний абсолютива, указывая на регулярность образования аргатива при помощи аффикса -и.

Далее следует характеристика системы локативных падежей, включающей семь серий, в каждой из которых представлено по три падежа, указывающие соответственно на месторасположение, направление к предмету или удаление от предмета. При этом эссивы (локативы) – падежи покоя служат основой для образования остальных падежей.

Отмечено наличие у имен существительных противопоставления между "существами разумными" и "существами бессмысличными", подразделяющего существительные на два соответствующих класса.

Характеризуя прилагательные, П. К. Услар отмечает их способность изменяться по грамматическим классам, числам и падежам в субстантивированной функции и отсутствие изменения в атрибутивной роли, выделяет различные способы образования адъективов от различных частей речи. Отмечается дифференциация адъективов в зависимости от степени обозначенности ими качества или же признака ("ослабленность", "Равенство", "превосходство").

В системе местоимений отмечается постоянство основличных местоимений 1-го и 2-го лица, в отличие от место-

именний 3-го лица, которое является одновременно и указательным местоимением; различие инклюзивной и эксклюзивной форм личных местоимений 1-го лица множественного числа *иҳыу* (*иҳы*) "Мы" (с тобой), *иҷу* (*иҷы*) "Мы" (без тебя); рассматриваются и другие прономинальные разряды.

В области имен числительных П. К. Услар прежде всего фиксирует наличие децимальной системы счета. По словам автора, "окончания (числительных) изменяются сообразно с тем, считаются ли разумные существа или бессмыслиенные" [Услар 1979: 151]. Здесь же рассматриваются вопросы образования сложных количественных числительных, особенности их склонения и функционирования; особенности порядковых, дробных, "распространенных", собирательных и кратных числительных.

Наиболее значительной в грамматическом очерке является часть, посвященная глагольному словоизменению. Она открывается описанием спряжения вспомогательного ("недостаточного") глагола *вү* "является, есть", "служащего самою простотою связью между подлежащим и сказуемым" [1979: 163]. Подробно анализируются синтетические глагольные формы, спрягавшиеся без участия вспомогательных глаголов. Внимание уделяется и вопросам размещения классных показателей в структуре глагольной основы.

Далее описываются временные формы, а также причастные, деепричастные формы, формы наклонений. Среди них особое место занимают производящие формы глагола: отглагольное имя (масдар), деепричастие, форма единственного числа императива.

При рассмотрении глагольного спряжения в табасаранском языке П. К. Услар придерживается концепции пассивности переходного глагола. Вместе с тем, распределение табасаранских глаголов по типам спряжения, по мнению Услара, "невозможно, поскольку они не могут быть подведены под определенные правила". Конструкция переходного глагола в табасаранском языке, по Услару, "сложна, запутана и неудовлетворительна". Такое суждение вызвано, по-видимому, тем, что сведение эргативной конструкции табасаранского языка к пассивной, основывающейся только на внешних признаках, не может быть признано эффективным.

Сборник табасаранских слов включает 1566 лексических единиц. Словарные статьи снабжены грамматической информацией: так, даны формы эргативного ("творительного") падежа

единственного числа и именительного падежа множественного числа, формы местных падежей имен существительных. Семантика слова иллюстрируется фразовыми примерами.

Грамматический очерк Услара не лишен и отдельных недостатков, что не умаляет его заслуг перед научным сообществом, о чем сам он писал следующее: "Сознаю всю недостаточность моих грамматических очерков, но вменяю себе в заслугу, что теперь ... доставят они настоящим лингвистам богатые материалы для исследования" [Услар 1880: 33].

По справедливой оценке Р. И. Гайдарова [1981: 145], эта грамматика "одна без помощи других книг может дать общее правильное представление о табасаранском языке. Время, отделяющее нас от момента создания труда не уменьшает, наоборот, в известном смысле увеличивает его научную значимость, потому что в нем предметно зафиксирован конкретный, теперь уже ставший историческим, хронологический срез одного из интереснейших горских кавказских языков; с этой работы Услара берут свое начало табасаранская диалектология, лексикография и текстология".

Материалы табасаранского языка нашли в свое время отражение и в книге Р. Эрктера «Языки кавказского корня». По мнению специалистов, использование малоэффективного метода анкетирования, "сделало работу Эрктера в глазах всех последующих исследователей совершенно лишенной авторитета" [Жирков, 1948: 13]. Ср. также категорический вывод А. Диrra: "Кто знал эту книгу, знает также и то, что она не могла быть полезной мне: табасаранские материалы Эрктера так же ненадежны, как и все другие его работы" [Дирр 1905: VII].

Адольф Михайлович Диrr создал грамматический очерк табасаранского языка [Дирр 1905], который в целом следует принципам монографии П. К. Услара: он содержит краткое предисловие, скатый обзор фонетической системы и морфологического строя, фольклорные материалы: рассказы и сказки на табасаранском языке с русским переводом и грамматическими комментариями, а также сборник табасаранских слов (более 1400 лексических единиц) и русский указатель.

Морфология, особенно система глагола, занимает особое место в работе А. Диrra. Исследование А. Диrra не лишено и недостатков. В частности, нельзя не отметить его замечание о том, что "табасаранский язык наречий не имеет" [1905: VI], которое не подтвердилось последующими исследователями

[Боуда 1939; Генко 1940, 1941; Жирков 1948; Магометов 1965; Ханмагомедов 1967; 1987].

В целом же «Грамматический очерк табасаранского языка» А. Диrra сыграл определенную роль в истории изучения табасаранского языка.

Нельзя не указать также на работу Луи Ельмслева [1935], посвященную грамматической категории падежа в языках различных систем, в которой обращается особое внимание на систему склонения табасаранского языка, которая, по мнению ученого, является наиболее многопадежной из всех известных ему систем.

Над изучением табасаранского языка работал Карл Боуда, посвятивший этому языку исследование «Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. Das Tabassaraneische» [Leipzig, 1939]. Наблюдения Боуды основывались на печатных изданиях – «Литературной хрестоматии для начальных классов» (сост. А. Джарфаров) и повести А. С. Пушкина «Дубровский» (перев. А. Джарфарова). В отличие от П. Успара и А. Диrra, описание которых строилось на материале северных говоров, Боуда исследовал литературный язык, в основе которого, как известно, находятся южнотабасаранские говоры.

Исследование открывается краткой характеристикой звуковой системы и фонетические процессы. Основную часть книги занимает морфологический раздел. В работе представлены некоторые сведения о строении простого предложения в табасаранском языке.

В послереволюционное время в планомерное изучение и развитие табасаранского литературного языка активно включаются представители табасаранской интеллигенции – Темирхан Шалбузов, Абумуслим Джарфаров, Ханмагомед Ханмагомедов, Асадуллах Ханмагомедов, Асланбек Везиров, Гаджи-ага Гаджиев, Дадаш Раджабов, Багаутдин Митаров, Ибрагим Шахмурданов, которые внесли весомый вклад в просвещение, культуру и искусство табасаранского народа.

В это время приоритетными являлись теоретические и практические проблемы языкового строительства, в т.ч. задачи создания национальной письменности и периодической печати..

В связи с проблемами типологического исследования языков привлекал данные табасаранского языка И. И. Мещанинов [1936; 1940 и др.]. В частности, в схеме стадиальной периодизации кавказских горских языков, он касается и падежной системы

табасаранского языка, опираясь на «Грамматический очерк табасаранского языка» А. Диrra, исследователь говорит о наличии в этом языке 36 падежей [Мещанинов 1936: 326].

В 30-е годы над изучением диалектов табасаранского языка работал А. Н. Генко, составивший диалектологический словарь табасаранского языка, к сожалению, до сих пор не опубликованный. А. Н. Генко выделяет в табасаранском языке по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам три диалекта: сувакский (северный), нитрикский (южный) и этегский (восточный), отмечая особые различия между сувакским и нитрикским диалектами.

В 1948 году была опубликована монография Л. И. Жиркова «Табасаранский язык», в которой дается описание грамматического строя языка. Особое внимание автор уделяет морфологии, обращая внимание и на синтаксические функции различных морфологических единиц.

Спряжение табасаранского глагола по лицам, по мнению автора, резко отличается от спряжения в русском и иных индоевропейских языках: здесь маркируется только два лица: 1-е и 2-е. Автор говорит о возможности в структуре табасаранского глагола наряду с субъектным личным окончанием использовать личный формант, выражающий объект: «Дело в том, что в табасаранском языке к глаголу, уже имеющему личное окончание для указания на субъект, могут присоединяться и другие личные местоименные аффиксы для указания на объект в форме того или иного падежа и числа» [Жирков 1948: 109].

Значительное место в работе отводится анализу морфологической структуры глагола, включающей корень, превербы с разнообразными пространственными значениями, классные показатели (только в начале и только в середине корня), отрицательные и запретительные, реверсивные и редуплицированные аффиксы, формирующие производную глагольную основу.

Серию трудов по вопросам грамматики табасаранского языка опубликовал А. А. Магометов [1954, 1954а, 1956, 1960, 1962а, 1965, 1977, 1979, 1979а]. Он же подготовил к печати монографию П. К. Успара [1979] о табасаранском языке. В 1965 году вышло из печати его монографическое исследование по фонетике и морфологии языка «Табасаранский язык». В ней собран обширный лингвистический материал. По оценке А. С. Чикобава, значение данного труда заключается в том, что в ней показания табасаранского языка представлены на фоне сравнительно-типологи-

ческого и историко-сравнительного анализа лезгинской группы иберийско-кавказских языков, и даже не только данной группы. В работе частично освещаются также отдельные вопросы синтаксиса табасаранского языка, причем анализируются данные не только литературного языка и его опорного южного (ни trikskogo) диалекта, но и показания северного (сувакского) диалекта.

Много лет продуктивно работал в области изучения табасаранского языка профессор Б. Г. Ханмагомедов, разработавший вопросы именного склонения [Ханмагомедов 1958, 1958а, 1958б, 1967, 1979], проблемы синтаксиса [Ханмагомедов 1970, 1970а, 1967] и др. Его монография «Очерки по синтаксису табасаранского языка» [Ханмагомедов 1970] является заметным событием в изучении синтаксического строя не только табасаранского языка, но и других дагестанских языков. Им же был составлен ряд учебников и пособий для табасаранских школ, а также учебник для педагогицища, до сих пор остающийся единственным пособием для учителей родного языка.

Анализу лексики табасаранского языка посвящены работы В. М. Загирова [1975, 1976, 1977, 1981, 1982, 1986, 1987], отдельные вопросы грамматики исследованы З. М. Загировым [1987; 1982; 1982а], К. К. Курбановым [1978; 1976; 1977; 1980; 1983; 1986; 1990; 1995], К. Т. Шалбузовым [1964; 1981; 1985]. Они же являются авторами многих школьных учебников и учебных пособий. Результаты полевых исследований, проведенных в нескольких табасаранских селениях экспедициями МГУ, опубликованы в сборнике «Табасаранские этюды» [1982], в котором нашли отражение такие вопросы, как фонетика, синтаксис и морфология глагольного согласования, каузативная и некоторые другие конструкции. Происхождение лексики анализируется в «Школьном этимологическом словаре табасаранского языка» [Алексеев, Загиров 1992]. Табасаранско-азербайджанским языковым контактам была посвящена диссертация Т. Н. Эфендиева [1974].

Изучению грамматического строя современного табасаранского языка посвящены две монографии К. К. Курбанова [1986; 1995], в которых рассматриваются основные вопросы морфологической системы. В частности, в них всесторонне характеризуются грамматические категории и словоизменение частей речи. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с нормализацией литературного языка.

В отделе грамматических исследований Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН в течение последних лет ведется работа по созданию нормативной грамматик дагестанских языков. В частности, Б. Г.-К. Ханмагомедовым, В. М. Загировым, З. М. Загировым, К. К. Курбановым и К. Т. Шалбузовым составлена «Нормативная грамматика табасаранского языка». В 2001 г. был опубликован табасаранско-русский словарь, подготовлен к печати также русско-табасаранский словарь.

В последние годы был опубликован целый ряд исследований, посвященных отдельным проблемам фонетики, морфологии и лексики табасаранского языка. Проблемы фонематической структуры и морфонологии табасаранского языка обсуждаются в диссертации и специальных статьях Ц. Барамидзе [2000; 2001; 2002 и др.]. Табасаранской фонетике посвящено также несколько работ М. Д. Ваджикова [1998; 1999; 2000; 2001 и др.]. Проблемы табасаранской глагольной морфологии исследуются в работах Ш. З. Дащдемирова [1990; 1996 и др.], С. Х. Шихалиевой [1993; 1995; 1996; 1997; 2001 и др.] и др. Наречие в табасаранском языке исследовалось У. Г. Джавадовой [1999].

Арабизмы в табасаранском языке стали предметом кандидатского исследования Э. Р. Ибрагимовых [2003]. Фономорфологическая характеристика табасаранских диалектов посвящена диссертации и несколько специальных статей Н. В. Загирова [1995; 1997].

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА

Петр Карлович
Услар

Адольф Диэр

Александр Несторович
Генко

Темирхан Шалбузов

Байдуллах Гаджик-Курбанович
Хаммагомедов

Александр Амарович
Магометов

Велибек
Мирзабекович Загиров

Кази Курбанович
Курбанов

Таблица гласных табасаранского языка может быть представлена следующим образом:

	передн. ряд	средн. ряд	задн. ряд
	нелаб. лаб.		нелаб. лаб.
верхн. подъем	и	ү	у
фаринг.			үъ
средн. подъем	э		о
нижн. подъем			а
фаринг.			аъ

ФОНЕТИКА

Звуковой строй табасаранского языка характеризуется обилием согласных при сравнительно малом числе гласных звуков.

Гласные

В табасаранском языке шесть исконных гласных фонем: а, и, э, у, ү, аъ. Гласные э, ү, аъ по существующей орфографии в позиции после согласных обозначаются соответственно через е, ю, я (в начале слова эти буквы передают два звука: ѫ + соответствующий гласный). Гласные а, и, э, у практически не отличаются от соответствующих гласных русского языка: баб 'бабушка', лик 'нога', эпел 'скирда', сул 'лиса' и др. Гласные у, ү, аъ представляют собой фарингализованные корреляты у, ү, а, квалифицируемые в табасаранском языке как самостоятельные фонемы: урхуб 'читать' – урхуб 'беречь', аргыуб 'остывать' – аргыуб 'опухать' и др. (впрочем, имеются основания считать их позиционными вариантами, обусловленными соответствующими фарингализованными согласными). Следует отметить, что в табасаранском языке имеется также характерный для тюркских языков узкий лабиализованный гласный переднего ряда, графическое обозначение которого совпадает с обозначением фарингализованного у(ю): уль [үл] 'хлеб', гульуль [гүлүлү] 'настроение' и др. Через заимствованные из русского языка слова в литературный табасаранский язык вошли также гласные о, ы; объект, орден, космос, выставка, лыжир 'лыжи' и др.

В отношении долготы и краткости гласные в табасаранском языке нейтральны, хотя фонетически долгие встречаются в некоторых заимствованных словах: ағыз 'яд', лаазим 'нужный', аялым 'ученый' и др. Они не имеют смыслоразличительного значения и на письме не отображаются.

Согласные

Очень сложна в табасаранском языке система согласных звуков. В консонантизме табасаранского языка представлены четверичная система смычных и аффрикат, двойчная система спирантов, дентолабиализованные и билабиализованные согласные:

Место образования	Способ образования											
	Смычные				Аффрикаты				Спиранты			
	При��атальные	Непри��атальные	Элонгации	Абразивные	При��атальные	Непри��атальные	Абрзивные	Закоханые	Гортани	Элонгации	Смычные	
Губные	п	пп	б	п'	ц	цц	ч	з	ф	в	м	
Дентальные	т	тт	д	т'	ч	чч	ч'	дж	с	з	н	
Альвеолярные					чч	ччч	чч'	джч	ш	ж	л	р
Дентолабиалы					че	чеч	чеч'	джеч	ша	жа		й
Среднезубые									хъ	зз		
Заднезубые										х		
лаб.										хъ	зъ	
Укуперные					хъъ	къъ	къъ'					
лаб.												
Ларингальные					ъ							

Из русской графики в табасаранский алфавит вошли также буквы щ (хотя в табасаранском произношении имеем обычный спирант ш) и ь, который наряду с йотированными я, ю, е,

обозначает мягкость согласных в заимствованных из русского языка словах.

В рамках принятого алфавита некоторые согласные фонемы не имеют отдельных обозначений. Так, звонкие аффрикаты дз, ж, а также звонкий спирант гг передаются буквами з, ж, г: зигуб (дзиғиғуб) 'тянуть', убжуб (убджуб) 'испечь' и др., совпадая, таким образом, со спирантами и звонкими смычными. Непридыхательные согласные передаются через удвоение букв, обозначающих соответствующие придыхательные звуки: кикуб 'посадить' – ккикуб 'подложить', чил 'сизый' – ччил 'ягненок', ебцуб 'взвесить' – ебцуб 'сушить' и др.

Лабиализованные и дентолабиализованные согласные обозначаются при помощи дополнительной буквы ё: шур 'солянка' – шуёр 'половинка', ич 'наш' – ичё 'ваш', гъал 'скандал' – гъявал 'бок', клан 'дно' – к्�ляён 'сердечный' и др. В тех случаях, когда стоящий после подверженных лабиализации согласных в обозначает собственно губно-зубной звонкий спирант ё, он отделяется от него посредством апострофа: уж'вал 'добро', гаш'вал 'голод', нач'вал 'стыд' и др.

Заднеязычные и увулярные в соседстве с гласными переднего ряда (как в начале, так и в конце слова) заметно палатализуются, однако эта палатализация не имеет фонематического характера.

Ударение

Ударение в табасаранском языке, в отличие от остальных дагестанских языков, нефиксированное, подвижное, тяготеющее к конечному слогу: дяхин 'пшеница', хонй 'корова', дажи 'осел', хъунтуй 'тулой', лалаки 'заика', хумурзаг 'арбуз', гъотпрахым 'еж', гаварзал 'наковальня', арфани 'огурец', хъадукár 'весна', марчилхъан 'чабан' и др.

Подвижность ударения проявляется при изменении слова. При увеличении слов в слове за счет разных суффиксов, падежных окончаний и т. п. ударение, как правило, перемещается с корня слова на эти аффиксы: гъодрач 'скатерть' – гъодрачар 'скатерти', мишиш 'абрикос' – мишишиш 'абрикосы', цару 'пестрый' – царушин 'пестрота',

Фонетика

зурнай – 'зурна' – зурначи 'зурнач', зийн 'вред' – зиянкар 'вредитель' и др.

При перемещении ударения часто гласные звуки, утратившие ударение, редуцируются и при этом происходят различные фонетические процессы, о которых будет сказано особо.

В табасаранском языке много слов, в которых ударение играет смыслоразличительную роль: абсуб 'втыкать' – абсуб мазаз 'всплыть', аблтуб 'влепить(оплеуху)' – аблтуб 'порезать', убзуб заблудиться' – убауб 'торгеть', убзуб 'наливать' – убзуб 'сеять', убхуб 'наливать' – убхуб 'кипятить', вуйн 'бын' – вуйн 'бывший' и др. Во многих случаях деепричастные, причастные и личные формы глагола различаются лишь местом ударения: ѹлтикану 'поворнувшись' – ѹлтикану 'поворнулся', алдабегну 'сняв' – алдабегну 'снят', ѹтлубчену 'выскочив' – ѹтлубчену 'выскочил', ѹзадабгъэр 'взявшись' – гъзадабгъэр 'возмет' и т. д.

Наблюдаются определенные закономерности в расстановке ударения и в других глагольных формах. Так, например, в двухсложных беспревербных глаголах ударение всегда падает на второй слог: ахуб 'спать', лихуб 'работать', лигуб 'смотреть', лицуб 'тулять' и др. В глаголах с превербами в двухсложных словоформах ударение всегда падает на первый слог, а в трехсложных – на последний: кхабхуб 'подстать под...' – кхабдхъуб 'выпасть из-под...', (ъ)абхуб 'всыпать в...' – алабхуб 'насыпать на...', хъеб 'влезть за...' – хъедеуб 'вылезть из-за...' и др.

Встречаются и другие закономерности в расстановке ударения. В частности, различаются всегда ударные или безударные аффиксы, флексии и др.

Фонетические процессы

Большинство фонетических процессов в системе гласных и согласных в табасаранском языке связано с перемещением ударения в слове, которое в нитрикском диалекте, лежащем в основе литературного языка, подвергает морфемику слова довольно значительной трансформации.

Из этих процессов обычно отмечаются следующие:

Редукция гласных. При перемещении ударения на другой (обычно последующий) слог, гласный звук, утративший ударе-

ние, как правило, полностью выпадает: гажинár 'кувшин' – гажнár 'кувшины' (из гажинár), гъалáр 'ковер' – гъалеár 'ковры' (из альваáр), далдабúр 'барабан' – далдабчí 'барабанщик', памадúр 'помидор' – памадрár 'помидоры' и др.

При этом выпавший у во многих случаях, выпадая, лабиализует предшествовавший ему согласный: гакlúр 'полено' – гакlélár 'древа', жакlúр 'кукла' – жакалár 'куклы', яхkúr 'лакец' – яхелár 'лакцы' и др.

Звонкие согласные, очутившись при выпадении гласных в позиции перед глухими согласными, оглушаются: кáдагъ 'выбирай' – кттвагъýб 'выбирать', хъázабé 'приподними' – хъцабгъúб 'приподнимать', хъджабé 'сполосни' – хъччабгъúб 'поскать' и т. д.

Изменение качества гласных. При перемещении ударения некоторые гласные претерпевают качественные изменения: ударный а в суффиксе множественности -ар, -яр под влиянием корневых гласных переходит в а, э, и: мярх – мярхár 'саны', дюд – дюдér 'горла', мяяли – мяялийр ' песни' и др.

В позиции перед и после показателя VI серии местных падежей -гъ гласный а переходит в фарингализованный а: укáгъ 'в траве' – укáгъян 'из травы' (ср. укáлак 'под травой' – укáкан 'из-под травы'). Переход а в а в данном суффиксе показывает, что гъ в показателе серии представляет собой фарингализованную фонему.

Сингармонизм гласных. Табасаранскому вокализму отчасти присущее явление сингармонизма, характерное для тюркских языков. Процесс уподобления гласных наблюдается в глагольных основах. При образовании от глагольных корней различных форм, все слоги основы получают огласовку по корневому гласному: ср. илub 'вбросить' – идрилуб 'не вбросить', идишуб 'вбросить' – идидишуб 'не выбросить' – миишилан 'не выбрасывать' – илдидипри 'не сбрасывать', эдзуеб 'вылезать' – эдедеуб 'не вылезать' – мездеан 'не вылезай', алдабегъуб 'снять' – алдадабгъери 'не снимай', уччюобгъоб 'вытаскивать' – мюульчиобгъян 'не вытаскивай' – уччючиобгъоб 'не вытаскивать' и т. п.

Удвоение геминатов. По свидетельству Б.Г.-К.Ханмагомедова [1967], некоторые геминированные согласные, оказавшиеся

на стыке слогораздела, как бы удваиваются: никк 'молоко' – никк-ккар, датт 'петух' – датт-ттар, рякъ 'дорога' – рякъ-къяр и др. (на письме это не отражается: никкар, даттар, рякъяр). По всей видимости, исторически в табасаранском языке наряду с обычными непридыхательными согласными были и усиленные геминаты.

Выпадение согласных. Ларингальный смычный абруптив ъ (гамза) в позиции перед гласными в произношении ослабляется и на письме не обозначается: ккъа 'уложи (спать)' – ккау 'уложить', хиларъ 'в руках' – хилариан 'из рук', мъа 'мозг' – маар 'мозги' и др.

МОРФОЛОГИЯ

Морфологический тип табасаранского языка в основном маглутинативный. В нем выделяют десять частей речи: имена существительные, прилагательные и числительные, местоимения, глаголы, наречия (значимые слова), а также союзы, частицы, послелоги и междометия (служебные слова).

Среди частей речи по своей грамматической значимости выделяются имя существительное и глагол, так как табасаранский язык имеет очень развитую систему склонения имени и спряжения глагола.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное, будучи частью речи со значением предметности, является одним из наиболее употребительных разрядов слов в табасаранском языке. Им обозначаются живые существа, предметы материального мира, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия и др.: бай 'мальчик', чи 'сестра', шид 'вода', иб 'ухо', ухд 'трава', нач 'стыд', выхъюшин 'холод', узал 'суд', думшанеал 'вражда', гъяльюевал 'ход' жанлувал 'жизненность' и др. □

Основными грамматическими категориями существительного в табасаранском языке являются категории класса, числа и падежа.

Существительные в табасаранском языке к одному из двух именных классов: 1) класс разумных существ, к которому относятся слова, обозначающие людей, богов, ангелов и др. (инсан 'человек', чеэ 'брать', бай 'мать', аллаэй 'бог', малайшк 'ангел', пайгъамбар 'пророк' и др.), и 2) класс неразумных существ, к которому относятся слова, обозначающие весь остальной одушевленный и неодушевленный мир (сил 'кабан',

чамчч 'муха', гъэрз 'скала', марх 'дождь', уж'вал 'добро', ляхин 'работа', иаштаал 'геройство' и др.).

В самом существительном грамматические признаки класса отсутствуют, и на принадлежность его к тому или другому классу указывают классные показатели в прилагательных, числительных, местоимениях и глаголах при их согласовании в единственном числе (показатели множественного числа совпадают с экспонентами класса разумных существ): ужуб ляхин 'хорошая работа' – ужур кас 'хороший человек' – ухудар ляхнар (касар) 'хорошие работы (люди)'; сул гъебену 'писа убежала' – бай гъерену 'мальчик убежал' – сулар (баэр) гъерену 'писы (дети) убежали' и т. д.

В табасаранском языке существительные выступают в двух числах – единственном и множественном: лик 'нога' – ликар 'ноги', тул 'мяц' – тулар 'мячи', вич 'яблоко' – вичар 'яблоки' и т. д. Некоторые существительные употребляются только в единственном или множественном числах, например: инсаннит 'человечество', исплягъевал 'мир', сархуш'вал 'эйфория' (только ед.); пирпийр 'седло', хирччвар 'хурджины', риччукулар, терезар 'весы', айнар 'очки' (только мн.) и др. Поскольку категория числа и падежа тесно связаны, о способах образования множественного числа будет сказано при описании системы склонения имени в табасаранском языке.

В лексико-семантическом аспекте различаются существительные собственные (Муса, Дербент, Самур и др.) и нарицательные (ччувр 'имя', нир 'река', шағыр 'город' и др.)

Категория одушевленности и неодушевленности в табасаранском языке грамматически не выражена. Одушевленные предметы (кроме человека) отвечают на тот же вопрос что?, как и неодушевленные, ср.: фуж? (кто?) – инсан 'человек', гъунши 'сосед' и др., но фу? (что?) – гъум 'песок', клари 'тепенок', мизмиз 'комар' и др.

Склонение имен существительных

Система склонения в табасаранском языке, как и в ряде других дагестанских языков, строится по т. н. "принципу двух основ", который заключается в том, что именительный падеж служит основой для эргативного падежа, а эргатив, в свою

очередь, служит основой для косвенных падежей. Надо сказать, что для табасаранского языка это положение не совсем верно. Дело в том, что, согласно традиционной табасаранской грамматике, у существительных, эргатив которых образуется посредством показателей *-ну*, *-ру*, *-лу* и частично *-у*, начиная с родительного падежа у переходит в *а:* *чал 'язык'* – *чалну* – *чалнан*, *люк 'орел'* – *люкру* – *люкъран*, *укл 'трава'* – *уклы* – *уклан* и др. По-видимому, описание образования падежей подобных имен выглядело бы логичнее, если предполагать у них образование косвенной основы падежей с *-а-*, от которой уже переходом *-а->-у* образуется эргатив.

Именительный падеж ед. числа у непроизводных основ лишь специальными падежными аффиксами и представляет собою основу, от которой образуются эргатив ед. числа и именительный падеж мн. числа. От последнего, в свою очередь, образуется эргатив мн. числа. Таким образом, в табасаранском языке имеются две основы имени – основа именительного падежа и основа косвенных падежей, которые не совпадают друг с другом.

Основные падежи. Основными падежами в табасаранском языке считаются падежи именительный, эргативный, родительный и дательный.

Именительный падеж ед. числа существительного, как было отмечено, грамматически не оформлен и представляет собою назывную форму имени. Он отвечает на вопросы *фуж(кто?)* в классе разумных существ и *фү(что?)* в классе неразумных существ: *фуж?* – *адаш 'отец'*, *дада 'мать'*, *шуваш 'невеста'*, *жилтир 'мужина'* и др.; *фү(что?)* – *шөөв 'медведь'*, *лүф 'толубь'*, *зимз 'муравей'*, *ъялан 'камень'*, *рук 'куст'* и др. Именительный падеж множ. числа отвечает на вопросы *фужкар?(кто?)* и *фүйир?(что?)* и образуется от формы именительного падежа единств. числа при помощи аффиксов *-ар* (*>-айр*, *-эр*) от слов с согласным исходом и *-айр* (<*айр*) от слов с гласным исходом: *күлп 'голова'* – *күлпар*, *ул 'глаз'* – *улар*, *ляхин 'работа'* – *ляхнар*, *сес 'голос'* – *сесер*; *юкю 'цветок'* – *юкюйир*, *къалайчи 'пудильщик'* – *къалайчиир* и т. д. При этом, как видно из примеров, гласные конечного слова в двух-трехсложных словах в связи с утратой ударения выпадают.

В предложениях существительные, стоящие в именительном падеже, выступают в качестве подлежащего, объекта (прямого

дополнения) и именной части составного сказуемого: *Ри и шаахна 'Девочка спит'*; *Бали х и ла р жикъура 'Мальчик руки моет'*; *Муиз к и та б бу 'Это – моя книга'* и т. д.

Имя в эргативном падеже отвечает в зависимости от класса и числа на вопросы *шили? фужари?* и *фти? фүйир?* Он образуется от косвенной основы посредством нулевого показателя и переходом *-а->-у*, о котором речь шла выше, или, иными словами, от форм именительного падежа при помощи показателя *-и*, *-у(у)*, *-ди*, *-ди*, *-ри*, *-ли*, *-ни*, *-ну*, *-ру*, *-лу* в единственном числе и при помощи –и в всех случаях – во множественном: *мал 'скот'* – *мали*, *малари*, *укл 'трава'* – *уклы*, *уклари*; *нюрх 'полба'* – *нюрхю*, *нюрхари*; *аслан 'лев'* – *асланди*, *асланари*; *аба 'отец'* – *абайи*, *абийир*; *лик 'нога'* – *ликри*, *ликари*; *уиш 'рот'* – *уишвари*, *гаф 'слово'* – *гафни*, *гафари*; *лүф 'толубь'* – *лүффи*, *лүфари*; *микл 'ветер'* – *миклди*, *миклари* и т. д.

При образовании эргативного падежа единственного числа также происходит выпадение гласных, утративших ударение, как и при образовании именительного падежа мн. числа: ср. *марфакл 'подушка'* – *марфкли* – *марфкдар*; *гамшиш 'буйвол'* – *гамшиш*, *гамшар*; *ифи 'кровь'* – *ифди*, *ифийир* и т. д.

Установить строгие правила, регулирующие образование эргатива в единственном числе посредством того или другого показателя, довольно трудно. В силу этого соответствующая грамматическая информация обычно приводится в словарях, сообщающих наряду с формами именительного падежа ед. и мн. числа также формы эргатива.

Существительные, стоящие в эргативном падеже, в предложении выступают в качестве подлежащего (при переходном глаголе-сказуемом) или дополнения в значении орудия действия: *Гатди шид ухъзура 'Кошка воду пьет'*; *Дузгу дажи марзъали ухъчуру 'Он осла палкой избивает'* и др.

Родительный падеж существительных отвечает на вопросы *шилин?* *фтин?* и *фужарин?* *фүйирин?*. Он образуется посредством показателя *-и* от косвенной основы (resp. формы эргативного падежа): *дадай 'мать'* – *дадайн*, *дадири* – *дадийирин*, *ульи 'хлеб'* – *ульин*, *ульери* – *ульерин*, *лампай 'лампа'* – *лампайин*, *лампиири* – *лампийирин* и т. д.

Существительные, стоящие в родительном падеже, употребляются в значении притяжательных и относительных прилага-

тельных (*дяхнин уыл 'пшеничный хлеб'*, *абайин ургам 'отцовский тупул'*, *бабан чал 'родной язык'* и др.) и в предложении обычно выступают в качестве определения. В отличие от остальных падежных форм они, принимая суффиксальные классные показатели, подобно прилагательным, субстантивируются и начинают самостоятельно склоняться: *дяхнинуб 'нечто пшеничное'* – эрг. *дяхнинубди*, род. *дяхнинубдин...*; *абайинур 'некто отцовский'* – эрг. *абайдинури*, род. *абайинурин*, им. мн. *абайиндар 'отцовские'* и т. д. Ср. *мани уыл 'горячий хлеб'* – *дяхнин уыл 'пшеничный хлеб'*, *уыл маниб вүйи 'хлеб горячий был'* – *уыл дяхнинуб вүйи 'хлеб пшеничный был'*; *абайин хал 'отчий дом'* – *бай абайинур вүйи 'сын отцовский был'* и др.

Дательный падеж отвечает на вопросы *шилиз?* *фужариз?* и *фтилиз?* и образуется от формы косвенной основы (эрратива) при помощи показателя *-з: устайи 'мастер'* – *устайиз*, *устайир – устайиз*; *бабу 'мать'* (род. *бабан*) – *бабаз, бабари – бабариз* и т. д.

Дательный падеж в литературном табасаранском языке вытесняет направительный падеж I серии (куда? во что?): *Шубар шавырз гъушуну 'Девушки поехали в город'*, но *Шубар Хиена гъушуну 'Девушки поехали в Хив'*.

В предложении существительные, стоящие в дательном падеже выступают в качестве дополнения и обстоятельства места. При глаголах чувствования они выступают также и в качестве логического субъекта: *Сулаz гъюр гъябъкыну 'Лиса увидела зайца'; Жюрабчиз саб сес гъебъкыну 'Охотник услышал какого-то звука'* и др.

Пространственные падежи в табасаранском языке сохранили наиболее полную и стойкую систему, которая в некоторых других дагестанских языках подверглась большому разрушению. Литературный язык сохранил семь серий, т. е. показателей локализации предмета в пространстве по отношению к какому-либо другому предмету (нахождение в, на, под, за чеш-л. и т. д.). Каждая из этих семи серий в зависимости от направления и характера движения (где? куда? откуда? и т. д.) имеет по шесть падежей.

Эссины, или падежи покоя, в системе групп пространственных падежей занимают особое место. Эссины, подчиняясь отмеченному выше принципу "двух основ",

образуются от формы эргативного падежа посредством присоединения к ней соответствующих показателей.

Остальные же группы падежей образуются уже не от эргативного падежа непосредственно, а от эссиев, вследствие чего показатели эссиев одновременно выступают и как показатели отдельных серий вообще.

Эссины показывают различные пространственные отношения между предметами, находящимися в состоянии покоя и отвечают на вопросы где? или в чем? в ком? под чем? и т. д. в зависимости от серии.

I серия эссиев образуется посредством прибавления к косвенной основе смычно-гортанного глухого *ь* (гамза) и обозначает нахождение предмета где-нибудь, в чем-нибудь, внутри чего-нибудь: *Шаъыр гызар гъальапир 'В городе много жителей'; Талсыз мух айи 'В мешке находился ячмень'*.

Собственные имена – названия местных населенных пунктов не имеют особой формы этого падежа, вернее, они имеют для именительного падежа и эссиива I серии одну и ту же форму: ср. *Ич хизан Хив яшамиши шупа 'Наша семья живет в Хиве'* и *Хив ахъу гъул ву 'Хив – большое село'*.

Нужно отметить, что названия местных населенных пунктов имеют только одну (первую) серию местных падежей. Это объясняется тем, что эти названия сами, как правило, являются формами эссиев разных серий и по своей специфике не требуют детализации своего пространственного расположения.

В живой речи показатель эссиива I серии ъ часто произносится невнятно или вовсе не произносится. Отдельных существительных он утратился и в литературном языке: эти существительные превратились в наречия времени: *хъадукра 'летом'* (из *хъадукъа*), *саб вахтна 'одно время'*, *'некогда'*, *'когда-то'* (из *саб ахтна*) и др.

II серия эссиев образуется посредством показателей *гъ/хъ* и обозначает нахождение предмета у, около чего-нибудь или перед чем-нибудь: *Урнарих (урнарих) гамуш дабъхына 'у ворот (перед воротами) буйвол лежит'; Рягъильх (рягъиль) баляри хъядар дисурай 'У мельницы дети удили рыбу'*.

У слов, относящихся к классу разумных существ, этот падеж в настоящее время имеет преимущественно значение временного обладания, принадлежности, нахождения у кого-нибудь, имея в

виду не пространственные отношения, а присутствие, наличие вообще: *Ииз бици чи хъадну халайхъ хвай* 'Моя сестренка летом была у тети'; *Дугъаъ гы пул гъадай* 'У него сегодня не было денег'.

Подобное развитие абстрактных, непространственных значений из местных вполне закономерно (ср. русск. У сестры была книга и У леса стояла избушка¹).

Что же касается чисто местных отношений этого падежа в словах, относящихся к классу разумных существ, то они в настоящее время передаются исключительно посредством послелогов в сочетании их с родительным падежом: *Балин улыгъ ягъли сар адми дийгънай* 'Перед парнем стоял какой-то высокий человек'; *Шуран бағахъ гвар хъай* 'Возле девушки стоял кувшин'.

Характерной особенностью рассматриваемого падежа в табасаранском языке является то, что он имеет два показателя и выражает такие различные, хотя и довольно близкие друг к другу, значения, как локализация «перед» и «около». Между тем, остальные серии не имеют больше одного показателя и выражают какое-нибудь одно пространственное отношение. Исследование этого вопроса путем привлечения фактов близкородственных табасаранского агульского и лезгинского языков дает основание для предположения, что исторически формы на -гъ и -хъ представляли собой два самостоятельных падежа, из которых один (на -гъ) обозначал локализацию «перед», а второй (на -хъ) – локализацию «около».

III серия эссивов образуется посредством показателя -къ и обозначает нахождение предмета на вертикальной или боковой поверхности: *Цапик карта ка* 'На стене карта висит'; *Иицран гъвалак тламъза ка* 'На боку у быка тавро (есть)'.

Эссив III серии обозначает также нахождение предмета в жидкой или сыпучей среде. При этом упор делается не на самый факт нахождения этого предмета в какой-то среде, а на количественную сторону – нахождение малого в большом, например: *Дяхник гаргар ка* 'В пшенице овес есть', т. е. пшеница

¹ Развитие абстрактных значений из пространственных в табасаранском языке наблюдается во многих местных падежах.

засорена овсом; *Жукук кыл кабхъ* 'В суп соли посыпь' (немножко) и т. д.

IV серия эссивов образуется посредством показателя -хъ и обозначает нахождение предмета за чем-нибудь, позади чего-нибудь: *Дағъдикъ бици гъул хъай* 'За горой был небольшой аул'; *Столыхъ хъайдар за гъавши* 'Сидящие за столом встали'.

У слов, обозначающих одушевленные предметы, этот падеж потеряет пространственное значение и обозначает наличие, принадлежность: *Пельхиц үйцукъуб шюхъ хъа* 'У курицы пятнадцать цыплят'; *Шурахъ хур чеэ хъа* 'У девушки пятеро братьев'.

V серия эссивов образуется посредством показателя -ккъ и обозначает нахождение предмета под чем-нибудь или под кем-нибудь: *Гывирк кума кка* 'Под деревом избушка (есть)'; *Гъевандикъ мляяхъ кка* 'Под камнем червяк (есть)'.

VI серия эссивов образуется посредством показателя -гъ и обозначает нахождение предмета между чем-нибудь, между частями, среди чего-нибудь: *Адашдин квантларыцъ палпурс гъайи* 'В губах (букв. между губами) у отца была папироса'; *Клааригъ кьюб лизи мудур жараъурайи* 'Среди телят бегали два белых козленка'.

Существительные, которые, начиная с родительного падежа, меняют показатель эргатива -у или же в составе показателей -ру, -лу, -ну на а, в данном падеже меняют этот а на аь (я) под влиянием предшествующего г: машина – машинан – машинягъ 'лицо' гаф – гафну – гафнигъ 'слово' и т. д.

VII серия эссивов образуется посредством показателя -ин (< ил) и обозначает нахождение предмета на чем-нибудь или над чем-нибудь: *Гъавин бай дийгъына* 'На крыше стоит мальчик'; *Тепеинин люкъ тиљихура* 'Над холмом летят орел'.

При образовании эссива VII серии от целого ряда слов происходят некоторые изменения в основе косвенных падежей:

1. Существительные, имеющие чередование -у эргатива и -а-косвенной основы, меняют этот а в эссиве VII серии на и под влиянием гласного и в показателе этой серии: гафну – гафнан – гафниин 'слово', битирю – битирэн – битирин 'змея' и т. д.

2. В односложных существительных, эргатив от которых образуется посредством детерминантов -и, у эти звуки вследствие утраты ударения, как правило, редуцируются, выпадают;

например: *күл – күли – күлүн* 'голова', *гүюн – гүюни – гүюнүн* 'плечо', *баб – бабы – бабын* 'мать' и т. д.

Апостроф здесь ставится для обозначения слогораздела.

Слогораздел (точнее, наличие ларингала) в подобных случаях выступает в табасаранском языке в смыслоразличительной функции: ср. *күл-лин* (род. пад. пишется *күлүн*), *күл-ъин* (эссив VII серии, пишется *күлүн*) и т. д.

Во множественном числе выпадение детерминанта косвенной основы и в VII серии эссивов может иметь место во всех словах, однако, как в живой, так и в письменной речи, его выпадение или сохранение совершенно факультативно: *хярари – хярарин // хярарин* 'пуга', *ярквари – яркварарин // яркварарин* 'леса', *ликари – ликаришин // ликарин* 'ноги' и др.

Посредством прибавления показателя -ан от эссивов всех семи серий образуются аблативы, или падежи исходные. Аблативы обозначают, откуда происходит действие: из чего, от чего, из-под чего и т. д. Примеры: *Күмтэриан күм удуңчыра* 'Из дымохода выходит дым' (I серия); *Баяр гъархан* (или *гъарызан*) *түдүчінен* 'Дети отошли от дерева' (II серия); *Дүгъян мухрикан* *значок ктабхыну* 'С его груди скатился значок' (III серия); *Дәгъдышан ризг хыттыбичуну* 'Из-за горы взошло солнце' (IV серия); *Рукаррикан зыор куутубичуну* 'Из-под кустов высокочил заяц' (V серия); *Гъарзаригын нир ахмиш шула* 'Меж камней течет ручей' (VI серия); *Гъеварипан үйф алдабхура* 'С крыши сбрасывают снег' (VII серия).

При образовании аблативов от эссивов сами формы эссивов или показатель аблативов -ан в отдельных сериях подвергаются небольшим фонетическим изменениям:

1. При образовании аблатива I серии окончание эссива ъ (гамза), оказавшись в положении между двумя гласными, ослабляет-ся и выпадает: *къабиль – къаблиш* 'корень', *людниль – людниан* 'горло', *жидиль – жидиан* 'карман' и т. д.

В односложных существительных, образующих косвенную основу посредством ударяемых детерминантов и, у, последние при образовании аблатива I серии редуцируются (и в том случае, когда детерминант эргатива -у переходит в остальных падежах в а); *нири – нир'ан* 'река', *хили – хил'ан* 'рука', *дуку* (род. *дукун*) – *дук'ан* 'просо', *гъулу* (род. *гъулан*) – *гъул'ан* 'сено' и т. д.

2. При образовании аблативов в связи с перемещением ударения на показатель: -ан гласный в предшествующих слогах выпадает и во всех остальных сериях аблативов: *гъарих – гъархын* – 'дерево' (II серия), *гъарих – гъархын* (III серия), *гъарик – гъарккан* (V серия) и т. д.

Выпадение гласного в окончаниях эссивов при образовании аблативов, однако, не происходит тогда, когда в случае выпадения гласного появилось бы несвойственное для табасаранского языка стечение нескольких согласных: ср. *гъарик – гъарккан* 'дерево', но *хъалхымик – хъалхымккан* 'дупло' (V серия).

3. При образовании аблатива VII серии н в окончании эссива этой серии переходит в л, (исходный показатель этой серии) *рыйядын – рыйядылан* 'дорога' (вместо ожидаемого *рыйядынан*), *гакелин – гакелилан* 'полено' (вместо ожидаемого *гакелинан*) и т. д.

Аблативы отдельных серий развили и некоторые абстрактные значения:

а) аблатив II серии при глаголах *хыуб/шуб* 'уметь', *удукуб* 'мочь' и др. обозначает логический субъект: *Устайихынан му ляхин тамам алғуз шулу* 'Мастер может выполнить эту работу'; *Му Нурихынан удубырьлу ляхин дар* 'Нур не справится с этой работой'.

б) аблатив III серии при глаголах *улхуб* 'говорить', *фикир алпуб* 'думать', *ктилуб* 'рассказывать' и др. обозначает косвенный объект и соответствует русскому предложному падежу с предлогами о (об), про: *Абайи чан умьрикан ктилбұрай* 'Дед рассказывал о своей жизни'.

Посредством прибавления показателя -на от эссивов образуются лативы или падежи направительные.

Лативы противопоставлены аблативам и выражают обратные значения, т.е. движение куда-л. или же во что-л., под что-л., к чему-л. и т. д. (соответственно серии) направлено действие: *Баб нақы Аргүзғана гъушуну* 'Бабушка вчера поехала в Аргун' (I серия); *Гъарыхана (гъарыгына)* шубар гъафну 'К дереву подошли девочки' (II серия); *Дәгъын машанынан марчарин лиж гъафну* 'На склон горы пришла отара овец' (III серия); *Ху раккнарихына гъафну* 'Собака подошла к дверям' (букв. 'пришла за двери' – IV серия); *Гъариккана жаръай, бағ!* 'Дети, бегите под дерево!' (V серия); *Йицад урнаригына дүфнү дийигыну* 'Волы остановились в

воротах' (VI серия); Жил'ина қлажар ахърай 'На землю падали листья' (VII серия).

Исконная форма латива I серии в литературном языке, как и в подавляющем большинстве говоров, вытеснена дательным падежом.

Латив I серии образуется в настоящее время только от названий местных населенных пунктов (а также от наречий места и послепоговоров). Ср. Ничрас – Ничрасна 'в Ничрас', айтм – айтмна 'внутри' – 'во внутрь' и т. д., но хулаь – хулаз 'дома' – 'домой', икриль – икриз 'во дворе' – 'во двор', Дербенттдиль – Дербенттдиз 'в Дербенте' – 'в Дербент'.

В лативе VII серии в литературном языке при стечении двух *и* (и в показателе VII серии и и в показателе лативов) один из них отпадает: ликирин – ликиришина 'нога' вместо ликиришна, марғылини – марғылинина 'папка' (вместо марғылинина) и т. д.

Значения лативов преимущественно чисто пространственные. Абстрактные значения, развитые лативами, незначительны, поэтому на них можно не останавливаться.

Следует отметить, что сфера употребления лативов в табасаранском языке постепенно сужается. Они вытесняются эссивами, которые все чаще употребляются вместо лативов: Жүлең жибдиш иш ивунза 'Ключ я в карман положил' (вместо жибдильна или же жибдиз – I серия); Шкафдихъ тут хъабхыну 'Мяч упал за шкаф' (вместо шкафдихына – IV серия); Ищран ликирк шөхъякхыну 'Под ногу быка попал цыпленок' (вместо ликирккна – V серия) и т. д.

Посредством прибавления показателя -ди от эссивов всех семи серий образуются комитативы, или сопроводительные падежи. Основное значение этих падежей – обозначение пространственных отношений между предметами при их совместном движении, т. е. они обозначают на чем, под чем, за чем и т. д. (соответственно серии) находится предмет при движении: Учу шағыриз айрабайльди гъушинча 'Мы поехали в город на арбе' (букв. 'в арбе', 'находясь в арбе' – I серия; ср. айрабайльдеңба 'сидит в арбе'); Йиц айрабайхъди гъябъюра 'Вол идет рядом с арбой' (т. е. находясь около арбы – II серия); Зимз цаликди гъябъюра 'Муравей ползет по стене' (III серия); Мярхярихъди нежбер гъюра 'За санями (находясь позади саней) идет крестьянин' (IV серия); Марчлыхъни

чухайн канчилуккди нис хурай 'Чабан нес под полой чохи сыр' (V серия); Хуй силбарильтди гъюр тъабхи 'Собака в зубах (букв. между зубами) принесла зайца' (VI серия); Жамар гъяйванинди гъафи 'Гонец прискакал на лошади' (VII серия).

Помимо пространственных отношений комитативы в табасаранском языке в настоящее время выражают и ряд других значений:

1. У слов, относящихся к классу разумных существ, комитативы II и III серий, употребляясь с глаголами улхуб 'говорить', кархуб (злеуб) 'драться', борться', дэви алгуб 'воевать', гъалмагъялар алгуб 'браниться' и т. д. обозначает лицо, на которое направлено действие этих глаголов: Усту чан шағуртхиди (шавуртхиди) улхура 'Мастер говорит со своим учеником'; Иса Мусайхъди злеана 'Иса дерется с Мусой' и т. д.

При понудительных глаголах комитатива II серии обозначает прямой объект: Балихъди урхуз айт 'Заставь сына учиться'; Минайхъди шид хуз айттай 'Заставьте Мину принести воды'.

2. Комитатив IV серии в настоящее время преимущественно обозначает не нахождение за, позади чего-нибудь, а вообще нахождение при чем-нибудь, сопровождение, совместность: Сабан адашхъди шаъриз гъушинчай 'Однажды мы с отцом поехали в город'; Расул Ризайхъди саб классиди урхура 'Расул учится с Ризой в одном классе' и т. д.

3. Комитатив VII серии в литературном языке в настоящее время имеет преимущественно значение орудного (творительного) падежа: Яв ушэ хил'инди гъеб 'Прикрой свой рот рукой'; Каъзар карандшинди дидикнай 'Письма были написаны карандашом' и т. д. (в диалектах, а иногда и в литературном табасаранском языке в качестве орудного падежа наряду с VII серией употребляются также комитативы II и IV серий).

От отвлеченных существительных, которые нельзя представить как орудия действия, комитатив VII серии имеет значение наречий образа действия: Вари дикъатининди хъебехънай 'Все внимательно (букв. с вниманием) слушали'; Уху хъузъвалинди улихна гъягъюрахъ 'Мы уверенно (букв. с уверенностью) идем вперед' и т. д.

Директивы удаления. Эта группа падежей регулярно образуется от аблативов посредством прибавления к ним показателя *-ди* во всех сериях без исключения и обозначает в направлении из чего, от чего, из-под чего и т. д. (соответственно серии) исходит действие: *Хул'анди чъльвар гъюрай* 'Из дома (со стороны дома) доносились крики' (I серия); *Школайхъанди бағрин дәсте гъюра* 'От школы (в направлении от школы) идет группа ребят' (II серия); *Лиж дагъедин машнаканди гъюрай* 'Стадо шло со склона горы' (III серия); *Мурчэв хъанди сар хълигурай* 'Из-за угла кто-то выглядел' (IV серия); *Сул рукарикванди ккутубчану* 'Лиса выскоцила из-под кустов' (V серия); *Битм зъвана ризъянди гъюбучуруади* 'Змея со стороны камней (со стороны пространства между камнями) выползала' (VI серия); *Гъваъланди ѹиф ахърай* 'С крыши падал снег' (VII серия).

I серия директивов удаления, помимо основного значения, имеет еще значение транслатива и обозначает через что происходит действие: *Къяляхъ учу бағьдианди хътакунча* 'Назад мы возвратились через сад'; *Луф улд'анди утлубчины азъубину* 'Голубу выплел через окно'.

Непространственные значения директивы удаления выражают очень редко: *Селим узъхъанди гъулхуну* 'Селим высказался за меня'; *Юлдихъанди узу пул тувиңза* 'За товарища я расплакался' и т. д.

Директивы приближения. Эта группа падежей образуется от лативов посредством *-ди* и указывает на движение по направлению к чемунибудь, не имея в виду результат действия.

Прежде всего необходимо остановиться на образовании этой группы падежей, так как здесь падежные формы подверглись некоторым изменениям. Директивы приближения, как было отмечено, образуются от лативов посредством показателя *-ди*: *хъюхъинчына* – *хъюхъинчынади* 'нос', *ибаҳына* – *ибаҳынади* 'ухо' и т. д. Однако формы с *-нади* (-на + *-ди*) в современном литературном языке почти полностью вытеснены формами на *-инди*, где *-ин* является фонетически измененной формой показателя *-на*, что подтверждается следующими обстоятельствами:

а) *-инди* целиком не является показателем этой группы падежей, что видно при образовании I серии, где исконная форма на *-на* вытеснена формой дательного падежа: *яркеваз – яркевразди* 'лес', *ичлаz – ичлаzди* 'яма' и т. д. В противном случае, т. е. если показателем этой группы падежей был бы *-инди* целиком, то в приведенных выше примерах должно было быть *яркевразинди*, *ичлаzinди*, чего на самом деле нет (ср. с *Яраккнади/Яраккинди* 'Ярк' (название селения) и др.).

б) в VII серии до *ин* имеет место только одна форма, а именно, старая, исконная: *цап'инади* 'стена', *жил'инади* 'земля' и др. Переход *-на* в *-ин* здесь не произошел, как в остальных сериях, вследствие особых фонетических условий в данной серии, а именно, вследствие наличия уже одного *-ин* как показателя данной серии (показатель эссива).

СХЕМА образования местных падежей

ушле 'рот' (эрг. ушвени, род. ушвенин, дат. ушнениз)

Серии	эссивы	лативы	аблативы
	ушвниш	ушвниш	ушвнишан
II	ушвнишъ(хъ)	ушвнишъ(хъ)на	ушвнишъ(хъ)ан
III	ушвник	ушвникина	ушвникиан
IV	ушвнишъ	ушвнишъна	ушвнишъан
V	ушвники	ушвникина	ушвникиан
VI	ушвнишъ	ушвнишъна	ушвнишъян
VII	ушвнишн	ушвнишна	ушвнишнан

Серии	комитативы	директ. приближения	директ. удаления
I	ушвнишди	ушвнишди (ушвнишнади)	ушвнишнади
II	ушвнишъ(хъ)ди	ушвнишъ(хъ)ди	ушвнишъ(хъ)анди
III	ушвникиди	ушвникинди	ушвникианди
IV	ушвнишъди	ушвнишънди	ушвнишъанди
V	ушвникиди	ушвникинди	ушвникианди
VI	ушвнишъди	ушвнишънди	ушвнишъанди
VII	ушвнишнди	ушвнишннади	ушвнишнанди

Директивы удаления выражают исключительно пространственные отношения. Выражаемые ими отношения передать на

русском языке очень трудно, а иногда и невозможно, так как они, указывая на направление движения, в то же время указывают на то пространственное положение, которое данный предмет занял бы по отношению к тому предмету, к которому он движется, в том случае, если бы это действие достигло своей цели: *Дурар гъулазди рякъю учынун* 'Они тронулись в путь по направлению к селу' (I серия); *Лель раккынинди гъюра* 'Курица идет по направлению к двери' (II серия); *Гадраг цапыкынди гъакабазы* 'Кноп побежал к стене' (III серия); *Туп гъвандыхынди кийидегъуну* 'Мяч покатился (по направлению) за камень' (IV серия); *Ич айвандыккынди луфар гъитирхуну* 'По направлению под наш балкон полетели голуби' (V серия); *Кира гинбагынди гъубину* 'Теленок пошел в сторону конопляника' (VI серия); *Кьюб метр ягълишиналан гъвандин цал'инади урсун күндий* 'С высоты двух метров нужно было прыгнуть на каменную стену' (VII серия).

Отличие директивов приближения от обычных направительных падежей, т. е. от лативов, довольно большое, и они обычно не могут заменять друг друга. Ср. *Гими полюсдыхына гъубину* 'Пароход отправился к полюсу' (в смысле дошел до полюса) – *Гими полюсдыхынди гъубину* 'Пароход отправился в сторону полюса' (но не дошел до него, не был еще на полюсе) и т. д.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Основной синтаксической функцией имени прилагательного в табасаранском языке является функция определения. Активно функционирует прилагательное и в качестве именной части составного сказуемого.

Характерной особенностью имени прилагательного в табасаранском языке является то, что оно в определительной функции не согласуется с существительным в падеже, числе и классе: *ахю хал 'большая комната'* – *ахю хулар 'в большой комнате'*, *ахю хулар 'большие комнаты'*, *ахю кас 'большой человек'*, *ахю касид 'большому человеку'*, *ахю касар 'большие люди'* и т. д. Исключение составляют только два прилагательных, которые в этой функции согласуются с существительным в классе и числе – *ухур 'хороший'* и *уччур 'красивый'*: *ухур хал*

'хорошая комната', *ухур кас 'хороший человек'*, *ухудар хулар 'хорошие комнаты'*, *ухудар касар 'хорошие люди'*, *уччуб хал 'красивая комната'*, *уччур кас 'красивый человек'*, *уччубадар касар, хулар 'красивые люди, дома'*. Остальные прилагательные согласуются с существительными только в предикативной функции (будучи именной частью составного сказуемого): *хал ахюдар* ву 'комната большая' – *хулар ахюдар* ву 'комнаты большие'; *бай ахюор* ву 'мальчик большой' – *баяр ахюдар* ву 'дети большие'. Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с общей тенденцией угласания классов в табасаранском языке.

Имена прилагательные, приняв классные показатели *б* (для класса неразумных существ), *р* (для класса разумных существ) и *дар* (общий для обоих классов, где *д* – переключочно сохранившийся показатель исчезнувшего класса, а *-ар* – суффикс множественности), субстантивируются и начинают склоняться подобно именам существительным.

Имена прилагательные в табасаранском языке делятся на качественные и относительные.

Качественные прилагательные преимущественно образуются от имен существительных посредством суффиксов *-и*, *-у(ю)*, *-у*, например: *ич 'яма'* – *ичи 'пустой'*, *амс 'туча'* – *амси 'пастырный'*, *лаz 'белая глина'* – *лизи 'белый'*, *дащи 'сало'* – *дащи 'неприятный, плохой'*, *къаб 'ствол'* – *къаби 'старый'*, *лель 'курица'* – *леи 'самка (о цыплёнке)*, *биц 'бык'* – *биди 'самец (о теленке)*, *къяш 'влага'* – *къяши 'мокрый'*, *укл 'трава'* – *уклы 'синий'*, *цар 'линня'* – *цару 'пестрый'*, *чар 'всходы'* – *чур 'зелёный'*, *лик 'нога'* – *лику 'хромой'*, *бюрг 'тной в глазу'* – *бюргю 'слепой'*, *гаш 'голод'* – *гашун 'голодный'*, *лам 'сырость'* – *ламун 'сырой'* и т. д.

Однако, значительная часть именных корней, от которых подобным образом образованы прилагательные, не поддается расшифровке, т. е. объяснить их значение на основе данных современного литературного языка не возможно: например, *ярх-и 'длинный'*, *хъяхъ-у 'тухлый'*, *ах-ю 'большой'*, *клар-у 'чёрный'*, *тигъэр 'скучный'* и т. д. Это, по-видимому, свидетельствует об исконной двусложности адъективных основ в табасаранском и других лезгинских языках.

Ряд качественных прилагательных с суффиксами *-ан*, *-ал* имеют две формы, употребление которых в языке факуль-

тативно: *күбән* – *күбәни* 'храбрый', *ягъал* – *ягълы* 'высокий', *мичәл* – *мичлы* 'прохладный', *исчап* – *исчлы* 'низкий' и т. д.

Многие причастия общего времени переходят в разряд прилагательных, обозначая уже не столько признак действия, сколько постоянный признак предмета, например: *әбәру ялхыван* 'быстрый танец' (букв. 'прыгающий танец'), *лихру кас* 'рабочий человек' (букв. 'работающий человек'), *ъабаъу шид* 'холодная вода' (букв. 'остывшая вода'), *уберу иставу* 'острый перец' (букв. 'скользящий перец'), *йиверу хони* 'бодливая корова' (букв. 'быющая корова'), *хъеберу ху* 'злая собака' (букв. 'тоняющаяся собака') и т. д.

Весьма продуктивны заимствованные из азербайджанского языка суффиксы -лу, -суз, при помощи которых от существительных образуются многочисленные качественные прилагательные: *кымат* 'цена' – *кыматту* 'ценный', *кыматсуз* 'бесценный', *бахт* 'счастье' – *бахтлу* 'счастливый', *бахтсуз* 'несчастный' и т. д.

В табасаранском языке есть целый ряд прилагательных, заимствованных из других языков, например, *машгүр* 'известный', *азад* 'свободный', *аңух* 'открытый', *перишан* 'печальный' и т. д. Некоторые из них выступают то как существительные, то как прилагательные, например: *аҳмак* 'тупец, глупый', *игит* 'герой, геройский', *алчаъ* 'подлец, подлый', *дирбаш* 'храбрец, храбрый'.

Морфологическое различие между ними проявляется довольно четко. Выступая в качестве существительных они соответствующим образом склоняются и ничем от обычных существительных не отличаются: *игит* 'герой' – эрг. п. *игитти*, мн. ч. *игиттар* 'герои' и т. д. Выступая в атрибутивной функции, они оформляются так же, как остальные прилагательные: *игит ляхин* 'героический поступок' – *бай игиттур вүйи* 'парень геройский был', *күшум* *игиттүб* *вүйи* 'войско геройским было', *күшмар* *игиттәр* *вүйи* 'войска героическими были' и т. д. Поэтому в каждом случае здесь налицо самостоятельная часть речи со свойственной ей парадигмой словоизменения.

В качестве относительных прилагательных в табасаранском языке выступают формы родительного падежа имен существительных и некоторых склоняемых наречий времени и места: *хад* 'лето' – *хъадан* 'летний', *къорд* 'зима' – *къордун* 'зимний', *чевул* 'осень' – *чевалин* 'осенний', *сач* 'прошлый год' – *сачдин* 'прошлого-

годний', *сурчан* 'позапрошлый год' – *сурчандин* 'позапрошлогодний', *ъыз* 'сегодня' – *ъыйдин* 'сегодняшний', *наъ* 'вчера' – *нақындин* 'вчерашний', *улиғ* 'впереди' – *улиғындин* 'прежний' и т. д.

От одушевленных существительных эти формы имеют значение притяжательных прилагательных, например: *бабан бай* 'мамин сынок', *абайин хал* 'отчий дом', *халайин хал* 'тетина комнаты' и др.

Следует отметить, что иногда формам родительного падежа единственного числа существительных противопоставляются формы родительного падежа множественного числа, которые при этом еще более подчеркнуто выражают значение относительных прилагательных, ср. *дишавлыгын* *туфлийир* 'туфли женщины' – *дишавлыгынин* *туфлийир* 'дамские туфли', *балин хал* 'комната ребенка' – *баярин хал* 'детская комната', *жилирин ляхин* 'работа мужчины' и 'мужская работа', но *жиларин ляхин* 'мужская работа' и т. д.

Формы родительного падежа не только формально выступают в роли прилагательных, но в предикативной функции они также принимают классовые показатели, как и качественные прилагательные, ср. *бици* *гапур* 'маленький кинжал', *гапур бициб* ву 'кинжал маленький (есть)' – *арсан* *гапур* 'серебряный кинжал', *гапур арсаннуб* ву 'кинжал серебряный (есть)'; *ягъал* 'высокое дерево', *гъэр ягъалуб* ву 'дерево высокое', *гъэрар ягъалдар* ву 'деревья высокие' – *жихрин гъэр* 'трущевое дерево', *гъэр жихринуб* ву 'дерево грушевое', *гъэрар жихриндар* ву 'деревья грушевые' и т. д.

Отдельные относительные прилагательные и по семантике далеко отошли от родительного падежа существительного, ср. *күл* 'голова' – *күлини* *иццуришин* 'головная боль' (букв. 'головы боль'), *күлини* месзала 'главная проблема', *къял* 'поясница' – *къялан мектеб* 'средняя школа' и т. д.

В табасаранском языке немало и заимствованных из других языков относительных прилагательных, например: *ерлу* 'местный', *дальу* 'горный', *шими* 'научный', *табии* 'природный', *сигси* 'политический', *хусуси* 'особый, центральный, верховный, партийный' и т. д.

Степени сравнения имена прилагательные в табасаранском языке не имеют. Значения степеней сравнения в нем передаются

описательно, например: *гизаф ахю 'очень большой'*, *мутлан бици 'меньший, чем этот'*, *варитан жыкъи 'самый короткий'* и т. д.

Субстантивированные прилагательные переходят в разряд существительных и склоняются по их образцу:

Им.	выхюб 'большой'	выхюр 'старший'	выхюдар 'старшие'
Эрг.	выхюбди	выхюрин	выхюдари
Род.	выхюбдин	выхюрин	выхюдарин
Дат.	выхюбдиз	выхюриз	выхюдариз
Эсс. I	выхюбдый	выхюриз	выхюдариль
Эсс. II	выхюбдигъи(хъ)	выхюризъи(хъ)	выхюдариль
Эсс. III	выхюбдик	выхюрик	выхюдарик
Эсс. IV	выхюбдихъ	выхюрихъ	выхюдарихъ
Эсс. V	выхюбдикк	выхюрикк	выхюдарикк
Эсс. VI	выхюбдигъ	выхюригъ	выхюдаригъ
Эсс. VII	выхюбдин	выхюришин	выхюдаринн

Таким же образом склоняются они и в остальных группах местных падежей.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в табасаранском языке обозначает количество предметов или их количественный признак.

В табасаранском языке различаются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, кратные, разделительные и дробные.

Количественные числительные: саб 'один', къуб 'два', шубуб 'три', юкубъ 'четыре', хъуб 'пять', йирхъуб 'шесть', ургуб 'семь', мирижи 'восемь', урчъуб 'девять', йиццуб 'десять', йиццисаб 'одиннадцать', йиццильюб 'двенадцать', йиццихъуб 'пятнадцать', къаб 'двадцать', варж 'сто', агъзур 'тысяча' и др.

Перечисленные выше количественные числительные служат базой для образования сложных и составных количественных числительных (мирижыл 'восемьдесят', хъударж 'пятьсот', агъзурна варжна йирхъуб 'тысяча сто шесть' и т. д.), а также числительных остальных разрядов.

Количественные числительные от 11 до 19 образуются от числительного *йиццуб 'десять'* (*йицци-*) плюс соответствующее числительное: *йиццисаб 'одиннадцать'*, *йиццихъуб 'семнадцать'* и т. д.). Десятки от 30 до 90 также образуются с участием

числительного *йиццуб 'десять'* (-ццуб), например: *хъуб 'пять'* – *хъубуб 'пятьдесят'*, *йирхъуб 'шесть'* – *йирхъубуб 'шестидесят'* и т. д. В числительных сумчур 'тридцать' и ягъччубур 'сорок' исконные корни подверглись некоторым фонетическим изменениям, но несомненно то, что и они подобного же образования.

Числительные от 200 до 900 образуются от соответствующих числительных с классным показателем *д* с участием числительного *варж 'сто'*: *къударж 'двести'*, *шубударж 'триста'*, *урчъедарж 'девятьсот'* и т. д.

Количественные числительные, в отличие от прилагательных, всегда имеют классный показатель: *саб риши 'одна девочка'*, *къур кас 'два человека'*, *хъур эскер 'пять воинов'*, *хуб гъеван 'пять камней'*, *саб къари 'один теленок'*. При некоторых существительных временного значения (год, день, ночь и др.) числительные и в единственном числе сохранили реликтовый классный показатель *д*, который выступает также во множественном числе обоих классов: ср. *саб йиц 'один вол'*, *садар йиццар 'одна пара волов'*, *садар йицъял 'одни дни'* и т. д. Следует отметить, что согласование числительных с существительными в настоящее время проводится непосредственно: числительные, обозначающие десятки, начиная с тридцати, имеют классный показатель *р* независимо от принадлежности существительного к тому или иному классу, например: *сумчур кас 'тридцать человек'*, *сумчур гъар 'тридцать девять'*, *сумчур йиц 'тридцать дней'*; *урацур вич 'семьдесят яблок'*, *урацур гъар 'семьдесят человек'*, *урацур йис 'семьдесят лет'* и т. д. Не изменяются по классам также числительные *варж 'сто'* и *агъзур 'тысяча'*: *агъзур манат 'тысяча рублей'*, *агъзур кирлич 'тысяча (штуки) кирпичей'*, *агъзур йис 'тысяча лет'* и т. д.

Характерно, что при количественных числительных существительное всегда ставится в единственном числе: *саб чарва 'одна овца'*, *къаб чарва 'две овцы'* и др. В составе предложения, количественные числительные, которые обычно выступают в определительной функции, рассматриваются вместе с определяемым словом как один член предложения, так как глагол-сказуемое согласуется с сочетанием числительного с именем, ср. *Саб чарва гъубкуну 'Одного барана зарезали'* – *Хъуб чарва гъуркуну 'Пять баранов зарезали'* и др.

Существительное ставится во множественном числе лишь в тех случаях, когда между количественным числительным и существительным находится прилагательное:ср.: *хъур бай пять парней* – *хъур жысал баяр* 'пятеро молодых парней', *кьюб ыиц 'два вола'* – *кьюб къаби ыицар* 'два старых вола' и т. д.

Порядковые числительные образуются от количественных посредством суффикса *-ли*, который образовался от стаженной формы причастия *гъали* 'сказанный' (возможно, здесь сохранилась архаичная беспрефиксная форма причастия): *кьюр 'два'* – *кьюрли 'второй'* (из *кьюр гъали 'два сказанный'*); *къаб 'двадцать'* – *къабли 'двадцатый'* (из *къаб гъали 'двадцать сказанный'*) и т. д.

При субстантивации порядковые числительные принимают вторичные классные показатели, например: *сарпир ученик* 'первый ученик' – *думу ученикарикин сарпир ву* 'из учеников он является первым', *шубули мертеба 'третий этаж'* – *му мертеба шубулибиг ву* 'это третий этаж' и т. д.

Собирательные числительные образуются от количественных посредством суффикса *-ид* для класса разумных существ и суффикса *-иб* для класса неразумных существ: *къорид баярра 'оба мальчика'*, *кьюкъоб чулларра 'оба мешка'*.

При этом нужно отметить, что при собирательных числительных существительное всегда ставится во множественном числе, причем обязательно с усиливительным союзом *'ра'* и *'и'*: *шубрид чейирра 'трое братьев'*, *юкъиб терефарра 'все четыре стороны'* и т. д.

Кратные числительные образуются от количественных числительных в классе неразумных существ посредством суффикса *-ан*, например: *саб 'один'* – *сабан 'один раз'*, *шубуб 'три'* – *шубубан 'трижды'*, *юкъуб 'четыре'* – *юкъубан 'четырежды'* и т. д.

Разделительные числительные образуются путем их повторения, но с усеченной формой компонента сочетания, например: *шубуб 'три'* *шубуб 'по три'*, *ыицуб 'десять'* – *ыицуб 'по десять'*, *хъур кас 'пять человек'* – *хъур-хъур кас 'по пять человек'* и т. д.

Дробные числительные образуются описательно, например: *хъубдик саб 'одна пятая'* (букв. 'из пяти один'), *шубубдик кьюб 'две третьих'* (букв. 'из трех два') и т. д.

При субстантивации (т. е. употребляясь в роли существительных) количественные и порядковые числительные начинают склоняться подобно именам существительным:

Склонение количественных числительных

Основные падежи

Им.	сабди	сар	саблиб	сарпир
Эрг.	сабби	сари	саблиби	сарпирин
Род.	сабдин	сарин	саблибдин	сарпирин
Дат.	сабдиз	сариз	саблибдиз	сарпириз

Местные падежи

Эссивы

I сер.	сабдиль	сариль	саблибдиль	сарпирль
II	сабдиль(хъ)	сариль(хъ)	саблибдиль(хъ)	сарпирль(хъ)
III	сабдик	сарик	саблибдик	сарпирик
IV	сабдихъ	сарихъ	саблибдихъ	сарпирихъ
V	сабдикк	сарикк	саблибдикк	сарпирикк
VI	сабдигъ	саригъ	саблибдигъ	сарпиригъ
VII	сабдиин	сарин	саблибдиин	сарпирин

Субстантивированные порядковые числительные склоняются таким же образом: *сарпир 'первый'* – эрг. п. *сарпирин*, род. п. *сарпирин* и т. д.

Завершая рассмотрение числительных, следует отметить, что числительное 'один' в табасаранском языке имеет значение неопределенного артикля, а также служит для образования различных сложных слов с неопределенным значением: *сар кас 'некто'*, *сабан 'однажды'*, *сабжурейин 'некоторый'*, *сабгерен-дилан 'через некоторое время'* и др.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение в табасаранском языке имеет следующие разряды: личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, определительные, неопределенные и отрицательные.

Из разрядов местоимений в табасаранском языке наиболее интересны личные местоимения: узу 'я', ууву 'ты', думу 'он', 'она', 'оно', учу 'мы' (эклюзив), ухуу 'мы' (инклузив), дуар 'они'.

Личные местоимения I и II л. обоих чисел не имеют особой формы для эргативного падежа – это форма совпадает с формой именительного падежа. Личное местоимение Зл. ед. ч. думу, имеет особые формы для эргативного падежа: думу – дузыу (I кп.) и диди (II кп.). В дальнейшем эти две основы сохраняются во всех косвенных падежах. Кроме того, родительный падеж от личных местоимений образуется нерегулярно: узу – йиз, ууву – яв, ухуу – ихъ, учуву – ичъ, но дузыу – дугъан, диди – дидин, дуарии – дуарин (в З л. родительный падеж образуется нормально).

Остальные падежи, которые образуются от косвенной основы, за исключением эргативного и родительного, принимают в личных местоимениях те же окончания, что и в именах существительных:

Основные падежи

Им.	узу 'я'	увуву 'ты'	думу 'он'
Эрг.	узу	увуву	дугъу
Род.	йиз	яв	дугъан
Дат.	уазуз	увуз	дугъаз

Местные падежи

Эссиивы

I сер.	узуъ	увувъ	дугъаъ	дидиль
II	узуъ(хъ)	увувъ(хъ)	дугъаъ(хъ)	дидиль(хъ)
III	узук	увук	дугъак	дидик
IV	узухъ	увухъ	дугъаҳъ	дидихъ
V	узукк	увукк	дугъақк	дидикк
VI	узуъ	увувъ	дугъаъгъ	дидигъ
VII	уз'ин	ув'ин	дугъ'ин	дид'ин и т. д.

Хотя формы именительного и эргативного падежей личных местоимений I и II лица и совпадают, их функции в предложении различаются вопросами, на которые они отвечают, ср. Узу (фуж?) даахназ 'Я (кто?) сплю'; Уве (фуж?) хулъ гъуз 'Ты (кто?) останься дома', но Узу (шили?) мияли къураза 'Я (форма эрг. пад. от кто?) песню пою'; Уву (шили?) шишал гъайиб 'Ты (форма эрг.

пад. от фуж?) мешок понеси' и т. д. Постановка одного из двух вопросов здесь зависит от семантики глагола: при непереходном глаголе подлежащее должно стоять в именительном падеже (фуж?), а при переходном – в эргативном (шили?). Другими словами, если личные местоимения здесь имеют одну общую форму для двух падежей, то вопросительные местоимения их различают (см. об этом также спряжение глагола).

Возвратные местоимения 2 л. жеву 'ты сам' и Зл. учу 'он сам' и чиб 'они сами' имеют полное склонение: жеву, жевуву, жевуван, жевувас...; учу, чае, чан, чаз..., чиб, чиши (< чиби), чибин (< чибин) и т. д.

Формы родительного падежа личных и возвратных местоимений выступают в качестве притяжательных местоимений: узу 'я' – йиз 'мой', ууву 'ты' – яв 'твой', думу 'он' – дугъан 'его', жеву 'сам' – жевуван 'свой', учу 'от сам' – чан 'его' и т. д. При этом они, как и прилагательные, образованные от родительного падежа существительных, могут субстантивироваться и самостоятельно склоняться: йиз – йизур, йизури, йизурин и т. д.

З-е л. личных местоимений в обоих числах выступает одновременно и как указательное. При этом оно дифференцирует свои формы в зависимости от уровня расположения референта т его удаленности от говорящего: думу 'он', 'тот', дуар 'они', 'те', му (гъаму) 'этот', гъуму 'тот наверху', ккуму 'тот внизу', туму (гъатму) 'тот вдали' и т. д. Приставки, которые в приведенных выше примерах принимают эти местоимения, обычно восходят к падежным окончаниям, аналогичным по форме также и глагольным превербам.

Местоимения типа му, туму являются указательными только в определительной функции. Когда же они выступают без определяемых слов, то их нужно рассматривать как варианты З-го л. личных местоимений, ср. Му гъафну 'этот пришел', Музыу пул гъабнуну 'Этот (человек) деньги принес', Муъзас фу ккунди а? 'Что ему нужно?' и т. д. Вместе с тем, у указательных местоимений есть определенные, не совпадающие с личными местоимениями формы: мууну 'этот', тумуну 'тот', ккумуну 'тот внизу' и т. д. ср. му хал – мууну хал 'этот дом', туму кюче – тумуну кюче 'та улица'.

Формы типа мууну, тумуну склоняются только при субстантивации: муунуб 'этот' (предмет) – эрг. п. муунубди и т. д.

К указательным местоимениям относится также еще целый ряд местоимений: *ъацib* (*ъацир*, *ъацдар*) 'такой, как тот', *мициб* (*мицир*, *мицдар*) 'такой, как этот' и др. Как видно из примеров, эти указательные местоимения принимают показатели класса и числа: *ъацib мутум 'такая вещь'*, *ъацир игит 'такой герой'*, *ъацдар мутмийир, игитар игит 'такие вещи, герои'* и т. д.

К вопросительным местоимениям относятся: *фуж 'кто'*, *фу 'что'*, *фунуб 'который'*, *фциб 'какой'*, которые при отсутствии вопроса (в особых конструкциях предложения) выступают и как относительные местоимения, ср. *Фуж гъюра? Кто идет?* – *Фуж уҳди гъафиши, гъадыу циа апли 'Кто раньше придет, тот пусть разведет огонь'*; *Фу хурава? Что несешь?* – *Дузу фу хураши, мялум дар 'Что он несет, неизвестно'* и т. д.

Склонение вопросительных местоимений

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>фуж 'кто'</i>	<i>фу 'что'</i>
Эрг.	<i>шили</i>	<i>фти</i>
Род.	<i>шлин</i>	<i>фтин</i>
Дат.	<i>шилиз</i>	<i>фтиз</i>
		<i>фужарис</i> и т. д.

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных посредством отрицательной частицы *-ка*: *фужкка 'никто'*, *фужка 'ничто'*, *шлинкка 'ничей'* и др. При склонении отрицательных местоимений изменяется только местоименная часть: *фужкка 'никто'* – *шилизкка 'никому'*, *шликъдикка 'ни с кем'* и т. д.

Неопределененные местоимения также образуются от вопросительных посредством частицы *-вш* (исходно форма условного наклонения от глагола-связки *хъуб 'быть'*): *фуж-вш 'кто-то'*, *фу-вш 'что-то'* и др.

Неопределенные местоимения пишутся через дефис, при их склонении также изменяется только первая часть: *фу-вш 'что-то'*, *фтиз-вш 'чemu-то'*, *фтих-вш 'у чего-то'* и т. д.

К определительным относятся местоимения *гъарсар 'каждый'* (I кл.), *гъарсаб 'каждый'* (II кл.), *гъар 'каждый'* (для обоих классов), *еари 'все'*, *варидар 'все'* и др.

ГЛАГОЛ

В табасаранском языке глагол отличается от остальных частей речи исключительным богатством словообразовательных и формообразовательных средств. Табасаранский глагол имеет сложное классно-личное спряжение, развитую систему времен и (отличие от некоторых других дагестанских языков) стройную парадигму глагольных префиксов – превербов, сочетание с которыми глагольных основ образует многочисленные глаголы, передающие тончайшие оттенки пространственных отношений между предметами.

Основной формой глагола в табасаранском языке принято считать масдарную форму (в последнее время в качестве таковой предлагается и целевая форма), которая регулярно образуется от глагольного корня посредством суффиксов *-уб*, *-ульб* (-юб): *уъхъуб / уърхъуб 'хранить'*, *жабъульб / жаргъульб 'бежать'*, *убзуб / урзуб 'сеть'* и т. д.

Корневая морфема табасаранского глагола, как правило, выступает, не осложняясь аффиксальными морфемами, в форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения. В некоторых глаголах, впрочем, эта форма образуется супплитивно или же посредством присоединения к корню суффикса *-ин*. Практически корень глагола легко вычленяется в масдарной форме путем отбрасывания суффикса масдара *-уб/-ульб/-юб*: *лихуб 'работать'* – лих (корень и форма повелительного наклонения), но *аплуб 'делать'* – *апл* (корень) – *аплин* (форма повелительного наклонения), хуб 'принести' – х (корень) – *аъбъкин* (форма повелительного наклонения).

Наряду с масдарной формой существует должностествовательная (целевая) форма глагола, которая образуется от корня посредством суффиксов *-уз*, *-ульз* (-юз): лиц (корень глагола 'ходить') – *либцуб/лицуб* (масдарная форма) – *либцуз/лицуз* (целевая форма); *уъ(р)х* (корень глагола 'хранить') – *уъхъуб / уърхъуб* (масдарная форма) – *уъхъозуб/уърхъоз* (целевая форма) и т. д. Суффиксы *-уб*, *-ульб*, *-ульз* (-юз) присоединяют корни, заключающие в себе гласный звук у (ю), у (ю), а (я). В остальных случаях употребляются суффиксы *-уб*, *-уз*.

Следует отметить, что корень глагола в чистом виде выступает только в некоторых глаголах, утерявших классное

согласование. Что же касается подавляющего большинства глаголов, то в их корни инфиксально и редко префиксально вклиниваются классные показатели *r*, *d* (для I класса и множ. числа) и *b* (для II класса): *уърх 'храни'*, *'береги' (человека)* – *уъбх 'храни' (деньги, вещь)*, *жакъв бис 'поймай птицу'*, *ъвергайдир дис 'лови убегающего'*, *жакъвар дис 'лови птиц'* и т. д. Отдельные глаголы имеют для множественного числа особую форму, например, *гамуш дабхъну 'буйвол леж'*, *адми дахъну 'человек леж'*, *гамшар (адмийир) дахъну 'буйволы (люди) лежги'*; *дажи ѿъбакъну 'осел сдох'*, *адми ѿакъну 'человек умер'*, *адмийир ѿыххуну 'люди умерли'* и т. д.

Масдарная и целевые формы табасаранского глагола функционально соответствуют русскому инфинитиву, противопоставляясь друг другу характером синтаксических функций: *лихуб лазим ву* 'нужно работать', *лицуб хайдирлу ву* 'ходить полезно'; *бикъуз казза 'собираюсь писать'*, *лихуз ѿъягъораза 'иду работать'* и т. д. Как видно из примеров, целевая форма глагола является неизменяемой и лексически не является самостоятельной, поскольку в предложении она выступает при других глагольных формах, без которых ее употребление невозможно: *лигуз ѿъягъоб 'идти смотреть'*, *пуз хъюзъоб 'начать говорить'*, *шиуз кааст алгъуб 'намереваться ударить'* и т. д. Масдарная же форма, с одной стороны, склоняется подобно существительному: *лихуб 'работать, работаение'* – зрг. п. *лихбу*, род. п. *лихбан*, дат. п. *лихзас*, эсс. I *лихбъ* и т. д., с другой стороны, как бы дает основу для его спряжения: *лихураза 'работаю'*, *лихураава 'работаешь'* и т. д.

В табасаранском языке от масдарных форм при помощи суффикса *-вал* образуются еще и отвлеченные существительные, которые сохраняют некоторые признаки (согласование в классе и числе посредством классных показателей): *жабъуб/жаргъуб 'бежать'* – *жабъувал/жаргъувал 'бег'*, *бикъуб/дикъуб 'писать'* – *бикъувал/дикъувал 'письмо' (письание)* и т. д.

Согласование глагола в классе и числе осуществляется при непереходном глаголе с субъектом, а при переходном – с объектом, ср.: *бай жаргъура 'мальчик бежит'*, *дай жабъура 'жеребенок бежит'*, *баяр жаргъура 'ребята бегут'*, *даяр жаргъура 'жеребята бегут'*, но *сулауз хорчабан ѿъяркъуну 'лиса увидела охотника'*, *хорчабнисул ѿъякъуну 'охотник увидел лису'*.

хорчабнисулар ѿъяркъуну 'охотник увидел лис' и т. д. Что же касается согласования в лице, то оно осуществляется обычно с субъектом действия: *Уев халачи ухбураава 'ты ткешь ковер'*, *узу ѿихуразу 'я умираю'* и т. д. Однако, глаголы переходно-непереходного значения имеют субъектно-объектное согласование, например: *узу ву ѿъярзазаву 'я тебя посыпаю'*, *узу узу ѿрчкураавау 'ты меня избиваешь'*, *дугъуз уху ѿихурахху 'он нас убивает'* и т. д.

Глагольные корни в табасаранском языке очень продуктивны. Помимо префиксов-превербов они образуют многочисленные группы глагольных основов с родственными и в то же время самостоятельными значениями. Превербы, или пространственные префиксы в глаголах в табасаранском языке играют ту же роль, что и приставки в глаголах, например, в русском языке. Пространственные префиксы в глаголах табасаранского языка материально и функционально аналогичны соответствующим падежным окончаниям имен. Таким образом, различные пространственные отношения формально выражаются дважды – в окончании имени и в префиксе глагола, например: *китабдиккъиен 'подложил под книгу'*, *китабдихъ хъиаван 'заложил за книгу'*, *китабдигъ гъиувун 'вложил в книгу'*, *китабдизъз гъиувуб 'приложить к книге'*, *китабдигъ гъиувуб 'вложить в книгу'* (меж страниц), *китабдизън шиувуб 'положить на книгу'*, *китабдиккъиан кка-даьбъуб 'вытащить из-под книги'*, *китабдизълан гъадагъуб 'отодвинуть от книги'*, *китабдилан алдабъуб 'снять с книги'* и т. д.

Табасаранский язык обладаетстройной системой местных префиксов, которые, как уже было отмечено, соответствуют показателям местных падежей. Ср.:

I серия: *Кииф къутдиль в (ъя) 'Чашка находится в ящике'*.

II серия: *Пич ракннарихъ(ъ) въ 'Печка находится у дверей'*.

III серия: *Сурат цалик 'Портрет висит на стене'*.

IV серия: *Тул сундукъ хъа 'Мяч находится за сундуком'*.

V серия: *Гату столикъ кха 'Кошка находится под столом'*.

VI серия: *Хүшин силбариъ къраб гъя 'У собаки в зубах находится кость'*.

VII серия: *Клуп'ин ('klyup'in) бачукл ал 'На голове есть папаха'*.

Как видно из приведенных примеров, все превербы соответствуют показателям соответствующих серий местных падежей,

за исключением I серии, где ъ (гамза) исчез в начале глагола, и его отсутствие является grammatickим признаком данной серии.

В связи с глагольными превербами следует отметить также следующее:

1) глаголы, как правило, не принимают преверб хъ-, за исключением глагола-связки, и заменяют его превербом ѿ-, ср. дуъғынна гъаъ // дуъғынна гъаъ 'посыпал к нему', балъган аъэр // балъан аъэр 'спроси у мальчика' и т. д.;

2) гласный перед превербом -л- (VII серия) зависит от корневого гласного. Ср.: ил-шлуб 'накинуть', 'набросить', улчуб 'залезть на что-л.', э-луб 'сесть верхом', улч-къюб 'содрать', ал-дадағылуб 'не снимать', улч-мұлтұркүб 'не сноять' и т. д.

Глаголы, оформленные пространственными префиксами, в сочетании с эссивами обозначают покой, а в сочетании с лативами и директивами приближения – приближение, т.е. действие, направленное внутрь чего-л., под, что-л., в сторону чего-л. и т. п. Например: гъядукк кка 'находится под мостом' – гъядуккна ккубчыну 'зашел под мост', гъядукканди ккубчыну 'зашел по направлению под мост' и т. д. Тем не менее, в настоящее время при глаголах со значением приближения очень часто употребляются эссивы, а не лативы. Ср.: Гъевандикк миялхъя кка 'Под камнем находится червяк'; Гъевандикк (вместо гъевандиккна) миялхъя ккубчыну 'Под камень (букв. под камнем) подполз червяк' и т. п.

От этих же глаголов при употреблении их с падежами группы аблативов и директивов удаления образуются сложные формы с инфиксом -д- с последующим гласным, который зависит от корневого гласного. Подобные формы, получившие в grammatickой литературе название реверсивных, обозначают действия, противоположные по своему направлению немаркированной форме; ср. жибдъ илуб 'бросить в карман' – жибдиан илупуб 'выбросить из кармана', пикрикк кклиуб 'бросить под ногу' – пикрикканн кклидупуб 'выбить из-под ноги', дазъдикканди ккуччуб ' зайти под гору' – дазъдикканди ккуччуб 'выйти из-под горы'; гъевана улуччуб 'залезть на крышу' – гъевылан улдуччуб 'сплезти с крыши' (в VII серии корневой гласный перед д выпадает) и т. д.

Пространственные префиксы принимают не все глаголы. Такие глаголы, как лихуб 'трудиться', 'работать', ахуб 'спать', ишуб 'плакать', рякьюб 'видеть', ебхуб 'слышать' и др. не имеют в своей структуре превербов, что, видимо, объясняется отсутствием в них семантике тез или иных пространственных компонентов. Некоторые глагольные корни сочетаются со всеми превербами, другие же только с некоторыми из них. В качестве преверба выделяется также формант д-, который не имеет соответствий среди показателей серий местных падежей: дилуб 'бросить', 'оставить на месте' (без указания на пространственное отношение предмета к окружающему).

Во многих случаях из первоначальных чисто пространственных значений глаголов с превербами развились абстрактные значения: лизуб 'смотреть' – кклизуб 'ждать', 'ожидать' (букв. 'смотреть из-под чего-нибудь'), балзуб 'разукрасить' – албаауб 'уладить', 'нападти', 'помирить' (букв. 'украсить сверху'), альхъюб 'смеяться' – кояхъюб 'высмеивать', 'насмехаться', лицуб 'ходить' – гъилизуб 'брюдюнничать', 'нищенствовать', ухуб 'пить' – кхъуб 'запить', илуб 'кушать' – хыпильуб 'закусывать' и т. д.

Большое число глаголов образуется путем присоединения к именам существительным и прилагательным вспомогательных глаголов алпуб 'делать', хуб 'быть' и др., например: фикир алпуб 'думать' (букв. 'думу делать'), мани алпуб ' согревать' (букв. 'теплый делать'), марци хуб 'очистить' (букв. 'чистым стать'), зэгъмет зигуб 'трудиться' (букв. 'труд тянуть') и т. д. К этой же категории относятся глаголы, образуемые посредством вспомогательных глаголов от заимствованных основ с суффиксом -миш (-ламиш): алдатмиш алпуб 'обмануть', баъышламиш алпуб 'простить', горюшимиш хуб 'встречаться', активламиш алпуб 'активизировать', актламиш алпуб 'активировать' и т. д.

Таким образом, в табасаранском языке следует различать три типа глаголов: 1) простые глаголы с неосложненными превербами основами (жабэйуб 'бежать', лицуб 'ходить', рякьюб 'видеть' и др.); 2) производные глаголы с превербами в своем составе (кхажабэйуб ' побежать', алжабэйуб 'наброситься', гъилизуб 'бродить' и т. д.); 3) сложные глаголы (ляхин алпуб 'работать', нач хуб 'стыдиться', артмиш алпуб 'разивать', артмиш хуб 'развиваться' и т. д.).

Спряжение глагола

В табасаранском языке глагол согласуется с субъектом (а переходный глагол иногда и с объектом) не только в классе и числе, но и в лице, хотя формальное выражение получают только 1-е и 2-е лицо.

Спринжение глагола по лицам

(лихуб 'работать')

Ед. число	Мн. число
1 л. узу лихураза	учу лихурача, уху лихурахъа
2 л. уву лихураава	учуву лихурачча
3 л. думу лихура	дурап лихура

Как видно из примеров, личные окончания 1-го и 2-го л. Имеют явно местоименное происхождение, в то время как в 3 л. личные окончания отсутствуют и формы единственного и множественного чисел совпадают.

В табасаранском языке имеется ряд глаголов, называемых лабильными, которые в зависимости от конструкции предложения могут выступать то как переходные, то как непереходные, соответственно с чем имеют два вида спряжения:

Переходное спряжение

1 л. Узу убгураза 'я сжигаю'	Уху́(учу) убеурачча(-чч) 'мы сжигаем'
2 л. Уву убгураава 'ты сжигаешь'	Учуу убеурачча 'вы сжигаете'
3 л. Дугъу убеура 'он сжигает'	Дурапли убеура 'они сжигают'

Непереходное спряжение

1 л. Узу уруразу 'я горю'	Уху́(учу) урураччуу 'мы горим'
2 л. Уву урураава 'ты горишь'	Учуу урурааччуу 'вы горите'
3 л. Думу урура 'он горит'	Дурапли урура 'они горят'

Выступающие при подобном спряжении личные окончания 1 и 2 лица с у (-зу, -аву и др.), видимо, восходят к именительному падежу личных местоимений (узу, уву и др.), а окончания с а (-за, -еа и др.) к эративному падежу личных местоимений, который ими в табасаранском языке утрачен, но который сохранился в близкородственных языках. Ср. лезг.: зун 'я' – эрг. п. за, вун 'ты' – эрг. п. вуна.

Некоторые глаголы обнаруживают также своеобразное притяжательное спряжение: диз айз 'у меня есть' (букв. 'мой имеется'), яв аяв 'у тебя есть' (букв. 'твой имеется'), дугъан а 'у него есть' (букв. 'его имеется') и т. д.

Времена глагола

Табасаранский глагол имеет сложную систему времен. Большинство глагольных времен исторически образуется от деепричастия. В табасаранском языке различается два вида деепричастия: продолжительное, близкое к русскому деепричастию несовершенного вида, и однократное, близкое к русскому деепричастию совершенного вида. Первое образуется регулярно от основы глагола посредством суффиксов -ури, -уьри (-юри); лицуб 'тулять' – лицури 'туляя', алпуб 'делать' – алпури 'делая', гъядягъюб 'выбирать' – гъядягъюри 'выбирай' и т. д. В тех случаях, когда ударение падает не на суффикс, а на основу, элемент у в суффиксе деепричастия выпадает: дилуб 'бросить' – дилти 'бросая', убуб 'напивать' – убрэри 'напивая'. Деепричастие однократное образуется от глаголов с превербами посредством суффикса -ну, а от остальных глаголов – посредством суффикса -ну и префикса д- (иногда с последующим гласным, соответствующим корневому гласному): адагъуб 'вынести' – адагъуну 'вынесши', урзуб 'посеять' – дурзуну 'посеяв', бикуб 'написать' – дикишнуну 'написав'. При этом обычно ударение с конечного слога переходит на первый.

Настоящее время глагола образуется от продолжительного деепричастия + настояще время глагола-связки: гъюри а 'и да есть', хури а 'неся есть' и т. д. Однако чаще употребляются стяженные формы глагола – гъюра (< гъюри а) 'идет', хура (< хури а) 'несет' и др. Кстати, это относится и к прочим временам, образованным подобным образом от деепричастий.

Будущих времен глагола в табасаранском языке три: будущее категорическое, будущее некатегорическое (предположительное) и будущее общее. Первые два образуются соответственно посредством суффиксов -иди и -ур (-юри): лихуб 'работать' – лихиди 'поработает' – лихур 'возможно, поработает', гъюб 'прийти' – гъюди 'придет', гъюр 'возможно, придет'. Будущее общее время также образуется от продолжительного деепричастия и буду-

щего времени глагола-связки: *лихуру ву > лихуру* 'он, вообще, поработает', *абаури ву > абауру* 'найдет' и др. Эта временная форма часто употребляется и в значении общего времени: *думу азифац лихуру* 'он много работает' (вообще), *ничкрапар тицкхуру* 'птицы летают' и т. д.

В табасаранском языке семь форм прошедшего времени. Из них две формы – перфект и прошедшее повествование – образуются соответственно посредством суффиксов *-ну* и *-у*, причем в глаголах без превербов добавляется еще префикс *гъ-* (иногда с последующим гласным): *ккадабкуб* 'опрокинуть' – *ккадабкуну*, *ккадабку* 'опрокинул', *абъуб* 'остыть' – *гъабъуну*, *гъабъуб* 'остыл'; *лигуб* 'смотреть' – *гъипигну*, *гъипигуб* 'посмотрел'. От перфекта и прошедшего времени глагола-связки образуется давно прошедшее время: *гъипицний > гъипицну вуйи*. Остальные четыре формы прошедшего времени, образуемые от обоих видов деепричастия (по две от каждого), выражают различные временные оттенки, значения которых трудно поддаются переводу на русский язык: *лицууй < лицури вуйи* 'ходил вообще', *лицурайи < лицури аий* 'ходил в тот момент', *дипицна < дипицу а 'уже ходил'*, *дипицнай < дипицу аий 'уже ходил к тому моменту'*.

Личное спряжение глагола во всех временах характеризуется теми же окончаниями, что и в приводившихся выше формах настоящего времени. При этом в ряде форм происходят определенные морфонологические процессы: так, в 1-м и 2-м л. суффикс прош. *-ну* переходит в *-ун*, а суффикс *-у* утрачивается: *гъадабаьну* 'он купил' – *гъадабаьнза* 'я купил'.

Наклонения глагола

Выше анализировались формы изъявительного наклонения глагола. Помимо изъявительного наклонения глагол в табасаранском языке выделяются еще три наклонения: условное, повелительное и вопросительное.

В условном наклонении глагол по лицам не изменяется и для всех лиц имеет единую форму, которая образуется посредством суффикса *-ш* от соответствующей временной формы: *урхураза* 'читаю' – *урхураш* 'если читаю', *урхураава* 'читаешь' – *урхурааш*

'если читаешь', *гъурхну* 'он прочитал' – *гъурхнуш* 'если он прочитал' и т. д.

Однако, имеется одна глагольная форма прошедшего времени со значением желательно-условного наклонения, которая образуется без помощи суффикса *-ш* и спрягается подобно глаголам в изъявительном наклонении.

По своему образованию эта форма может быть квалифицирована как «будущее в прошедшем»:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>урхийда</i> 'я прочитал бы'	<i>урхрийхай(ча)</i> 'мы прочитали бы'
2 л. <i>урхийва</i> 'ты прочитал бы'	<i>урхрийхва</i> 'вы прочитали бы'
3 л. <i>урхийд</i> 'он прочитал бы'	<i>урхрийд</i> 'они прочитали бы'

В повелительном наклонении глагол имеет самостоятельное спряжение, отличное от спряжения в изъявительном наклонении:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>урхуза</i> 'прочту-ка'	<i>урхухъай(ча)</i> 'прочтем-ка'
2 л. <i>урх</i> 'прочтиай'	<i>урхай</i> 'прочтите'
3 л. <i>урхри</i> 'пустя прочтет'	<i>урхри</i> 'пустя прочтут'

В третьем лице, как видно из таблиц, здесь также формы единственного и множественного чисел совпадают. В повелительном наклонении глагол по временам не изменяется.

В вопросительном наклонении глагольные формы принимают суффикс *-н(и, -ин)*: *гъораза* 'иду?' – *гуз* 'гъорайн?' 'иду ли?', *думу гъиди* 'он придет?' – *думу гъидин?* 'придет ли он?' и т. д. Однако, во 2 лице при этом сохраняются и личные окончания этого лица: *гъафунва* 'ты пришел?' – *гъафинеа?* 'пришел ли ты?', *гъорачва* 'идете?' – *гъоранчеа?* 'идете ли?'

Деепричастие и причастие

Как было отмечено, в табасаранском языке имеются две формы деепричастия: деепричастие однократного и длительного значения, которые соответствуют деепричастиям совершенного и несовершенного видов: *гъоб* 'приди' – *дүфну* 'приди', *гъюри* 'идя' и т. д. Деепричастия играют большую роль не только в образовании времен глагола, но и в образовании некоторых временных форм причастия. Ср.: *гъоб* 'приди' – *дүфну аий* >

дүфнайи 'уже пришел', *дүфну айи* > *дүфнайи* 'пришедший' и др. При этом в аналитических формах, как это видно из приведенного выше примера, в связи с тем что связки утрачивают ударение, образуемые ими формы сливаются.

Поскольку аналитические формы в современном литературном языке, наиболее употребительны, условно можно сказать, что две формы прошедшего времени глагола, образованные от деепричастий однократного и длительного значения, употребляясь в определительной функции, выступают одновременно и как причастия с тем же значением. Ср.: *лыхин дапнайи* 'работа уже сделана' – *далнайи лыхин* 'сделанная работа'; *закелар тъяхурайи* 'дрова унесли' – *тъяхурайи гакелар* 'унесимые дрова' и др.

Следует отметить, что последняя форма причастия одновременно выступает и как форма настоящего времени: *закелар эйи* (*накы*) *тъяхурайи* 'дрова сегодня (вчера) унесли' – *эйи* (*накы*) *тъяхурайи гакелар* 'сегодня (вчера) унесимые дрова'. Это связано, с одной стороны, с утратой ударения связками при их слиянии (ср. *тъяхури эйи* > *тъяхурайи* 'унесил' и *тъяхури айи* > *тъяхурайи* 'унесимый'), а с другой – слиянием двух причастных форм связи: *айи* 'находящийся' и также *айи* 'находившийся' (в диал. *айи* 'находящийся' – *айи* 'находившийся').

Третья форма причастия совпадает с формой глагола прошедшего повествования: *бай тъажареу* 'мальчик побежал' – *тъажаргу* *бай* 'побежавший мальчик'. Четвертая форма причастия образуется от основы глагола посредством суффикса *-ру* и имеет значение общего времени, т. е. может относиться ко всем временам, что делает эти причастия по своему значению близкими к прилагательным: *лихру* *кас* 'работающий, трудящийся человек', *убицу жук* 'обжигающий, горячий суп'.

СХЕМА

образования временных форм причастия

Дееприч.	Масдарная	Дееприч.
продолж.	форма	однокр.
<i>лихури</i>	< <i>лихуб 'работать'</i>	> <i>дилихну</i>
Прич. наст. -буд. вр.		Прич. давн. прош. вр.
<i>лихурайи</i>		<i>дилихнайи</i>

Прич. прош. вр.
гылиху

Прич. общего вр.
лихру

Причастные формы, подобно прилагательным и другим именным частям речи, могут субстантивироваться (при этом они приобретают уже вторые классные показатели): *лихру* 'трудящийся' – *лих(r)ур* 'работяга', *лихруб* (то же – о животном); *жараъурайир* 'бегущий' ('человек'), *жабаъурайиб* 'бегущее' ('животное').

Морфологически выраженной категории залога в табасаранском языке нет. Однако, причастные формы с вторыми классными показателями довольно четко передают залоговые значения, ср. *гылубкур* 'зарезавший' – *гылубкуб* 'зарезанное', *гылубкүр* 'написавший' – *гылубкүб* 'написанное', *гылбьюр* 'увидевший' – *гылбьюб* 'увиденное' и т. д.

Отрицательные формы глагола

Отрицательные формы от финитных и нефинитных форм глагола образуются посредством отрицательной частицы *дар* 'не есть'. В личных формах эта частица присоединяется суффиксально: *гылбуни* 'он пришел' – *гылбун-дар* 'он не пришел', *гылбунза* 'я пришел' – *гылбун-дар-за* 'я не пришел' (в прошедшем времени при этом имеем морфонологическое чередование *ну* > *ун*).

Частица *-дар* занимает в словоформе позицию перед личным показателем: *унлыраза* 'ем' – *унлырадарза* 'не ем', *гылпува* 'ты съел' – *гылпундарза* 'ты не съел' и т. д. При этом в 3 лице *р* в частице *-дар* иногда выпадает: *дугу гылпиний* 'он съел' (давно прош. вр.) – *дугу гылпундайи* 'он не съел' и др. Только в будущем некатегорическом времени личные формы отрицательных глаголов образуются с помощью префиксального форманта отрицания: ср. *унлуб* 'есть' – *унлаза* 'возможно, съем', *дирилуб* 'не есть' – *дириларза* 'возможно, не съем' и т. д.

В других формах отрицательная частица выступает префиксально или инфиксально, подвергаясь при этом некоторым изменениям.

Когда отрицательная частица выступает в качестве префикса, она получает огласовку, соответствующую корневому гласному, ср.: *анлуб* 'делать' – *дараанлуб*, *ишишуб* 'плакать' – *дириишуб*, *убхуб*

'ткать' – дурубхуб, убагъюб 'помять' – дюрюбэюб и т. д. При этом иногда *r* в частице *дар* может выпасть или же вклиниваться в корень глагола: *рибшуб* 'ткать' (основу ковра) – дирибшуб, члягъюб 'рвать' – дячирягъюб и т. д.

В тех случаях, когда частица *дар* вклинивается инфиксально в корень глагола, он принимает формы *-дра-*, *-дру* и т. д.: ахъуб 'упасть' – адрахъуб, ккучувуб 'подползти' – ккудручувуб, убзуб 'наплыть' – удрубзуб, ккивуб 'подложить' – ккидриувуб и т. д.

В трехсложных глаголах с превербами отрицательные формы образуются посредством повторения второго слова глагола: *ишилуб* 'набросить' – *ишилипуб*, *алдагъуб* 'снять' – *алдадагъуб*, *ккадабзъуб* 'вытащить' – *ккадабдабзъуб*, злеуб 'сесть верхом' – *злеебуб*, элдебуб 'сойти' – *элдедебуб* и т. д.

Ниже приводится таблица образования отрицательных форм от глаголов *итуб* 'посадить' – *идитуб* 'высадить' (второй глагол того же корня, реверсивный) и их дериватов с различными превербами.

<i>и</i> туб – <i>идиритуб</i>	<i>и</i> дитуб – <i>идидитуб</i>
<i>гь</i> итуб – <i>гьидиритуб</i>	<i>гьидитуб</i> – <i>гьидидитуб</i>
<i>к</i> итуб – <i>кидиритуб</i>	<i>кидитуб</i> – <i>кидидитуб</i>
<i>х</i> итуб – <i>хъидиритуб</i>	<i>хъидитуб</i> – <i>хъидидитуб</i>
<i>кк</i> итуб – <i>ккидиритуб</i>	<i>ккидитуб</i> – <i>ккидидитуб</i>
<i>гь</i> итуб – <i>гьидиритуб</i>	<i>гьидитуб</i> – <i>гьидидитуб</i>
<i>иши</i> туб – <i>ишилипуб</i>	<i>ишилитуб</i> – <i>ишидилитуб</i>
<i>ди</i> туб – <i>дирибзуб</i>	<i>ди</i> туб (<i>< дидитуб</i>) – <i>деетуб</i>
	(<i>< дидидитуб</i>)

В повелительном наклонении 2 лицо отрицательных глаголов имеет запретительное значение:

Ед. число	Мн. число
1 п. дурушза 'не пойду'	1 п. дурушхъя (-ча) 'не пойдем'
2 л. мягъян 'не ходи'	2 л. мягъянай 'не ходите'
3 п. дуруши 'он путь не пойдет'	3 п. дуруши 'они путь не пойдут'

Запретительные формы в единственном числе образуются посредством префикса *м-* с последующим гласным, аналогичным корневому гласному: *адагъуб* 'вытаскивать' – *маадабзъан* 'не вытаскивай', *улупуб* 'показывать' – *муулупан* 'не показывай', *идипуб* 'выбивать' – *миидипан* 'не выбивай',

ульюбхуб 'забрасывать' – *миульюбхян* 'не забрасывай' и т. д. Множественное число образуется посредством присоединения к форме единственного числа окончания *-ай*: *маадабзъан* 'не вытаскивай' – *маадабзъанай* 'не вытаскивай', *муулупан* 'не показывай' – *муулупанай* 'не показывайте' и т. д.

При образовании запретительных форм в некоторых случаях префикс *м-* выступает без огласовки (обычно в двухсложных глаголах с ударением на втором слоге), ср.: *аплуб* 'загнать' – *мааплан*, но *алуб* 'делать' – *манлан*; *убзуб* 'влить' – *муубзан*, но *убзуб* 'сеять' – *мубзан* и др.

Однозначного мнения о категории вида в табасаранском языке не существует. Тем не менее, аспектуальные оттенки, которые передаются категорией вида в русском глаголе, имеют и в табасаранском языке собственные средства выражения, ср.: *аплуб* 'делать' или 'сделать', но *аплур* 'делает', *эльпину* 'сделал', *аплурай* 'в то время еще делал', *данпа* 'уже сделано' и т. д.

НАРЕЧИЕ

В табасаранском языке различаются наречия образа действия, места, времени, причины, меры и степени. Наречия образа действия, которые являются наиболее многочисленными, регулярно образуются от качественных прилагательных посредством суффикса *-ди*: *мани* 'теплый' – *маниди* 'тепло', *зарб* 'быстрый' – *зарбди* 'быстро', *авъью* 'холодный' – *авъюди* 'холодно', *тухъ* 'сытый' – *тухъди* 'сыто', *дирбаш* 'храбрый' – *дирбашди* 'храбро', *усал* 'хильй' – *усалди* 'хило', *шад* 'веселый' – *шадди* 'весело' и др. Остальные наречия специального грамматического оформления не имеют.

Наречия места: *мин* 'сюда', *члат* 'на дворе', *айтм* 'внутри', *утыгна* 'вперед' и др.

Наречия времени: *гъи* 'сегодня', *сач* 'в прошлом году', *сарит* 'послезавтра', *закур* 'завтра' и др. Наречия меры и степени: *лап* 'очень', *гизаф* 'много', *цибл* 'мало' и др. Наречия причины: *дәвди* 'напрасно', *гъадушеман* 'по этой причине', *авхълу* 'с холоду', *гаашу* 'с головы' и др.

Характерной особенностью наречий места и времени является то, что многие из них имеют отдельные падежные иserialные формы с соответствующими значениями; ср.: *гъи*

'сегодня' – гъийиз 'до сегодняшнего дня', гъийихъан 'с сегодняшнего дня'; мина 'сюда', минади 'в эту сторону', милин 'отсюда', милинди 'по направлению с этой стороны' и т. д.

К наречиям относятся также формы местных падежей от сложных слов, образованных путем слияния указательных местоимений с существительным *йиш*: мушевъ 'здесь' (< 'му йишавъ 'в этом месте'), тушеевъ 'там около чего-л.' (< 'туму йишавъ 'около того места'); гъушв'ин 'там наверху' (< 'над тем местом'), гъаккушвакк 'там внизу' (< 'гъаккуму йишавъкк 'под тем местом') и т. д.

Некоторые абстрактные существительные, образуемые посредством суффикса -вал, в форме комитатива VII серии переходят в разряд наречий: адимавал 'человечность' – адимавалинди 'по-человечески', изитвал 'геройство', 'героизм' – изитвалинди 'по-геройски', 'гернически', бахилевал 'зависимость' – бахилвалинди 'зависимство', алчагъвал 'подлость' – алчагъвалинди 'подло' и т. д.

Кроме того, в табасаранском языке имеется особая, не входящая в падежную парадигму форма имени, которую можно считать наречной. Она образуется от формы иминентивного падежа посредством аффикса -ди и выражает значение 'в качестве кого-л. или чего-л.', учителди лихуб 'работать в качестве учителя', парсанеди бисуб 'взять в качестве привеска' и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Послелоги

Послелоги в табасаранском языке функционально соответствуют предлогам индоевропейских языков (например, русского). Послелоги занимают по отношению к соответствующему имени постпозицию и управляет определенным падежком, как правило, родительным.

Многие послелоги выступают в значениях пространственных падежей. Каждая серия местных падежей имеет собственные послелоги-синонимы (обычно с теми же окончаниями, что и заменяемые ими местные падежи): I серия – айтл 'в, внутри'; II

серия – утиль (утих) 'перед, впереди', бағагъ (бағахъ) 'сбоку'; III серия – гъевалак 'на боку', машнак 'на, на лицевой поверхности'; IV серия – къялтъ 'за, позади'; V серия – кланакк 'под, снизу'; VI серия – къялтъя 'среди', арайыллы/арайиль 'в промежутке, между'; VII серия – зшин 'на, над, сверху'.

Приведенные выше послелоги выражают значения покоя, т. е. функционально соответствуют эссивам. От этих послелогов с помощью тех же окончаний, что и у существительных, могут быть образованы формы ablativов и т. п. Ср. кланакк – кланкан – кланакка – кланаккди – кланканди – кланакканди; айтл – айтлан – айтлна... и т. д.

Итак, все пространственные отношения между словами в табасаранском языке можно передать двояко: посредством определенного пространственного падежа или же посредством соответствующего послелога в сочетании с родительным падежом имени. Ср.: Мұжың къяркырын муртыйр айи – Мұжын айтлі къяркырын муртыйр айи 'В гнезде находились сорочьи яйца'; Мұжың къяркырын утубиччу – Мұжын айтлан къяркыра утубиччу 'Из гнезда вылетела сорока'; Гъарзукк хъар кка – Гъарзун кланакк хъар кка 'Под скалой находится пещера'.

Послелоги в табасаранском языке по происхождению представляют собой формы определенных местных падежей от различных существительных, многие из которых сохранили свое самостоятельное значение: утих/утиль – от ул 'таз'; гъевалак – от гъевал 'бок'; машнак – от маш 'лицо'; къялтъ – от къял 'поясница'; кланакк – от клан 'дно', 'донная сторона'; арайиль – от ара 'промежуток'; къялтъя – от къял 'середина'.

Как послелоги эти лексемы выступают только в сочетании с родительным падежом имени. В сочетании с глаголом-сказуемым они выступают как наречия места, а некоторые из них могут быть употреблены как падежные формы соответствующих существительных. Ср.: Xytлlin улихъ (послелог) хъар хъаби 'Перед пашней раскинулся луг' – Ичэ колхоз впереди нашего' – Улихъ (эссив II серии) мухан түлр клубчанийиз 'У глаза моего выскоцил ячмень'.

Имеется группа послелогов (мина 'сюда', тина 'туда', гъина // зина 'вверх', ккина//сина 'вниз'), которые употребляются только с

одной группой местных падежей, а именно, с исходными. Эти послелоги конкретизируют, в какую сторону направлено действие, исходящее от предмета: Гүлтән мина машин гъюра 'Из села в эту сторону идет машина'; Хулхын тина шубар гъяльбэйор 'Мимо дома (туда) проходили девушки' и т. д.

Эти послелоги, употребляясь с I серией исходных падежей, выражают и значение транслатива ('через'), т. е. выражения гъулан мина, гъулан тина могут обозначать не только 'из села в эту сторону' или 'из села в ту сторону', но и 'через село в эту (или ту) сторону'.

Послелоги мина, тина, гъина/зина, ккина//сина наречного происхождения. Они выступают и в роли наречий, и в роли послелогов. Будучи наречиями, они, естественно, относятся к глаголу и могут изменять свое место в предложении, а в роли послелогов они, как и другие послелоги, не могут быть отделены от тех падежных форм, с которыми они употребляются. Сверх того, когда они выступают в роли послелогов, они утрачивают ударение и как бы произносятся в одно слово с предшествующим им существительным.

При этом в произношении конечный *н* показателя ablativa, как правило, выпадает: Гъул'амина кум гъюра 'Из села в эту сторону дым идет' (вместо гъул'ан мина...); Зав'амина йиф ахъра 'С неба вниз снег падает' (вместо зав'ан мина...) и т. д.

Тенденция к слиянию их с существительными так сильна, что и в литературном языке она находит свое отражение, т. е. и в литературном языке часто они пишутся слитно с существительными, иногда и с выпадением *н* в показателе ablativa. Как было отмечено, послелоги могут передавать все пространственные значения местных падежей. Когда же мы имеем дело с абстрактными значениями местных падежей, которые присущи почти каждому из них, то здесь могут быть употреблены только местные падежи, т. е. эти значения не могут уже быть переданы родительным или иным падежом в сочетании с послелогами. Например, выражение 'Отойди от него' можно на табасаранском языке передать двояко: Дугъхъан (абл. II сер.) гъудучи^е // Дугъан бағхъан (родит. пад. с послелогом ablativa II сер.) гъудучи^е. Но выражение 'Узнай от него' можно передать только местным падежом: Дугъхъан альгъю аглипин (ablative II серии).

Однако, имеются еще три послелога, которые служат для передачи именно абстрактных, а не местных значений: гъякынан 'о', 'относительно', бадали 'для', 'ради'; күллапан 'из-за': Му ляхнин гъякынан дүгъаз фукла maklan 'Относительно этой работы ему ничего не говорят'; Вари дюн'ядыр ислеялан бадали диеи гъяльбэйор 'Во всем мире идет борьба за мир'; Бицидэр чыртлипин күллапан кархыни^и 'Дети подрались из-за птенчика'; Дугъан бадали узу гъаптани^изазуки 'Я ведь говорил тебе про него' и т. д.

Союзы

В табасаранском языке число союзов, служащих для соединения слов и предложений, невелико. Союзы в нем, как и в русском языке, делятся на сочинительные и подчинительные.

К сочинительным относятся

- 1) соединительные союзы -на, -ра, ев 'и';
- 2) противительные союзы хъа 'а', амма 'но';
- 3) разделительные вая 'или', я... я 'или... или', гагъ... гагъ 'то... то' и др.

Соединительный союз -на употребляется только для соединения однородных членов предложения, например: Абана бай шағыриз гъушун 'Отец и сын отправились в город'; Яркарыз сұнна, жаңаварна шаев чиб-чиш гъуркү 'В лесу лиса, (и) волк и медведь встретились друг с другом' и т. д.

Остальные сочинительные союзы могут соединять как слова (обычно однородные члены предложения), так и предложения, например: Йизэ ризъ алип, амма ахъхъоб вүйи 'День был солнечный, но холодный' – Зав'ин дидар удучыен, амма мархъ гъубъузундар 'Небо покрылось тучами, но дохъ не пошел' и т. д.

К подчинительным относятся союзы, выражающие

- 1) причину: гъаз гъаплиш 'потому что', фицики 'так как';
- 2) условие: эзгер/назағъ 'если';
- 3) время: вахтна 'когда';
- 4) следствие: гъаддиз, гъаддиз гюре 'потому';
- 5) цель: бадали 'для того чтобы' и т. д.

Подчинительные союзы служат преимущественно для присоединения придаточных частей предложения к главной части: Хябжъ гъабши вахтна, габни лиж гъупазди хъалпину 'Когда

наступил вечер, пастух погнал стадо в направлении к селу'. Ихъ халкъ улыгына гъягъбан бадали, ухъу ихъ культура за даптну ккундуң 'Чтобы наш народ успешно двигался вперед, нам надо поднимать свою культуру'; Халпай гъяятдиль хайлин махлукъат уч дұхнай, фицики дүгуң цийди хулар злеркбен мілаз дих даптнай 'У дяди во дворе было множество людей, так как он созвал людей для покрытия крыши нового дома' и др.

В табасаранском языке имеется также ряд формативов союзного значения, которые самостоятельно не употребляются.

Формативы -ған, -хъан, -митла имеют соответственно значения союзов 'когда', 'после того как', 'как только'. Аба хуль уччизан, баир дишса лики гъубуджеу 'Когда вошел отец, сыновья сразу вскочили на ноги'; Риғель алабхъан, хульз гъушча 'После того, как зашло солнце, мы отправились домой'; Зенг гъивумитла, баир аягъатдиз гъажаргы 'Как только прозвенел звонок, дети побежали во двор' и т. д.

Посредством формативов -тлан, -си, -къан, которые могут присоединяться ко всем местным и основным падежам, в табасаранском языке образуются многочисленные формы, выраждающие различные отношения союзного значения.

Форматив -тлан обычно соответствует русскому союзу 'чем' при сравнении: Шалман гъавааытлан ялылб вуйи 'Стол был выше, чем тополь' (или 'выше тополя'); Аслан пеленеттан гужлиб 'Лев сильнее, чем тигр'. В отрицательных предложениях -тлан соответствует русскому 'только', 'кроме': Хупаль узумтлан адара 'В комнате только я' или 'В комнате кроме меня никого нет', Асли контыртлан рякъюб мумкин дар 'Асли (женск. имя) можно увидеть только в кантоне' и т. д.

Форматив -си соответствует русскому уподобительному союзу 'как', 'словно': Риши аязси тиуркдуру 'Девушка ходит, как лебедь'; Дүсін машин ригидес нур түрвәй 'Е лицо светилось, как солнце' и т. д. В сочетании с местными падежами -си имеет также значение 'приблизительности' и переводится словами 'чуть', 'несколько', 'немножко', 'как бы' и др.: Шюхъ цалихънаси (цалихъинси) гъафи 'Цылленок несколько приблизился к стене'; Пичрахънаси (пичрахъинси) йихъ 'Подвинься чуть к печке'.

Форматив -къан обычно выражает количественные отношения и соответствует русскому 'как', 'с' (в сочетании с винительным падежом): Вич хумурзагъян выхюб вуйи 'Яблоко было большое,

с арбуз', Жыяфраз узузъкан ужуди дарс въгъдай 'Джафар не знал урок столь хорошо, как я'.

Лексемы с формативами -си и -къан, помимо того, могут принимать классовые показатели и превращаться в субстантивированные прилагательные с уподобительным значением: цы 'огонь' – цыаси 'словно огонь', цыасиб 'огнеподобное' (класс неразумных существ), цыасир 'огнеподобный' (класс разумных существ), шид 'вода' – шидси 'словно вода', шидсиб 'нечто водоподобное', 'жидкое', гъурд 'кулак' – гъурдкъан 'величиной с кулак', гъурдкъану 'маленький', 'карлик' и т. п.

Рассматриваемые нами формативы могут присоединяться не только ко всем падежным формам, но и к несклоняемым частям речи, в частности к деепричастиям и личным формам глагола: Дүгүль урхурутлан адар 'Он только читает'; Ярхла 'гими яркъюрайиси ву 'Вдали будто виднеется корабль' и т. д.

Частицы

Частицы в табасаранском языке по своему значению делятся на такие группы:

1) усиливательные: -ки 'же', 'ведь' (гъалунзаки 'сказал же я', гъафиинуки 'пришел ведь'); -гъа (маплангъа 'смотря же не делай', ари (йил ари 'а ну-ка скажи');

2) вопросительные -кілан, -хъа, -да, гъадивай и др. (пузаклан? 'сказать что ли?', гъафиинкъа? 'пришел разве?', вуда? 'уж ли?', гъадивай гъушуна 'неужели пошел?');

3) указательные: мазга, гъалтмаъза, гъаъммаъза и др. (мазга ѹиз китаб 'вот моя книга', гъаммаъза ич хал 'вот там наш дом');

4) отрицательные -кіла, -хъан, -ра (фужкъа гъафундар 'никто не пришел', хупаль улькъан адар 'даже хлеба нет дома', касра гъафундар 'никто не пришел');

5) восклицательные: хуб, фу, я: хуб гюрчегди ву! 'ой как красиво!', фу мани йигъя ву! 'ой какой жаркий день!', я первердигар 'о господи' и др.

Междометия

Междометия в табасаранском языке выражают различные чувства и переживания говорящего.

Наиболее употребительны междометия: *вагы!* *пагы!* *гъай-гъай!* (выражают удивление, восхищение); *уф!* *гъайиф!* *эзы!* (боль, сожаление); *гъан!* *гъач!* *гъацый!* *гъюзы!* (призыв); *бузъа!* *иш!* *чуш!* (для понуждения животных); *эй*, *гъей*, *вай* (обращение к людям) и т. д.

К междометиям относятся также звукоподражания типа *уль-уль!* (кукареканье), *дам-дарам!* *хъумы!* (шум-гам) и др.

К междометиям относятся также слова, связанные с этическими традициями: *буор!* 'пожалуйста!', *чухсавъул!* 'спасибо!', *хушгепди* 'с приездом' ('с приходом') и др.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Несмотря на многочисленные заимствования, основным богатством табасаранского языка остается собственно табасаранская лексика, которая имеет довольно развитую систему словообразования, дающую возможность для дальнейшего развития его лексики и терминологии за счет собственных ресурсов.

Префиксация

В отличие от других дагестанских языков, в табасаранском языке сильно развита префиксация. Посредством так называемых превербов т. е. глагольных префиксов, идентичных падежным окончаниям имени, в табасаранском языке образуются многочисленные глаголы, выражающие тончайшие пространственные отношения: *(ъ)ипуб* 'бросить во что-л.', *гъипуб* 'прибросить перед чем-л.', *килуб* 'набросить с боку чего-л.', *кклипуб* 'подбросить', *гъипуб* 'бросить меж (частями) чего-л.', *хъипуб* 'забросить', *ипипуб* 'набросить поверх чего-л.', *дипуб* 'бросив оставить', *(ъ)идипуб* 'выбросить из чего-л.', *гъидипуб* 'отбросить', *кидипуб* 'скинуть с чего-л.', *кклидипуб* 'выбить их-под чего-л.', *гъидипуб* 'выбить из чего-л.', *хъидипуб* 'выбить из-за чего-л.', *андипуб* 'скинуть сверху чего-л.', *дидипуб* 'уронить'. Все эти производные от одного корня глаголы имеют еще классные и числовые варианты: *гъипуб* – *гъитуб* (кл. разумных существ), *гъирчуб* (мн. число) и т. д. Если учесть, что все перечисленные глаголы имеют и своеобразно образуемые отрицательные формы (*гъипуб* – *гъидипуб*, *ипипуб* – *андипуб* и т. д.), то легко представить невероятное богатство табасаранского глагола.

При этом надо учесть, что многие глаголы, имеющие в своей основе превербы, наряду с пространственными развили и

многочисленные абстрактные (переносные) значения, например: гыдитуб 'отбросить' – гыдитуб (кл. разум. существ.) 'развестись'; идишуб 'выбросить' – идириуб (мн. число) 'рыгать'; лиуб 'смотреть' – ккилигуб 'ожидать' – лиуб 'рьчать' – ккарабуб 'умолять'; ккадархуб 'высыпаться' – ккадархуб 'спасти'; илдитуб 'скинуть' – илдитуб 'свергнуть'; балуб 'украшать' – албагуб 'наладить' – хъабалуб 'согласовать', эргуб 'уставать' – хъергуб 'погнаться'; урвуб 'растеряться' – хъюзгуб 'начать'; рябьюб 'видеть' – кярябьюб 'мерещиться', лицуб 'ходить' – гышлицуб 'бродяжничать'; удузуб 'проливать' – ккулубузуб 'доить', вхъуб 'упасть' – хъабхъуб 'проиграть'; архуб 'точить' – яхархуб 'забыть'; лиуб 'смотреть' – килигуб 'осматривать' – кклигуб 'ожидать' и др.

Суффиксация

Не менее развита в табасаранском языке также суффиксация. К наиболее древним именным суффиксам относятся суффиксы -ап, -ин, при помощи которых от глаголов образуются существительные с переносом их действия на предмет: ахуб 'спать' – ахин 'постель', лихуб 'работать' – ляхин 'раота', дярхуб 'пилить' – дурхин 'пила'; бирхуб 'шить' – бирхал 'шов', уркуб 'крошить' уржал 'крошка' архуб 'тереть' – ахал 'точило' и др.

Очень продуктивны в табасаранском языке суффиксы -вал, -шин, посредством которых от различных частей речи образуются отвлеченные имена существительные: адми 'человек' – адмивал 'человечность', аба 'отец' – ававал 'опекунство', гъюб 'приходить' – гъювал 'приход', лихуб 'работать' – лихувал 'работание', саб 'один' – сабевал 'единство', пис 'плохой' – писвал 'пло', мани 'теплый' – манивал 'теплота' – манишин 'жара'; къуткъили 'горький' – къуткъилвал 'горькость' – къуткъилишин 'горечь'; учву 'красивый' – уччуевал 'красивость' – уччушин 'красота'; ипни 'худой' – ипнивал 'худосочность' – ипнишин 'худоба' и т. д.

При помощи суффиксов -же, -шие в табасаранском языке образуются существительные, обозначающие людей по национальности, месту жительства, возрасту и др.: авар 'аварский' – аварже 'аварец', аваршие 'аварка'; Хив (село) – хивже 'хивец', хившие 'хивлянка'; къаби 'старый' – къабиже 'старик', къабижив 'старуха' и т. д.

При помощи суффикса -шве образуются существительные, обозначающие место работы, учебы и др.: лихру 'работающий' – лихруш 'место работы'; дахру 'спальный' – дахршу 'спальня' и т. д.

Посредством суффиксов -бях, -бая, -рюх, -ац, -нац и др. образуются слова, обозначающие лиц с физическими и духовными недостатками: ауч 'страх' – аучбая 'трус', уше 'рот' – ушебяж 'разиня', ницц 'вошь' – ницирюх 'вшивец', гъилицуб 'бродить' – гъипицца 'нищий', газув 'левый' – газев-ац 'левша', хъюнти 'сопля' – хъюнти-ац 'сопливый' и др.

Весьма продуктивны и заимствованные суффиксы:

-чи, -бан от основ существительных, редко — от основ наречий образуют имена существительные, обозначающие людей по профессии, роду занятий, выполняемой ими работе, ср. чекме 'саног' – чекмечи 'саножник', хюорч 'охота – хюорчабан 'охотник'.

Менее продуктивны следующие заимствованные из персидского языка суффиксы:

-баз: гынла-баз 'лентяй', юн-баз 'мошенник' (уюн 'игра'), къумар-баз 'картечник' (къумар 'игральные карты'), келле-баз 'туница' (келле 'голова');

-кар: фунтна-кар 'сплетник' (фунтна 'сплетня'), гунназэ-кар 'грешник' (гунназэ 'трех'), гынлагэ-кар 'хитрец', тахсир-кар 'виновник' (тахсир 'вина'), зулум-кар 'угнетатель' (зулум 'угнетение');

-дар: мулки-дар 'землевладелец' (мулк 'земля'), аымал-дар 'хитрец, обманщик' (аымал 'хитрость, обман').

-лу и -суз, указывающие соответственно наличие и отсутствие того или иного признака: ад 'слава' – адлу 'славный', адсуз 'бесславный', жан-лу 'крепкий, здоровый, сильный', жан-суз 'мертвый, безжизненный, слабый', гъяя-лу 'стыдливый, застенчивый, скромный', гъяя-суз 'развратный, бесстыдный, циничный', асул-лу 'благородный', кыммат-лу 'ценный' (кыммат 'цена'); зюрмат-суз 'неавторитетный, неважаемый', мэтлеб-суз 'бессмысличный', къайда-суз 'беспорядочный' и т. п.

интернациональные суффиксы -ист, -изм: социал 'социальный' – социалист, социализм и т. д.

Развита суффиксация и в словообразовании других частей речи. Так, посредством суффиксов -и, -у, -уль (-ю), -ун от основ

существительных образуются в языке качественные прилагательные: *къяш-и 'влажный'* (*къяш 'влага'*); *къур-у 'сухой'* (*къур 'сухота, сухость'*); *ак-у 'светлый'* (*аке 'свет'*); *бюрк-ю 'слепой'* (*бюрк 'глазной гной'*); *гаш-ун 'голодный'* (*гаш 'голод'*) и др. Суффикс *-и* от основ имен существительных образует и относительные прилагательные, характеризующие пол животного: *йиц 'бык'* — *йиц-и къари 'бука, бычий теленок'*; *хвар 'кобыла'* — *хвар-и букв.* 'кобыльи (жеребенок)' и другие.

Посредством суффикса *-си(б/р)* от различных падежных форм образуются производные прилагательные, выражающие уподобление, сходство: *сул-сиб 'подобный лисе'* (*сул 'лиса'*); или же относительно невысокую степень качества: *яркуб-сиб 'широковатый'* (*яркуб 'широкий'*); *къарур-сиц 'черноватый'* (*къарур 'черный'*); *адми-сиц 'подобный человеку'* (*адми 'человек'*) и др.

С помощью суффикса *-ан* от основ количественных числительных класса неразумных существ образуются кратные числительные: *къюб-ан 'двойки'* (*къюб 'два'*); *саб-ан 'однахида'*.

Суффикс *-ц(б)д* образует сопирательные числительные от основ количественных числительных: *къюб-иб, къюр-ид 'оба, обе'* (*къюб, къюб 'два'*); *юкъ-иб, юкъ-ид 'четверо'* (*юкъуб, юкъуб 'четыре'*) и др.

Порядковые числительные в табасаранском языке образуются от количественных посредством суффикса *-пи* (стаженной формы причастия прошедшего времени *эвали* 'сказанный, названный, называемый'); *варж-ли 'сотый'* (*варж 'сто'*); *сумчур-ли 'тридцатый'* (*сумчур 'тридцать'*); *хур-ли 'пятый'* (*хуль 'пять'*); *миржиг-ли 'восьмой'* (*миржиг 'восемь'*) и др.

Наречия образа действия образуются суффиксом *-ди* от основ прилагательных, числительных и существительных: *читин-ди 'трудно'* (*читин 'трудный'*); *шад-ди 'весело'* (*шад 'веселый'*); *гаш-ди 'голодно'* (*гаш 'голод'*); *къор-ди 'вдвое'* (*къор 'два'*); *йигъ-ди 'в течение всего дня, с утра до вечера'* (*йигъ 'день'*) и др.

Суффиксами *-ну, -ган* от основ существительных, прилагательных, а также самих наречий образуются наречия времени: *хъад-ну летом* (*хъад 'лето'*); *ишиш-ну 'ночью'* (*ишиш 'ночь'*); *гвачин-ган 'утром'* (*гвачин 'утро'*); *хяяхъ-ган 'вечером'* (*хяяхъ 'вечер'*) и др.

Суффиксы *-на, -лин, -линди* от основ указательных местоимений образуют наречия места: *ди-на 'туда'* (*думу 'туда'*); *ди-лин 'оттуда'* (*думу 'тот'*); *дин-ди 'туда'* (*думу 'тот'*); *ми-на 'сюда'* (*думу*

'этот');

ми-лин 'отсюда' (*му 'этот'*); *мин-ди, мина-ди 'сюда'* (*му 'этот'*); *гъат-линди 'оттуда'* (*гъатму 'тот'*) и др.

Инфиксация

В образовании некоторых глагольных форм в табасаранском языке можно усматривать и инфиксацию: *алдаваъзуб 'снимать'* — *ал-да-дағызуб 'не снимать'*, *бирхуб 'шиТЬ'* — *диб-р-иҳуб 'не шить'* и др. В данном случае, как видим, имеет место не словообразовательная, а словоизменительная категория.

Словосложение

Большое количество слов в табасаранском языке образуется путем сложения основ (слов). Выделяют две разновидности сложных слов, образованных путем основосложения: композиты-сочетания (с подчинительными отношениями между компонентами) и композиты-сложения (с сочинительными отношениями).

В словах первого типа имеем слияния двух имён существительного, реже имён существительного с прилагательным, числительным, причастием: *хашибрахал 'паутина'* (букв. *хашибра-и род. п. от хашиб 'паук' + хал 'дом'*); *чаппархил 'летучая мышь'* (букв. *чаппарл мн. число от чапп 'тряпка' + хил 'рука'*); *байваҳт 'детство'* (бай 'ребенок' + *ваҳт 'время'*), *тұбжакье 'птица'* (*тұб 'пальц' + жакье 'птица'*) и т.п.

Муттумы 'вещь' (*му 'это' + тму 'то'*), *йигъ-ишиш 'день и ночь'* (от *йигъ 'день' + ишиш 'ночь'*); *абийр-бабар 'родители'* (*абийр 'отцы' + бабар 'матери'*), *бала-қыада 'напасть'* (*бала 'беда' + қыада 'случай'*); *ляхин-кар 'работа; дело; занятие'* из *ляхин 'работа' + кар 'дело; занятие'* и др. Помимо существительных, такого рода композиты представлены

а) в числительных: *шәнүб-саб 'несколько'* (из *шәнүб 'сколько+саб 'один'*); *сакъюб 'один-два'* (из *саб 'один' + къюб 'два'*);

б) в глаголах: *иңлуб-ухуб 'питание'* (*иңлуб 'кушать' + ухуб 'пить'*); *аъзъюб-гъюб 'хождение; взаимоотношение'* (*аъзъюб 'идти' + гъюб 'прийти обратно'*);

в) в наречиях: *ухди-къанди* 'рано или поздно' (*ухди* 'рано' + *къанди* 'поздно'); *гъамус-хъа* 'скоро, вот-вот' (*гъамус* 'сейчас, в настоящее время' + *хъа* 'затем, потом').

К сложным словам примыкают фразеологические сочетания, выражающие единое понятие: *къолан дажи* 'мокрица' (букв. 'мышиный осел'), *къоркылин ца* 'молния' (букв. 'сгущенный огонь'), *уч алуб* 'собирать' (букв. ' сбор делать'), *нач хуб* 'стыдиться' (букв. 'стыдно становиться'), *хъял гъюб* 'рассердиться' (букв. 'тнев придти') и т. д. Подобные фразеологизмы, как можно заметить, находятся на разных стадиях лексикализации, ср. также *юкіе улубкуб* 'влюбиться' (букв. 'сердце сесть'), *ул кубкуб* 'сплюзить' (букв. 'глаз попасть') и т. д.

Особый вид словосложения представляют повторы, в т.ч. удвоения основ самостоятельных слов: *тики-тики* 'по кусочку, по малу' (из *тики* 'кусочек'); *литлан-литлан* 'по капельке' (из *литлан* 'капля'); *гагъ-гагъ* 'иногда, время от времени' (из *гагъ* 'иногда'); повторы с изменением начального корневого согласного второго компонента: *кас-мас* 'кто-либо' (кас 'лицо; личность; человек'); *хал-мал* 'дом, всякое жилище' (хал 'дом'); удвоения звукоподражательных комплексов: *чахърахъ-пахърахъ* 'трах-тарах, трах-так-так'; *къанти-къанти* 'кап-кап' и др.

Конверсия

Одним из самых продуктивных способов конверсии в табасаранском языке является субстантивация различных частей речи.

При субстантивации слова, принимая классные показатели, приобретают и особые смысловые различия: ср: *уніру* 'сыедобный' – *унірур* 'едок' – *уніруб* 'пища', *лихру* 'работающий' – *лихур* 'работяга' и т. д.

В табасаранском языке субстантивируются следующие части речи:

- 1) количественные и порядковые числительные: *саб* 'ничто', *сар* 'некто', *кьюблиб* 'во-вторых', *шубублиб* 'в третьих' и др.

- 2) качественные прилагательные: *жикы* 'короткий' – *жикыр* 'коротыш', *гъянни* 'добрый' – *гъянри* 'добряк', *гъалху* 'желтый' – *гъалхуб* 'желток' и др.

- 3) качественные и относительные прилагательные, выраженные формой родительского падежа существительного: *бабан* 'бабушкин' – *бабануб* 'бабушкина (о вещи) – *бабанур* 'бабушкин' (например, *внук*) и др.

- 4) притяжательные, вопросительные, указательные и др. местоимения: *яя* 'твой' – *яеуб* 'нечто твое', *яевур* 'некто твой', *үзатмунуб* 'то' – *үзатмунур* 'тот' (о человеке) и др.

- 5) различные временные формы причастий: *лигру* 'смотрящий' – *лигур* 'смотритель'; *иширу* 'плачущий' – *иширур* 'плакса', *үхъяру* 'пьющий' или 'выпиваемое' – *үхъярур* 'выпивоха', *үхъяруб* 'пить' ('спиртное') и др.

Субстантивированные части речи уже отвечают на вопросы существительного и начинают склоняться подобно существительному: *ахрур* 'соня' – эрг. п. *ахрури*, род. п. *ахрурин* и т. д.

СИНТАКСИС

СИНТАКСИЧЕСКУЮ структуру табасаранского языка во многом определяет его принадлежность к языкам эргативного строя, обуславливающая специфику оформления субъектно-объектных отношений, на которую указывал еще П. К. Услар. Свой определенный отпечаток на синтаксический строй табасаранского языка накладывает и агглютинативная морфология с многогадежной системой склонения, формами классного и личного согласования, аналитическими конструкциями и др.

Словосочетание

Для табасаранского языка характерно наличие двух основных групп словосочетаний – именных и глагольных. В именных словосочетаниях в качестве зависимого слова выступают обычно прилагательные, причастия, числительные, местоимения и родительный падеж существительного, который в табасаранском языке выполняет функцию относительного прилагательного: ярхи рякъ 'длинный путь', къюбли мертеба 'второй этаж', аъубху шид 'кипячёная вода', гъатму гъар 'то дерево', бабан члап 'родной язык' и др.

В тех случаях, когда зависимое слово выражено причастием переходного глагола, оно образует сложное словосочетание, в составе которого выступает и логический субъект: шуру гъубху шыллав 'девушка вытыканый ковёр', жанаери гъубху чил 'волком' унесённый ягнёнок' и др., которые могут быть переведены на русский язык не только причастными оборотами, но придаточными предложениями: 'ковёр, который вытыкан девушкой...' и т. д.

Наиболее многочисленны в табасаранском языке глагольные словосочетания с масдаром в роли стержневого слова: укл-

убшишуб 'сено косить', шид убъхуб 'воду пить', йицк убъхуб 'мясо варить' и др. Подобные словосочетания при переходном глаголе также образуют сложные словосочетания с логическим субъектом, которые на русский язык трудно переводимы: адашидук 'убишауб 'отцом сено косить (кошение)', чуччу шид убъхуб 'сестрой воду кипятить (кипячение)' и др.

В табасаранском языке в простых словосочетаниях выявляются те же три основных вида синтаксических отношений между словами, что и в русском языке: согласование, управление и примыкание. Например, в словосочетаниях саб иц 'один вол', сар кас 'один человек', садар мярхяр 'одни сани' зависимые от существительных числительные (саб, сар, садар) согласуются с ними в classe и числе; в словосочетаниях гъуншихъди улхуб 'разговаривать с соседом', аъул-ан удучишуб 'из аула выходить' глаголы (улхуб, удучишуб) управляет падежами существительных, требуя постановки их в определенных местных падежах, в словосочетаниях яевши лицуб 'медленноходить', къанди тъюб 'поздно приходить' связь между стержневыми словами (глаголами лицуб, тъюб) и зависимыми словами (наречиями яевши, къанди) выражается не флексивными изменениями зависимого слова, не его формой, а его местоположением, зависимой грамматической функцией, т. е. здесь мы имеем дело с примыканием.

Однако, естественно, формы выражения синтаксических отношений в различных категориях словосочетаний, а также частота употребительности того или иного вида синтаксических связей в табасаранском и в русском языках будут различными. Так, например, в табасаранском языке прилагательные в определительной функции, в отличие от русского языка, не согласуются с существительными в classe(роде), числе и падеже, а примыкают к ним, например: бици риш 'маленькая девочка', бици клари 'маленький телёнок', бици баяриз 'маленький детям' и т. д. Зато в глагольных словосочетаниях глагольные формы согласуются с существительными в classe и числе: юлчи дерккуб 'путника остановить', авраба дебиккуб 'арбу остановить', ляхнар дерккуб 'работы остановить' и т. д.

Согласование в падеже для табасаранского языка не характерно, если не считать отдельных случаев, например, при приложениях типа нежбэр-колхозчыр 'крестьяне-колхозники', нежбарииз-колхозчыриз 'крестьянам-колхозникам' и др.

Необходимо отметить, что есть некоторые особенности и в самом характере синтаксических отношений между словами в словосочетаниях. Так, например, в словосочетаниях типа *чархлиkk кхахъуб* 'попасть под колесо' стержневое слово *кхахъуб* (букв. 'подпаст'), управляя падежом зависимого слова *чархлиkk* 'под колесо', одновременно вступает с ним в координацию посредством преверба *кк* (показателя V серии местных падежей, который одновременно выступает и в качестве глагольного преверба с тем же значением). Еще больше особенностей в характере синтаксических отношений имеется в предикативных синтагмах, о чем будет сказано при анализе строя простого предложения в табасаранском языке.

Простое предложение

Для табасаранского языка, как и для других иберийско-кавказских языков, характерно наличие двух основных конструкций предложения: номинативной и эргативной, что связано с различным построением предложений с непереходными и переходными глаголами (при непереходном глаголе субъект действия становится в именительном падеже, а при переходном – в эргативном).

При номинативной конструкции предложение состоит из двух главных членов: подлежащего, выраженного именительным падежом имени, и сказуемого, выраженного непереходным глаголом. При эргативной конструкции оно состоит из трех главных членов подлежащего, стоящего в эргативном падеже, объекта (прямого дополнения), выраженного именительным падежом, и сказуемого, выраженного переходным глаголом.

Помимо этих двух основных конструкций в табасаранском языке имеются и другие конструкции (безличная, дативная, генитивная, локативная), которые употребительны лишь в редких случаях.

Номинативная (абсолютная) конструкция

При номинативной (абсолютной) конструкции предложение в табасаранском языке является двусоставным, так как в нем имеются лишь субъект и предикат, действие которого не

переходит на какой-либо объект (т. е. сказуемое в таком предложении выражается глаголом непереходного значения).

Между подлежащим и сказуемым существует связь координации, выражаяющаяся в том, что сказуемое, управляя подлежащим (требуя постановки его в именительном падеже), одновременно согласуется с ним в классе, числе, а также лице. При этом нужно учесть следующее:

- Если подлежащее выражено именем существительным или же местоимением III лица, глагол-сказуемое согласуется с ним в классе посредством классовых показателей (обычно инфиксально), например: *Бай զերգնу* 'Мальчик убежал' – *Мудур զեբնу* 'Козленок убежал'; *Баир զերգնу* 'Дети убежали' – *Мудрар զերգնу* 'Козлята убежали' и т. д. (во множ. числе класса разумных существ -р выступает как общий показатель для обоих классов).

- Если же подлежащее выражено местоимениями I и II лица, то сказуемое согласуется с ним в классе и числе инфиксально, в лице и еще раз в числе суффиксально, например: *Узу զերարա* 'Я убегаю'; *Учу զերարա* 'Ты убегаешь'; *Учу զերգրач* 'Вы убегаете' и т. д.

В распространеннном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом-сказуемым, если подлежащее выражено I или II лицом личного местоимения, оно может быть опущено, причем предложение остается, как и в русском языке, полным и личным, так как субъект выражается самой формой глагола-сказуемого, например: *Даахназа* 'Сплю'; *Лихураза* 'Работаю' и т. п.

В распространенном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом мы обычно имеем определение при подлежащем (группа подлежащего), а также обстоятельство и дополнение при сказуемом (группа сказуемого): *Бицил Мирза զամսուր խոլա դүֆнадар* 'Маленький Мирза до сих пор домой не вернулся'; *Къаби շաւъ յавашд զարзан կլիւчւрай* 'Старый медведь медленно со скалы спускался'.

При обычном построении речи слова группы подлежащего идут первыми, а слова группы сказуемого – вторыми (сами же подлежащее и сказуемое идут после относящихся к ним второстепенных членов).

Однако очень часто обстоятельства времени, места, которые, как правило, относятся ко всему предложению в целом, стоят в начале предложения, перед словами группы подлежащего: *Ийшну яхю сел гъубынну* 'Ночью большой ливень пошел'; *Варишвартер гъалин дыф дабханай* 'Везде глубокий снег лежал'.

Характерно, что в тех случаях, когда определение при подлежащем выражено притяжательными местоимениями, в качестве которых в табасаранском языке выступают сложитивные формы родительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица (узу 'я' – *йиз* 'мой', *уху*, *учу*'мы' – *иху*, *ич*'наш', *уеву*'ты' – *яв*'твой', *учу*'вы' – *иче*'ваш'), оно повторяется еще раз и в конце предложения после сказуемого. Например: *Ииз бай мектебидан гъюора йиз* 'Мой сын из школы идет (мой)'; *Ич гъевар ахъыну* 'Наша крыша провалилась (наша)'; *Яев маш кабынна яв* 'Твое лицо испачкано (твое)' и т. д. Эти местоимения, сливааясь с глаголами-сказуемыми, после которых они стоят, образуют в табасаранском языке своеобразное притяжательное спряжение: *гъюрайиз* 'идет (мой)', *гъюравая* 'идет (твой)', *гъюрайих* 'идет (наш)', *гъюрайич* 'идет (ваш)' и т. д.

Таким образом глагол-сказуемое в двусоставном личном предложении координируется не только с подлежащим, но и с определением при нем. Возьмем такой пример:

согл. в лице и числе

ииз	ху	гъабкінайиз
Моя собака сдохла'		

Как мы видим на данном примере, глагол-сказуемое координируется с подлежащим в классе и числе, с одной стороны, и с определением, выраженным притяжательным местоимением, в лице и числе, с другой.

Аналогичное явление имеет место и в тех случаях, когда в двусоставном личном предложении наличествуют дополнения, выраженные различными падежами личных местоимений I и II лица.

Например: *Накъ учуз хялар гъафунчуз* 'Вчера к нам (букв. 'нам') гости пришли'; *Али сан учугъ гъайчуз* 'Али ночью у нас был'; *Нешемтан уевуынна сар кас гъафунууынна* 'Недавно к тебе

один человек заходил'; *Учуухъ хъур кас лихурачевуухъ* 'На вас пять человек работает' и т. д.

В этих примерах дополнения, выраженные местоимениями I и II лица, стоят в различных падежах: *учуз* – в дательном мн. числа, *учуухъ* – в местном падеже покоя (II серия), *учувуынна* – в местном падеже направительном (II серия), *учуухъ* – в местном падеже покоя (IV серия). Глагол-сказуемое в каждом случае соответственно координируется с дополнением в лице, числе и падеже, поскольку и в этих случаях мы имеем дело с повторением его употреблением после глагола и с последующим стяжением с ним. Таким образом, глагол, выступая в качестве сказуемого личного двусоставного предложения, в табасаранском языке получает, с одной стороны, своеобразное склонение: *гъюразуз* 'мне (для меня) идет', *гъюразуынна* – 'ко мне идет', *гъюразуина* – 'на меня идет' и, с другой стороны, различные спряжения в каждой из этих падежных форм: *гъюразуз* 'мне идет', *гъюразуз* 'тебе идет', *гъюрачухына* 'к нам идет' и т. д.

Любопытное явление наблюдается в тех случаях, когда в предложении имеется одновременно определение при подлежащем и дополнение при глаголе-сказуемом (оба выражены личными местоимениями 1 и 2 лица):

- 1) глагол-сказуемое нейтрален к ним обоим: *Ич адаш учувуынна гъюора* 'Наш отец к вам идет';
- 2) глагол-сказуемое может координироваться с любым из них, в зависимости от того, который из этих второстепенных членов говорящий хочет подчеркнуть: *Ич адаш учувуынна гъюрайич* 'Наш отец к вам идет (наш)'; *Ич адаш учувуынна гъюрачухына* 'Наш отец (к нам) идет';
- 3) если какой-нибудь из них опускается, то глагол-сказуемое указывает только на него, так как в противном случае искажается смысл предложения: *Адаш учувуынна гъюрайич* 'Отец к вам идет (наш)'; *Ич адаш гъюрачухына* 'Наш отец идет (к вам)'.

Аналогичное явление имеем и в тех случаях, когда в предложении подлежащее и дополнение оба выражены местоимениями 1 и 2 лица: *Узу уехълан хъадаркурза* 'Я от тебя отстану (я)'; *Узу уаҳълан хъадаркурауухъан* 'Я от тебя отстану (я от тебя)'; *Узу хъадаркурууахъан* 'Я отстану (я от тебя)'; 'Отстану (я от тебя)'.

Как видно из примеров, глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в классе и числе, лице и числе, а с дополнением в лице, числе и падеже (если глагольную форму с аффиксом падежного происхождения можно считать условно падежной). Подобные предложения могут быть в конечном счете выражены одним глаголом-сказуемым, который одновременно показывает лицо, совершающее действие, и лицо, на которое косвенно это действие переходит (*Хъадаркурзавухъан*).

В двусоставном личном предложении с непереходным глаголом-сказуемым последний вступает в своеобразные отношения с дополнениями и обстоятельствами места, выраженными местными падежами имен существительных.

В приведенном выше предложении сказуемое *хъадаркурзавухъан* выражено реверсивным глаголом с превербом *хъ-*, употребляемым с исходным падежом местоимения *уехълан* с тем же показателем *-хъ* (IV серия). С учетом сказанного, приведенная выше схема координации глагола-сказуемого с остальными членами выглядит еще сложнее, т. е. глагол-сказуемое (*хъадаркурзавухъан*) окажется скординированным посредством преверба *хъ-* с дополнением (*уехълан*) и в отношении серии местного падежа, а также своей формой исходного значения с группой этого падежа (IV серия исходного падежа).

Таким образом, в двусоставном личном предложении с непереходным глаголом сказуемое вступает в очень сложные взаимоотношения с подлежащим и второстепенными членами предложения, особенно если они выражены личными (а также образованными от них притяжательными) местоимениями: оно стремится выразить в себе еще раз все то, что выражается подлежащим, а также второстепенными членами предложения в отношении класса, лица, и пространственных взаимоотношений между предметами.

Одним из разновидностей двусоставного личного предложения с непереходным глаголом-сказуемым следует считать и такие предложения, в которых в качестве сказуемого выступают глаголы-связки и вспомогательные глаголы непереходного значения *хъуб/шуб* 'быть', *хъюгъоб* 'начать' и др. Например: *Ич дада дүхтири вуйч* 'Наша мать доктор (есть)'; *Муса лап бицир вуйи* 'Муса очень маленький был'; *Хюни хянаь* 'Корова в хлеву (находится)'; *Сусуг гъяван алий* 'Каток на крыше находился'.

Хъадукра миқдар шупу 'Весной ветры бывают'; *Сяйт либух хъобъзыну* 'Часы начали работать' и т. д.

Глагол-связка *ву* в подобных случаях не имеет своего лексического значения и выступает в составе составного сказуемого.

Координация составного сказуемого в таких предложениях с подлежащим, а также с дополнениями, обстоятельствами и определениями, выраженными личными местоимениями 1 и 2 лица, та же, что в обычном двусоставном личном предложении с непереходным глаголом. Разница здесь только в том, что эта координация осуществляется частично связкой (в лице, числе, падеже) и частично присвязочным членом в составном сказуемом (в классе, числе и т. д. в зависимости от того, какой частью речи он выражен). Например, в предложении *Узу начир вуз* 'Я стыдливый (есть)' с подлежащим связка координируется в лице и числе, а присвязочный член – в классе и числе.

Эргативная конструкция

При эргативной конструкции предложение является трехсоставным, так как оно состоит из трех главных членов предложения: подлежащего (эргативный падеж имени), объекта (именительный падеж имени) и сказуемого, выраженного глаголом переходного значения: *Адашди ук! убшура* 'Отец траву косит'; *Бабу күртттар урччура* 'Бабушка рубашки стирает' и др.

Как видно из примеров, порядок слов в подобных предложениях несколько отличается от порядка слов в соответствующих русских предложениях: подлежащее стоит на первом месте, на втором – объект, на третьем – сказуемое. Указанный порядок слов в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом является обычным для устной и письменной речи.

Подлежащее ставится перед сказуемым только в тех случаях, когда на него падает логическое ударение, например: *Зав дифари кхебку* 'Небо тучами заволокло' (букв. 'Небо тучи заволокли'); *Нир мирккы гъибисну* 'Речку льдом сковало' (букв. 'Речку лед сковал') и т. д.

Тот факт, что объект в табасаранском предложении обычно стоит перед сказуемым, является весьма примечательным, если

учесть то обстоятельство, что перед сказуемым всегда ставится то самое слово, которое в данном случае особенно подчеркивается.

Следовательно, в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом-сказуемым в отношении логического ударения наиболее подчеркиваемым членом является объект.

Объект играет особую роль и в грамматическом оформлении предложения.

Глагол, сказуемое в трехсоставном личном предложении главным образом координируется с объектом. Координация эта выражается в классе и числе. Например: Адаши хамхар дя-хюра 'Отец балку пилит'; Адаши хамхар дя-хюра 'Отец балки пилит'; Бабу күркүт 6-ирхура 'Бабушка платье шьет'; Бабу күркүт д-ирхура 'Бабушка платья шьет'; Хорчабни люк гын-бисну 'Охотник орла поймал'; Разведчикди душман гын-д-исну 'Разведчик врага задержал' и т. д.

Сказуемое в трехсоставном личном предложении координируется с подлежащим в лице, и числе, и то фактически в тех случаях, когда подлежащее выражено личными местоимениями 1 и 2 лица, например: Узу гаклапар гъадатура-за 'Я дрова колю'; Узу гаклапар гъадатура-ва 'Ты дрова колеш'; Уксу гаклапар гъадатура-ха 'Мы дрова колем' и т. д.

При анализе номинативной конструкции отмечалось тяготение непереходного глагола в табасаранском языке вступать помимо субъекта в своеобразные взаимоотношения и с второстепенными членами, выраженными личными местоимениями. В трехсоставном личном предложении с переходным глаголом сказуемое также может вступать в координацию с второстепенными членами предложения. Например: Ииз адаши гаклапар гъадатура-йиз 'Мой отец дрова колет (мой)'; Адаши хыдану Аслан узулына гъаун-зульна 'Отец летом Аслана ко мне послал (ко мне)' и т. д.

В трехсоставном личном предложении с переходным глаголом-сказуемым в тех случаях, когда объект выражен личными местоимениями 1 и 2 лица, сказуемое согласуется с ним также в лице и числе (помимо согласования в классе и числе посредством классных показателей). Ср.: Ригъди жип абаура 'Солнце землю греет'; Ригъди узу аргура-зу 'Солнце меня

греет (меня)'; Ригъди узу аргура-ву 'Солнце тебя греет (тебя)'; Ригъди уху аргураху 'Солнце нас греет (нас)'.

Если в подобных случаях подлежащее также выражено личными местоимениями 1-го и 2-го лица, то сказуемое согласуется в лице и числе одновременно с подлежащим и объектом.

Узу узу агура-ва-зу 'Ты меня ищешь (меня)'; Узу учу агура-ва-чу 'Ты нас ищешь (нас)'; Узу узу агура-за-ву 'Я тебя ишу (тебя)'; Узу учу агура-за-чу 'Я вас ишу (вас)'; Учу учу агура-ча-чу 'Мы вас ищем (вас)'.

Таким образом, переходные глаголы в табасаранском языке получают своеобразное субъектно-объектное спряжение. Здесь следует отметить, что процесс перехода личных местоимений в личные окончания глагола объектного характера окончательно не завершен в табасаранском языке. Хотя формы агуразау, агурачачу и др. наиболее употребительны, в языке встречаются и формы без вторых местоименных аффиксов, т. е. можно сказать Узу узу агуразау 'Я тебя ишу (тебя)' и Узу узу агураза 'Я тебя ишу' и т. д.

Из всего сказанного явствует, что в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом, сказуемым принципиальной разницы в координации сказуемого с подлежащим, с одной стороны, и с остальными членами предложения, с другой, нет. Как с одним, так и с другими координация глагола, сказуемого имеет место фактически в тех случаях, когда они выражаются личными местоимениями 1 и 2 лица, причем характер координации также идентичен в обоих случаях, и отличается от исконного классного согласования сказуемого с объектом (при переходных глаголах) или субъектом (при непереходных глаголах).

Как было отмечено, сказуемое в трехсоставном личном предложении с переходным глаголом, сказуемым согласуется с объектом так же, как оно согласуется с подлежащим в двухсоставном личном предложении. Здесь, однако, следует сделать несколько замечаний.

Непереходные глаголы, сказуемые согласуются с подлежащим в классе и числе посредством классных показателей б, р, которые всегда вклиниваются в основу глагола инфиксально. То же самое имеет место и при согласовании с объектом

сказуемого, выраженного переходным глаголом (см. приведенные выше примеры). Однако в ряде переходных глаголов классные показатели выступают префиксально, причем классному показателю *р* при этом соответствует *д* (бикхуб – дикхуб 'писать', бисуб – дисуб 'повить', биржуб – диржуб 'гнуть', бюхуб – дюхуб 'собирать' и т. д.). Например: Айлди жаъзе бисура 'Али птицу ловит'; Айлди Жалип дисура 'Али Джалип ловит'; Байрамди каъзас бикбура 'Байрам письмо пишет'; Байрамди наъзар дикбура 'Байрам письма пишет' и т. д.

Ряд переходных глаголов изменяется по классам и числам архаическими способами: *unlyb* – *umlyb* 'кушать', *anlyb* – *aub* 'вогнать' и т. д.

Как было отмечено, непереходные глаголы имеют личные формы с исходом на *а* и *у* (ахураза – ахуразу 'засыпаю', ахурае – ахураеу 'засыпаешь' и т. п.), из которых в настоящее время в литературном языке наиболее употребительны первые, хотя логически должны были закрепиться вторые (первые связаны с еще неоформившейся формой зрагтивного падежа личных местоимений, вторые – с формой именительного падежа).

Переходные глаголы также имеют обе эти формы, однако здесь их употребление не факультативно. Употребление той или иной формы здесь уже зависит от содержания высказывания, так как рассматриваемые формы с точки зрения выражения субъектно-объектных отношений противоположны друг другу по своему значению. Ср.: Узу урччураза 'Я избиваю (кого, то)'; Узу урччураза 'Меня избивает (кто-то)'; Узу ѹиккураава 'Ты убиваешь (кого, то)'; Узу ѹиккураава 'Тебя убивают (кто, то)' и т. д.

Как видно из примеров, личные глагольные формы с а показывают действие, совершаемое субъектом и переходящее на какой, нибудь объект (Узу думу урччураза 'Я избиваю его'; Узу думу урччураза 'Ты избиваешь его' и т. д.). При этом в предложении субъект должен выражаться личным местоимением в 1 или 2 лице. Формы с у обозначают те же взаимоотношения между субъектом и объектом с той разницей, что теперь объект должен быть выражен местоимением в 1 или 2 лице (Дадай узу урччуразу 'Мать меня избивает'; Дадай узу урччуразу 'Мать тебя избивает').

Здесь мы имеем случай, когда глагол, сказуемое согласуется только с одним из главных членов (подлежащим или объектом),

стоящим в 1 или 2 лице, в то время как другой из них стоит в 3 лице. Стоит поставить их оба в 1 или 2 лице, как мы придем к формам субъектно-объектных взаимоотношений, о чем было сказано выше (Узу уев урччуразавау 'Я тебя избиваю (тебя)'; Узу узу урччуразавау 'Ты меня избиваешь (меня)' и т. д.). Непереходные глаголы не могут иметь такого противопоставления в силу отсутствия в предложении объекта.

Характерно, что в связи с образованием указанных выше форм глагола с личными окончаниями *а* и *у*, некоторые глаголы переходно-непереходного значения в контексте, начинают дифференцироваться по значению. Ср.: дикхуб 'убивать' – 'умирать' – ѹиккураза 'убиваю', ѹиккуразу 'умираю'; ураув 'сжигать' – 'гореть' – урччураза 'сжигаю', урччуразу 'горю' и т. д. По аналогии с этим имеется тенденция к трансформации некоторых непереходных глаголов в непереходно, переходные.

Ср.: Узу жаъзураза — жаргууразу 'Я бегаю' – Узу дай жабгуураза 'Я жеребенка гоняю' и др.

Наряду с описанными выше двумя основными конструкциями предложения, в табасаранском языке имеются следующие сравнительно редкие употребительные конструкции:

1) дативная (субъект при глаголах чувствования и восприятия становится в дательном падеже): Жанавиз гъэр гъяльбуну 'Лиса увидела зайца'; Бализ урхуз күнди айи 'Пареня хотел учиться' и др.;

2) генитивная (субъект при некоторых глаголах становится в родительном падеже): Балин шур'ин юків улубыну 'Парень влюбился в девушку'; Сунайн хъур бай а 'Суна имеет пятерых сыновей' и др.;

3) локативная (субъект при отдельных глаголах становится в местном падеже): Сулгъан гъюр бисуз гъяхундар 'Лиса не смогла поймать зайца'; У'ван му ляхин удубындар 'Ты не справишься с этой работой' и т. д.

4) безличная конструкция (в предложении наличествует только один главный член – сказуемое). В них нет выделения субъекта и объекта действия, а имеет место только выражение определенного явления и состояния, например: Хулат маниди ву 'В комнате жарко'; Чылам амсиди ву 'На дворе пасмурно'; Сивариль сирин шулу 'В горах прохладно бывает' и т. д.

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В табасаранском языке, как и в других дагестанских языках, имеются предложения с причастными и масдарными оборотами, в составе которых выступает логический субъект. Одни исследователи, приравнивая их к придаточным предложениям, считают предложения с этими оборотами сложными предложениями, другие же относят данные обороты к распространенным членам простого предложения.

В табасаранском языке причастные и масдарные обороты с логическим субъектом принято считать развернутыми членами предложения (в отличие от распространенных членов предложения без логического субъекта в их составе), а предложения с ними — сложенными предложениями, представляющими собой переходный этап от простого предложения к сложному.

Указанные обороты не считаются придаточными предложениями потому, что они не обладают достаточной для этого смысловой и интонационной самостоятельностью, а наличие или же отсутствие логического субъекта не влияет на характер координации их с другими членами предложения. Кроме того, в них нет тех союзов и других средств союзного значения, посредством которых в табасаранском языке придаточные предложения присоединяются к главному предложению.

Развернутыми могут быть различные члены предложения.

Развернутое подлежащее выражается масдарными оборотами: Чee эскервалиан гъобу чи гизаф шад гъалпн 'Возвращение брата из армии сестру очень обрадовало'; Хъадука булди мархъар уръбъу тумар урабан ляхнiz энгелвал гъалпн 'Обильное выпадение дохдей задержало посевную кампанию' и т. д.

В подобных предложениях подлежащими принято считать не только сами масдарные формы (гъобу 'возвращение', уръбъу 'выпадение'), а образуемые им обороты в целом, включая и находящиеся в их составе логические субъекты (чee 'брат', мархъар 'дохди').

Аналогичные масдарные обороты в других случаях выступают также в роли развернутых дополнений, объектов и именных частей составного сказуемого, например: Чee эскервалиан гъобин чи гизаф шад гъахын 'Возвращению (букв. 'над возвращением') брата из армии сестра очень обрадовалась' (развернутое

дополнение), Чучуз чee эскервалиан гъоб гизаф хуш гъабхын 'Сестре возвращение брата из армии очень приятным стало' (развернутый объект). Бабан вартлан тамарзу мурад бай эскервалиан гъоб вүйи 'Самое сокровенное желание матери возвращение из армии сына было' (развернутое сказуемое) и т. д.

Развернутое определение выражается причастным оборотом с логическим субъектом, например: Абайи гъабхи хумурзаг бали гъабдитиу 'Отцом принесенный арбуз сын разрезал', Бабу гъубку халац халудиз багызи гъалпунча 'Матерью сотканный ковер мы подарили дяде' и т. д.

Для масдарных и причастных оборотов, образующих развернутые члены предложения, характерно то, что от наличия или отсутствия в них логического субъекта в структуре этих оборотов и характере синтаксических связей никаких изменений не происходит:ср. Накъ гъубкку пель чагыб вүйи 'Вчера зарезанная курица жирная была' (развернутое определение) — Абайи накъ гъубкку пель чагыб вүйи 'Вчера отцом зарезанная курица жирная была' (развернутое определение).

Здесь в обоих оборотах причастие согласуется в классе и числе с определяемым словом — подлежащим пель 'курица' и вообще никаких структурных изменений в обороте от включения в него логического субъекта не произошло.

Совсем иначе обстоит дело, когда в предложении имеется деепричастный оборот с логическим субъектом. В предложении Хюни, хян'ан удуబчану, ниризди гъубшину 'Корова, выйдя со двора, направилась к реке' действия, выражаемые глаголом-сказуемым гъубшину 'направилась' и деепричастия удуబчану 'выйдя', относятся к одному и тому же подлежащему хюни 'корова' и поэтому оба согласуются с ним. А если мы возьмем предложение с деепричастным оборотом, в составе которого имеется собственный логический субъект, то характер согласования будет другой, например: Хъадукар улубкыну, йигъар мани гъахыну 'Наступила весна, и дни стали теплее' (букв. 'Весна наступила, дни стали теплее'). Здесь деепричастие улубкыну 'наступивши' относится к субъекту хъадукар 'весна', а сказуемое мани гъахыну 'стали теплее' к подлежащему йигъар 'дни'. Подобные деепричастные обороты в отличие от масдарных и причастных оборотов в смысловом и интонационном отношении

более самостоятельны и поэтому они рассматриваются как один из видов придаточных предложений.

Ксложненным предложениям, хотя и несколько иного рода, можно отнести также предложения, отягощенные обращениями, вводными словами и предложениями, однородными членами предложения, обособляемыми членами предложения.

Сложное предложение

В табасаранском языке в зависимости от того, в каких связях находятся части, входящие в состав сложного предложения, последние делятся на две основные группы: сложносочиненные и сложноподчиненные. В сложносочиненных предложениях составляющие их части соединяются между собой сочинительной связью (сочинительными союзами), а в сложноподчиненных – подчинительной связью (подчинительные союзы, а также союзные слова и отдельные глагольные формы с аффиксами подчинительного значения).

Сложносочиненное предложение

В зависимости от характера смысловых отношений между частями сложного предложения, а также в соответствии с семантическими группами союзов сложносочиненные предложения делятся на предложения с соединительным, противительным и разделительным значением.

В сложносочиненных предложениях, с соединительным значением их части соединяются между собой союзами *ва* 'и', *-ра*... *-ра*, *гъам*... *гъам* (*гъамсана*) 'и...' и' (ни...) ни', например: *Нирин гырағылыхъ хъай гъарзукъ ахъо хъар кѣбай, ва баяри душашъ чыз мархылыхъан далда даплайын* 'На берегу реки под скалой находилась большая пещера, и дети там устроили для себя укрытие от дождя'; *Абара кѣтпәрцина, бабанра кефир адар* 'И отец заболел, и бабушка не здоровится'; *Гъам уста учча гъафундар, гъам дугузы чан шауард гъаундар* 'Ни мастер сам не пришел, ни он своего подмастерья не послал' и др.

Характерно, что союз *ва* может встречаться и одновременно с союзами *-ра* и *гъам*. При этом союз *ва* выступает в роли соединительного союза, а союзы *-ра* и *гъам* в качестве

усилительных, например: *Завар гъарахну, ва мархыра убъуз хъыбельну* 'Загремел гром, и дождь пошел'; *Мүчүл гъабыну, ва гъам гъавийрга айкъо гъахыну* 'Стемнело, и погода прохладнее стала' и т. д.

Что же касается степени употребительности соединительных союзов, то здесь можно отметить следующую тенденцию: 1) в сложносочиненных предложениях, состоящих из двух частей, преимущественно употребителен союз *ва*; 2) в сложносочиненных предложениях открытой структуры, особенно с усиительным значением, употребителен союз *-ра*; 3) сфера употребления союза *гъам* гораздо уже, чем сфера употребления союзов *ва* и *-ра* (в сложносочиненном предложении он встречается очень редко).

Необходимо отметить, что в табасаранском языке (не без влияния русского языка) в сложносочиненных предложениях в качестве соединительных союзов выступают и такие сложные союзы, как *ялгыуз*... *хъа ылачи..ра* 'не только... но и'... *си ...ра* 'как... так' и др., например: *Ялгыуз думу гышихундар, хъа гъацы узура душашъ шубуд ылгыди зеъгмет гъизигунза* 'Не только он поработал, но и я там три дня трудился'; *Дузуу узуз ук'ял* *гъаплиси*, *узура дугуз аз узхъан шлу кимекар гъаплунца* 'Как он мне добро сделал, так и я ему посильную помощь окажал' и т. д. Однако такие сложные союзы обычно встречаются и в перевodной литературе и особой роли в сложносочиненном предложении не играют.

В сложносочиненных предложениях с противительным значением их части соединяются союзами *хъа* (*күруш*) 'в', *амма* (*анкагъ*) 'но', например: *Узу хулаз гъушунза, хъа уччу гъаплунчыва?* 'Я домой пошел, а вы что сделали?'; *Учу дугуз азифа къарағынчыча, амма думу уучхъ хълпехъундар* 'Мы его долго умоляли, но он нас не послушался'.

В сложносочиненном предложении с противительным значением в роли союза *хъа* иногда выступает форма условного наклонения от глагола *күлүп/луб* 'говорить' – *күруш* 'если говорить'. В таких случаях эта форма теряет свое лексическое значение и переходит на русский язык как 'что касается', 'же'. Например, ср. *Жюлгар чучухъ хъай, хъа чи мөзелл ачлын хулаз дүфнәдай* 'Ключи у сестры находились, а сестра пока что с прополки домой не вернулась' – *Жюлгар чучухъ хъай, чи*

күруш мэгъель аччиан хулаз дүфнадай 'Ключи у сестры находились, сестра же пока что с прополки домой не вернулась' и др.

Как видно из примеров, *күруши*, подобно соединительному союзу *-ра*, стоит не между частями сложносочиненного предложения, а находится внутри второй части, после одного из его членов. Разница здесь в том, что *-ра* пишется сплитно с тем словом, после которого он идет, а *күруши*, хотя и утрачивает свое лексическое значение, сохраняет свою самостоятельность как слово. По своему значению *күруши* в сложном предложении занимает как бы промежуточное положение между противительным союзом и усилительной частицей *'же'*.

Здесь необходимо отметить, что в значении противительного союза в табасаранском языке выступает форма условного наклонения еще от одного глагола – от глагола *дархъуб/даршуб* 'не быть'. Форма условного наклонения от этого глагола – *даршиши*, которая выступает в несколько видоизмененном виде – *дарши*, имеет в сложносочиненном предложении значение русского союза 'а то' или же 'в противном случае', например: *Раккин хъебхъ, дарши хулаз къый зъюра Прикой дверь, а то в комнату холод идет*; *Сикинди гъуз, дарши хулан утлуркүдизаву* 'Веди себя смироно, а то я тебя из дома выведу' и т. д.

Как видно из примеров, предложения с *дарши* имеют значение противопоставления с оттенком условности. Здесь мы имеем дело с одним из этапов развития сложного предложения в табасаранском языке, в котором отдельные формы слов, теряя свое лексическое значение, превращаются в союзы и начинают функционировать в сложном предложении для соединения его частей.

Части сложносочиненных предложений с разделительным значением соединяются союзами *гагъ... гагъ* 'то... то', *я... я* 'или... или', например: *Гагъ амси шуби, гагъ хъанара ригъ аплий* 'То становилось пасмурно, то снова выглядывало солнце'; *Дина я узу гъараҳ, я узу гъялгъорза* 'Туда или ты поезжай, или я поеду' и др.

Союз *я*, как и некоторые другие рассмотренные нами союзы, при повторении часто выступает с усилительной частицей *-саны* '*же*' (*я... ясаны*). Кроме того, в сложносочиненных предложениях с союзом *я... я* одновременно может выступать и

соединительный союз *ва* 'и', который как в произношении, так и на письме сливается со второй частью повторяющегося союза *я... я* (*я... ява*), например: *Уеу я хулья деб, ява же узу альяттий баярихъди тамшиш аплий* 'Ты или посиди дома, или же сам играй во дворе с ребятами' и др.

Противительные союзы *гагъ... гагъ* и *я... я* образуют сложносочиненные предложения открытой структуры, которые могут состоять не только из двух, но и из нескольких частей. Однако практически они, как правило, состоят из двух частей. Другой структурной особенностью этих предложений является то, что повторяющиеся в их частях отдельные слова в одной из них опускаются, например: *Гагъ ахъю шула, гагъ – мани* 'То холодно становится, то жарко'; *Я Агымад хулья гъузри, я – узу* 'Или Ахмед путь дома останется, или ты' и др. Впрочем это имеет место в сложносочиненных предложениях и с другими сочинительными союзами.

В связи с этим возникает вопрос о степени предикативности отдельных единиц, составляющих части сложносочиненного предложения. Возьмем, например, предложение *Гъулаз Альира къанди хъуркъуну, Мирзара* 'В аул и Али поздно доехали, и Мирза'. В этом предложении ввиду того, что все члены в обеих частях, кроме подлежащих, являются общими, во второй части осталось только подлежащее с союзом *-ра*. В данном случае это предложение очень близко к простому предложению с однородными подлежащими, соединенным между собой повторяющимся усилительным союзом *-ра*: *Гъулаз Альира, Мирзара къанди хъуркъуну* 'В аул и Али, и Мирза (как Али, так и Мирза) поздно доехали'. Правда, они отличаются друг от друга в отношении порядка расположения слов и интонации предложения. Тем не менее на практике их очень трудно противопоставлять друг другу как простое и как сложное предложения, тем более что пропуск остальных членов на письме не отражается в виде тире, как в других случаях. Поэтому, когда неполная вторая часть сложного предложения состоит из одного подлежащего, целесообразно рассматривать это предложение как простое предложение с однородными подлежащими при одном и том же сказуемом. При этом мы имеем в виду практическую, а не научную сторону данного вопроса. В чисто теоретическом плане такая степень неполноты, как и другие ее виды, должна рассматриваться как

характерная особенность сложного предложения определенной структуры.

Другой вопрос, на котором следует остановиться, также связан с неполнотой предикативных единиц, образующих сложносочиненное предложение. В сложносочиненном предложении во второй части в качестве подлежащего часто выступают личные местоимения третьего лица, которые замещают собою подлежащее первой части. Обычно это имеет место в тех случаях, когда глаголы-сказуемые этих частей различаются по признаку переходности/неперходности, например: Чархачи жаръури гъулаз гъафи, ва дугъу гъуландариз саб үзүү хабар миялум гъалыну 'Гонец прибежал в аул, и он аульчанам сообщил одну весть'. В таких случаях падежи существительного и местоимения не совпадают друг с другом: при неперходном глаголе-сказуемом подлежащее стоит в именительном падеже (чархачи гъафи 'гонец прибежал'), а при переходном – в зративном (дугъу миялум гъалыну 'он сообщил').

Однако как в устной, так и в письменной речи очень часто местоимение во второй части опускается и появляются предложения типа Чархачи жаръури гъулаз гъафи ва гъуландариз саб үзүү хабар миялум гъалыну 'Гонец прибежал в аул и сообщил аульчанам одну весть'. В русском языке такие предложения рассматриваются как простые предложения с однородными сказуемыми. В табасаранском языке пропуск подлежащего, выраженного местоимением в другом падеже, во второй части является отступлением от нормы языка.

Сложноподчиненное предложение

Разграничение сложноподчиненных предложений в табасаранском языке строится на структурно-семантической классификации, в основе которой лежит деление всех сложноподчиненных предложений на два типа – на расчлененный и нерасчлененный. В предложениях первого типа придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, а в предложениях второго типа – к одному слову в ней, дополняя, развивая и конкретизируя его. При этом особое значение придается тому различию в средствах связи, которое обнаруживается между предложениями расчлененного и

нерасчлененного типов (в первых главная и придаточная части связываются посредством семантических союзов, во вторых – посредством синтаксических союзов и анафорических местоимений), так как это различие в средствах связи обуславливает и структурные различия между ними (в первом случае оформление придаточных частей посредством семантических союзов делает возможным их функционирование в качестве отдельных коммуникативных единиц; а во втором – оформление их посредством синтаксических союзов делает такое функционирование невозможным).

Сложноподчиненные предложения нерасчлененного типа

Среди сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа, в которых придаточная часть относится не ко всей главной части в целом, а к отдельному слову, в табасаранском языке следует выделить два основных их вида: соотносительные и изъяснительные предложения.

Соотносительное сложноподчиненное предложение в табасаранском языке имеет свою специфическую структуру, а именно: придаточная часть посредством относительных местоимений или вопросительных наречий соотносится непосредственно с одним из членов в главной части предложения, который выражается указательным местоимением или наречием. Например: Шли чан ляхин ухди ккудубкыши, гъадгъу копшариз кюмек даплын ккунду 'Кто быстрее завершит свою работу, тот должен помочь товарищам'; Фух ватандиз вафалу вуш, дугъаз халкъыди гъарган гъюрмат алур 'Кто предан родине, того народ всегда будет уважать'; Аспан чан хорч'ина фици алабхуруши, ишит аждагъайшина гъацы тепелиши гъаҳы 'Герой так набросился на чудовище, как лев кидается на свою добычу' и др.

Относительные местоимения и вопросительные наречия в придаточной части и указательные местоимения и наречия в главной части соотносительного сложноподчиненного предложения выполняют роль как бы сложных союзов, которые служат для соединения придаточных и главных частей между собою.

Сама форма выражения соотнесенных членов (местоимения, наречия без конкретного значения) в придаточной и главных частях суживает сферу употребления соотносительных сложноподчиненных предложений в табасаранском языке. В главной

части этот член выражен не полноценным, а служебным синсемантическим словом. Он только намечает синтаксическое место для описательного обозначения, которое содержится в придаточной части, и синсемантическое соотносительное слово главной части таким образом наполняется определенным содержанием. Но содержание это олья-таки является обобщенным, так как соотносительное союзное слово в придаточной части выступает в роли того или иного его члена, не является в смысловом отношении самостоятельным словом. Поэтому соотносительные сложноподчиненные предложения носят обобщающий характер и встречаются обычно в определенных сферах книжной речи.

В разговорной речи соотносительные сложноподчиненные предложения обычно заменяются простыми предложениями, которые выражают то же самое значение, например, ср. Фуж уҳди тъудужиш, гъадзы унчів *tianpı* 'Кто раньше встанет, тот пусть окно откроет' - Уҳди тъудужури унчів *tianpı* 'Раньше вставший пусть окно и откроет'.

Изъяснительные сложноподчиненные предложения, в отличие от соотносительных, характеризуются тем, что в них придаточная часть всегда относится к сказему главной части, которое она разъясняет и дополняет. В структурном отношении они отличаются тем, что их структура не носит такой ярко выраженный характер, как структура соотносительных предложений. В главной и придаточной частях изъяснительного сложноподчиненного предложения нет обязательного взаимодействия соотносительных слов. Придаточная часть в них выражает не определительные, а дополнительные отношения.

В структурном отношении изъяснительные сложноподчиненные предложения не однородны, и способы соединения в них придаточных частей с главными разнообразны. Вот основные из них:

1. Придаточная часть соединяется с главной посредством союза *-ки* 'что', который выступает с глаголом-сказуемым главной части предложения (пишется с ним слитно). Например: Шофери гъапниүки, чахъан машин гъубкуй үишв'ин дебеку шулдар 'Шофер сказал, что он не может останавливать машину где попало'; Вардиз альяки, гъюлтрахым зарар кайи нахиши дар 'Все знают, что еж не вредное животное' и др.

2. Придаточная часть соединяется с главной посредством союзных слов *күри*, *дунну* (*пну*). Например: Гъуландариз, чиғында артисттар дүфна пну, гъеебху 'Аульчане услышали, что к ним артисты приехали'; Бали, яғын бағырыз саб шашуру вая гъул гъашуп пну, фикир гъаптұ 'Юноша подумал, что где-то поблизости обязательно город или село должны быть'; Гъулаз, гапан марчар дәвъдиз хъавра дунну, хабар гъафній 'В аул пришла весть, что овцы с плоскости в горы перегоняются' и др.

3. Придаточная часть соединяется с главной посредством сказуемого придаточного предложения, выраженного формой условного наклонения глагола. Например: Бализ, му риши гъаптұр вуш, альгы аптыз кхун гъабши 'Юноша захотелось знать, что это за девушка'; Шуру балғын, думу наана гъялғырайр үшү, гъерхун 'Девушка спросила у парня, куда он идет' и др.

Нетрудно догадаться, что придаточная часть изъяснительных предложений с основными словами *күри*, *дунну* (*пну*), а также частично с союзом *-ки* не что иное как косвенная речь, трансформированная ими в придаточную часть предложения. Впрочем, и без этих слов косвенная речь превращается в придаточную часть предложения, т. е. хотя придаточные части изъяснительных сложноподчиненных предложений обычно и сопровождаются словами *күри*, *дунну* (*пну*), они иногда могут выступать и без них. Ср. Радиойсан, гъи үйф убъиди *күри*, хабар гъаптұ 'По радио сообщили, что сегодня выпадет снег'; Радиойсан хабар гъаптұнки, гъи үйф убъиди 'По радио сообщили, что сегодня снег выпадет' – Радиойсан, гъи үйф убъиди, гъаптұ 'По радио, сегодня выпадет снег, сказали' и др.

Придаточные части изъяснительных сложноподчиненных предложений, соединяемые с главной посредством условной формы глагола-сказуемого придаточного предложения, восходят к случаю, когда прямая речь, выраженная вопросительным предложением, заменяется косвенной, и при этой замене глагол-сказуемое ставится в условном наклонении.

Сложноподчиненные предложения расчлененного типа

Среди сложноподчиненных предложений расчлененного типа, в которых придаточная часть относится не кциальному слову, а

ко всей главной части в целом, в зависимости от смысловых взаимоотношений между частями предложения, а также в зависимости от средств связи между ними в табасаранском языке следует выделить сложноподчиненные предложения времени, причины, цели, следствия, сравнительные, условные и уступительные.

В сложноподчиненных предложениях времени придаточная часть присоединяется к главной при помощи глагольных форм с временными аффиксами -ав, -хъан, -митла и др.: *Адаш хупль учывиган, баир дошлади ликри гъуджуву* 'Когда в комнату зашел отец, сыновья тотчас вскочили на ноги'; *Сумчир алдабэхъян, ялхъянар дараплыб* 'После того, как свадьба кончилась, не танцуют' и др.

В сложноподчиненных предложениях причины придаточная часть присоединяется к главной посредством союзов *гъаз въапши* 'потому что', *фицики* 'так как' и др.: *Хулар дивну кхудукнадай, гъаз въапши гъеванар ўзуркундай* 'Дом остался недостроенным, потому что не хватило камня'; *Риш эън хулан ўччүндар, фицики закур дутыу имтизъян тунуву кхүндий* 'Девушка сегодня не вышла из дома, так как ей завтра предстоит сдать экзамен' и др.

В сложноподчиненных предложениях цели придаточная часть присоединяется к главной посредством союзных слов *дунту, кхури* 'чтобы' и др.: *Шураз въыхъо даришиби дунту, бабу дугъ'ин леэф ишилү* 'Чтобы девочка не было холодно, бабушка нахинула на нее одеяло'; *Иики пуч даришиби кхури, Минай думу гъаурушиш яланып* 'Чтобы мясо не попортилось, Мина поджарила его в масле' и т. д.

В сложноподчиненных предложениях следствия придаточная часть соединяется с главной при помощи союза *-ки* 'что' и союзных слов *гъаддиз* 'поэтому', *гъаддиз лигну* 'так что' и др.: *Табшурууб гъадмукаан гъагыбыг буйики, думу шилглан вушра тамам аныз шлуб дай* 'Задание было такое сложное, что не каждый мог его выполнить'; *Чат пис къай айи, гъаддиз изун юлчыир ми гъулаш ишиш адапблакк куркъу* 'На дворе было очень морозно, поэтому путники решили остаться в этом селении на ночлег' и др.

В сравнительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть присоединяется к главной части глагольными

формами с сравнительным аффиксом *-си* 'как' и созных слов *хиял аплин* 'словно', *клавва* 'будто' и др.: *Гъамци хъана, нирильди шид гъябъруси, саб ваз хъана гъубшу* 'Таким образом опять, как по реке вода идет, прошел еще месяц'; *Булалъдин сар риши дийгъынай, кларва му каихнай чирағыз* 'у Над родником стояла девушка, словно это горящий факел был' и др.

В условных сложноподчиненных предложениях придаточная часть присоединяется к главной посредством условной формы глагола-сказуемого придаточной части обычно в сочетании с союзами *эгер*, *нагагъ* 'если': *Мархъ гъубгъиши, ухъган рякъюль учывуз хъидар* 'Если пойдет дождь, мы не сможем тронуться в путь'; *Эеэр (нагагъ) мажал гъабхъиши, хъябхъаган учугына гъач* 'Если будет время, вечером зайди к нам' и др.

В уступительных сложноподчиненных предложениях придаточная часть соединяется с главной посредством уступительной формы глагола (сказуемого придаточной части), которая образуется регулярно от условной формы глагола посредством приставления к ней уступительной частицы *-ра* (*гъафнуши* 'если пришел' – *гъафнушира* 'хотя и пришел' и др.); *Хъадукар улубъ-нашра, гъаурип бергъем мани дүйкнадар* 'Хотя весна и наступила, погода пока прохладная' и др.

Схематически структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений в табасаранском языке выглядит следующим образом:

Сложноподчиненные предложения:

Нерасчлененные (в которых придаточная часть распространяет слово или словосочетание в главной части)

- соотносительные
- изъяснительные

Расчлененные (в которых придаточная часть распространяет главную часть в целом)

- времени
- причины
- цели
- следствия
- сравнительные
- условные
- уступительные

Бессоюзное предложение

В табасаранском языке бессоюзное сложное предложение не получило особого развития, и его значение в языке не очень велико.

Проследить в устной разговорной речи бессоюзные сложные предложения невозможно, так как в ней границы между предложениями не поддаются определению. В записанных материалах бессоюзные сложные предложения встречаются в малых фольклорных жанрах (обычно пословицах, поговорках, загадках). Например: *Ахю гафар күлиз бала, чилли лаваш фуниз бала* 'Громкие слова – для головы беда, тонкая лепешка – для живота беда'; *Жевуу гъаплуб кіаз рягъят, жаари гъаплуб хилариз рягъят* 'Самим сделанное – для сердца облегчение, чужим сделанное – для рук облегчение'; *Гашунеали күт'ан утлуккуру, гъяцлишину* – хузаз 'Голод из дома гонит, нагота – домой' и т. д.

Как видно из примеров, такие бессоюзные предложения заключают в себе сопоставление двух явлений, причем оба простых предложения, входящие в состав сложного предложения, строятся по принципу синтаксического параллелизма. Кроме того, в них имеются элементы поэтической речи: рифмовка, аллитерация, повторы. В тех случаях, когда в качестве сказуемого в обоих предложениях выступает одно и то же слово, иногда во втором предложении оно опускается (вместо него ставится тире). Кстати, заметим, что в подобных предложениях в составах сказуемых обоих предложений связки опускаются, что является очень редким явлением в табасаранском языке, например: *Ахю гафар күлиз бала, чилли лаваш фуниз бала // Ахю гафар күлиз бала ву, чилли лаваш фуниз бала ву* 'Громкие слова для головы беда (суть), тонкая лепешка для живота беда (есть)' и т. д.

В литературном языке бессоюзные сложные предложения преимущественно встречаются в поэтической речи. В размеренной прозаической речи бессоюзные сложные предложения встречаются сравнительно реже. Наиболее часто встречающийся тип бессоюзного сложного предложения в художественной литературе – сложные предложения, которые равняются простой сумме простых предложений, объединенных в сложное

как бы по субъективному восприятию явлений тем или иным автором. При этом следует заметить, что связь между простыми предложениями внутри подобных бессоюзных сложных предложений довольно непрочная, так как очень часто без ущерба содержанию высказывания такие бессоюзные сложные предложения можно разбить на два или несколько составляющих их простых предложений, например: *Хъадукар ву, ламвал адар, набататтар, лиг, ураура* 'Весна уже, влаги нет, растения, гляди, сохнут' – *Хъадукар ву. Ламвал адар. Набататтар, лиг, ураура* 'Весна уже. Влаги нет. Растения, гляди, сохнут' и т. д.

Тем не менее, становление бессоюзного сложного предложения, как самостоятельного вида предложения, является очевидным и в литературном языке, так как в нем под влиянием переводной с русского языка литературы можно встретить и некоторые другие виды бессоюзных предложений, остановиться на которых (так же, как и на сложных предложениях смешанного типа, предложениях с прямой и косвенной речью и др.) нам не позволяет ограниченный объем очерка.

Основные правила пунктуации

В табасаранском языке употребляются те же знаки препинания, что и в русском языке: точка, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки, кавычки, и многоточие.

Т о ч к а ставится:

- 1) в конце повествовательного предложения, 2) в конце высказанного с умеренной интонацией повелительного предложения.

В о п р о с и т е л ь н ы й з н а к ставится:

- 1) в конце вопросительного предложения, 2) при обращении с вопросом.

В о с к л и ц а т е л ь н ы й з н а к ставится:

- 1) в конце восклицательного предложения, 2) в конце повелительного предложения, 3) при обращениях с восклицанием, 4) при междометиях.

З а п я т ы я ставятся:

- 1) при однородных членах предложения, 2) при обособленных членах предложения, 3) при обращениях, 4) при вводных словах

и предложениях, 5) при междометиях, 6) для выделения простых предложений в составе сложного предложения.

Т очка с запятой ставится:

1) в сложных предложениях с несколькими придаточными предложениями.

Д в о е т о ч и е ставится:

1) после обобщающего слова при однородных членах предложения, 2) в бессоюзном сложном предложении перед предложением, содержащим обобщающее слово, 3) при прямой речи и цитатах.

Т ир е ставится:

1) между подлежащим и сказуемым при отсутствии связки, 2) перед обобщающим словом, стоящим после однородных членов предложения, 3) при приложениях, 4) в бессоюзном сложном предложении, 5) при прямой речи и диалоге.

С коб ки ставятся:

для выделения вводных предложений.

К а в ы ч к и ставятся:

1) при прямой речи, 2) при цитатах.

Многоточие ставится при разрыве и недосказанности мысли.

ЛЕКСИКА

Одним из важнейших путей развития словарного состава табасаранского языка, как и других языков, является изменение значения слова, которое возникает с развитием общества и наряду со словообразованием и заимствованием удовлетворяет его потребность в новых словах.

Основные слои лексики табасаранского языка

Исконная лексика

Основной лексический фонд табасаранского языка образуют исконно табасаранские слова, значительная часть которых генетически восходит к общедагестанской или общелезгинской лексике. Это демонстрируется достаточно большим количеством словарных сопоставлений, относящихся прежде всего к общелезгинскому хронологическому уровню:

КОЗЕЛ: таб. *къун*, лезг. *къун*, агул. *къун*, рут. *къын*, цах. *къына*, арч. *къон*.

КУНИЦА: таб. *цүрцүл*, лезг. *цүцүл*, агул. *цүцүл*, арч. *цүцүл*, цах. *сюлецма*, рут. *сырыцал*.

ОЛЕНЬ: таб. *мирш*, лезг. *мира*, агул. *мурх*, крыз. *миреъ*, рут. *михъ*, удин. *мухъ*.

КОРОВА: таб. *хюни*, агул. *хуни*, арч. *хойн*, крыз. *хъяни* 'бык, вол', буд. *хлан* 'бык, вол'.

ОРЕЛ: лезг. *лекъ*, таб. *люкъ*, агул. *ларь*, рут. *ликъ*, арч. *ликъ*.

ЛЯГУШКА: таб. *гъюб*, лезг. *къиб*, агул. *къарка-гъуб*, рут. *гъыбъ*,

крыз. *къуб*.

КУРОПАТКА: лезг. *къаед*, таб. *гъюд*, агул. (тпиг.) *гъуд*, рут.

гъулд, цах. *къюн*, арч. *хъюн*.

РОГ: лезг. *карч*, таб. *қарч*, агул. *қарч*, рут. *кач*, цах. *гач*, крыз. *кавь*, *карч* (алык.), буд. *карч*.

ЛОПАТКА: таб. *күкүл* 'передняя нога животного', лезг. *күл* 'лопатка', рут. *күкл* 'передняя нога животного', рут. *зыл* то же, цах. *зылы* то же, арч. *кылъол* 'лопата', крыз. *кыл* 'рука', буд. *кыл* 'рука', буд. *күлт* 'бедро', *ляжка*.

ПЛЕЧО: таб. *гъүн*, лезг. *къуын*, агул. *гүн*, рут. *гъүн*, арч. *хъуын*, крыз. *хуунын*.

КУЛАК: таб. *гъурд*, лезг. *гъуд*, агул. *курд*, рут. *худ*, цах. *худ*, крыз. *хид*.

ЖИВОТ: таб. *фун*, лезг. *руфун*, агул. *фун*, рут. *ухуун*, цах. *ухуун*, крыз. *фавн*.

ЗЕМЛЯ: таб. *жил*, лезг. *чиш*, агул. *жил*, рут. *джил*, цах. *джил*.

ПАСТЬБИЩЕ, ЛУГ, ВЫГОН: таб. *чүр*, лезг. *чүр*, агул. *чип*, рут. *чип* 'земля', цах. *чийе*, крыз. *чөйрө* 'пещера'.

ВЕРШИНА: таб. *кляк* (кончик), лезг. *клюд*, агул. *клякъе*, *клюд* (бурс.), рут. *клав*, *кляк* (шин.), буд. *кляк* 'кончик'.

СЕГОДНЯ: таб. *гъы*, лезг. *къе*, рут. *гъы-гъы*, цах. *гъы-на*, цах. *къы-на*, крыз. *къе*, буд. *къе*, удин. *гъе*, арч. *гъы* 'днем'.

ЗИМА: таб. *күйрд*, лезг. *кьюйд*, агул. *күйрд*, *ъард* (бурс.), рут. *кыйд*, цах. *кыйд*, арч. *къойтмахъ* (*къойт* 'зимой'), крыз. *кьюйд*, буд. *къаджэрдок*.

ВЕСНА: таб. *хъад*, лезг. *гад* 'пето', агул. *хъид*, *хъхид* (хлюп.), рут. *хъад*, цах. *шухъхъан*, арч. *льяннахъ*, буд. *хъаджэрдэж* 'весна и лето'.

ВЧЕРА: таб. *накъ*, лезг. *накъ*, агул. *накъе*, рут. *накъя*, крыз. *накъя*, буд. *накъя*, удин. *на/мне*.

БАШНЯ: таб. *чіурд*, агул. *чүд*, рут. *чүд*, арч. *чүт*.

МАСЛО: таб. *чим*, лезг. *члем*, агул. *ччам*, рут. *чам*, крыз. *чэм*, удин. *чавын*.

ТОЛОКОНО: таб. *су*, лезг. *сав*, агул. *мусу*, рут. *су*, цах. *су*, крыз. *сув*.

ГРЕБЕНЬ, РАСЧЕСКА: таб. *рағъ*, лезг. *рэғъ*, агул. *роғ*, рут. *рағъ*, цах. *алазъа*, арч. *дағъхъ*, крыз. *рэғъ*, удин. *оҳ < *роҳ*.

ЛОЖКА: таб. *муччевр*, лезг. *тlyр*, агул. *ттур*, рут. *дур*, крыз. *тыр*, будух. *тур*.

ЗВЕЗДА: таб. *хай*, лезг. *гъед*, агул. *хад*, *хед* (фит.), рут. *xfadeи*, цах. *хлане*, арч. *хлош-хъан*, крыз. *х'айчъ*, буд. *х'айчъ*.

ГОРСТЬ, ПРИГОРСТЬ: таб. *миз*, лезг. *мекв*, агул. *цах*, *мехъ*, рут. *мыхъ*, крыз. *мэн*, буд. *мек*, удин. *махъ*.

ПЕРЕД, ВПЕРЕДИ: лезг. *випик*, таб. *улихъ*, агул. *удигъ*, рут. *улихъта* 'передняя сторона', крыз. *гъуруък*, буд. *гъура*, арч. *гъарак*.

ПЛЕСЕНЬ: таб. *мирша*, агул. *мурс*, удин. *мурс*, будух. *мырс*.

БЕЛЫЙ: таб. *лизи*, лезг. *лаццу*, крыз. *ләзи*, будух. *ләзу*, арчин. *лацут* 'железо'.

СЛЕПОЙ: таб. *бүркүй* (*бүркъ* 'глазной гной'), лезг. *бүркү*, рут. *бүркъы*, цах. *бүркъын*.

МЯГКИЙ: лезг. *хъультыпъ*, таб. *гъюдли*, агул. *гадулф*, рут. *гъылдыпъ*, цах. *къылымнан*, арч. *хъайнан*, крыз. *къальдип*.

ЧЕРНЫЙ: таб. *кәару*, агул. *кәреф*, цах. *кәрви*.

СВЯЗЫВАТЬ, ЗАВЯЗЫВАТЬ: таб. *йттиуз*, лезг. *кутунис*, агул. *йтлас*, рут. *сibtлас*, цах. *йттиланас*, крыз. *йубтуплидж*, буд. *волтмыс*, арч. *ебтимус*.

ТЯНУТЬ: таб. *гизуз*, лезг. *чугваз*, агул. *дивас*, цах. *хъадивас*, арч. *пүммус*, крыз. *йигнидж*, будух. *йуну*.

БОЛТАТЬ, КАЧАТЬ: таб. *дакъуз*, агул. *дакъас*, рут. *ва-къалъяс* 'дрожать', буд. *сельни*, *сельнуджи* 'сбивать (масло)'.

ГНИТЬ: таб. *уттиуз*, лезг. *киттис*, *китана*, агул. (бурс.) *утлас*, буд. *хабтлас* 'преть' и др.

Лексическая близость табасаранского языка к другим лезгинским может быть продемонстрирована таблицей, составленной на материале известного стословного списка М. Севадеша:

	таб.	агул.	рут.	цах.	арч.	кр.	буд.	уд.	хин.	ав.	лак.
Л	50	53	46	38	38	47	40	33	22	27	25
Т		69	43	41	40	47	45	38	28	32	30
А			47	45	44	47	42	40	28	31	35
Р				50	38	41	42	36	24	28	29
Ц					34	38	36	33	24	26	28
Ар						36	37	34	24	31	31
К							63	32	25	28	28
Б								32	28	27	27
У									28	32	24
Х										27	24
Ав										-	30

Заемствованная лексика

Довольно значительный пласт в табасаранском языке составляют иноязычные заимствования, что объясняется тесными контактами табасаранцев с другими народами и языками на протяжении всей своей истории.

Иранизмы

Наиболее древними в табасаранском являются заимствования из персидского языка. По мнению исследователей, общее их число не превышает 350 единиц. В основном они относятся к таким сферам лексики, как военная, ремесленническая и бытовая терминология:

абугердан 'металлический половник'; бейбут 'финка, специальный большой кинжал'; кепкир 'шумовка'; кирбит 'спичка'; дэвэр 'секач'; леген 'таз'; ленгери 'широкая чаша, похожая на поднос'; пияла 'тиала, чашка'; ранда 'фуганок, рубанок'; тавара 'переметный мешочек'; хаканаз 'совок для сортирования, сора'; чайдан 'чайник'; чирагъ 'лампа, светильник'; дасмал 'полотенце'; зарбат 'вид ткани'; кисе 'кошелек', чафра 'покрывало, полотно'; читур 'шатель'; шарвар 'брюки', базар 'рынок'; дэззег 'верстак'; кюче 'улица'; ленглер 'окно'; тавхана 'гостиная'; шавър 'город'; шошибенд 'застиженная терраса'; айбаси 'монета в двадцать копеек'; шиши 'пятак', дарман 'лекарство'; кабаб 'шашлык'; чара 'средство'; лоле 'ствол пушки, ружьё'; ранг 'краситель, краска'; сенгер 'баррикада, укрепление, вал'; синабенд 'нагрудник, пошади'; тахт 'престол, кровать'; терезар 'весы'; уззунг 'стремя'.

2. Прилагательные: азад 'свободный'; абад 'благоустроенный, рогатый'; ашакара 'открытый'; асант 'легкий, доступный, удобный'; азгар 'ясный'; бейкар 'безработный'; баъзга 'дорогой'; бейчара 'безвыходный'; бедрязъ 'разнуданный, непослушный'; бейхабар 'неожиданный'; бейгъял 'в бессильном, слабом состоянии'; бешбеттер 'худший'; бизар (хъуб) 'уставать'; гумрагъ 'бодрый, жизнерадостный'; зирек 'проводный, ловкий', къозъе 'ветхий, старый'; назуз 'хрупкий, нежный'; нахуш 'нездоровый, болезненный'; надинж 'озорной'; нарази 'недовольный'; начаъз 'больной'; нягъякъ 'впустую, напрасно'; пашман 'трустный,

унылый'; пияда 'пешком'; перишан 'скучный, унылый'; сархуш 'восторженный, опьяненный'; ширин 'сладкий, приятный' и др.

В табасаранский язык из персидского языка вошли также некоторые собственные имена: Зульраб, Наэруз, Голизар, Теериз, Мэльрихан, Пари, Пир, Назир, Нияз, Панавъ, Наз, Нуржагъян, Перизада и др.

Арабизмы

Тематически арабизмы, начало проникновения которых в лексику табасаранского языка относится к в., разнообразны, подразделяясь на следующие лексико-семантические группы:

1. Религиозные термины: аллах 'бог'; амин 'аминь'; альраш 'ангел смерти'; берекет 'благословение'; васит 'завещание, вяз 'проповедь'; гуннаш 'трех'; язък 'паломничество'; языжи 'паломник'; язялап 'дозволенное'; язърам 'недозволенное'; язякал 'амулет'; гъурбан 'праздник жертвоприношения'; дин 'религия'; дюз 'молитва'; езид 'предатель веры (вероотступник)'; жин 'злой дух'; жэннет 'рай'; жэгъяннен 'ад'; закат 'натуралистическая духовная повинность с урожая'; зикр 'продолжительный религиозный хор'; зиярат 'почитание'; имам 'имам, высший духовный сан'; икрам 'поклон'; ислам 'ислам, магометанская вера'; иман 'верность вере'; къуръан 'коран', къисмат 'доля, участь'; къази 'кадий, карди (судящий по шариату)'; мавлид 'особое коллективное молебствование'; мюрид 'мюрид, последователь мусульманской религии'; малаик 'ангел'; малил 'мулла'; мұымин 'ведущий, богоугодный, умеренный образ жизни'; мұсурман 'мусульманин'; ряъмат 'милосердие'; рамазан 'месяц поста'; ряъгым 'пощада'; рюз 'душа'; сиради 'путь в рай'; сухта 'ученик, приверженец' сужда 'длительный намаз'; садакъа 'приношение'; сабаб 'божье вознаграждение'; сююз 'колдовство, волшебство'; суннат 'образование (обряд)'; тяляш 'ученик духовной школы'; тяслигъ 'четки'; шариат 'шириат, свод мусульманских законов'; шукор 'благодарность, слава (употребляется только по отношению к Богу)'; шайтанд 'шайтан, черт'; эмин 'надежный, верный' и др.

2. Слова, выражающие абстрактные понятия (как правило, из области науки, культуры и искусства): асуу ' происхождение', алиф 'название букв'; айдат 'обычай'; айлаа 'приложение, дополнение'; айламат 'чудо'; айхир 'конец'; айнтишъа 'изящный, красивый'; аъмал 'хитрость'; гъядиса 'происшествие, история',

ысыаб 'математика, арифметика'; аъярф 'буква'; гъава 'воздух'; азламт 'ошибка'; дяви 'война'; дарс 'урок'; дафтар 'китаб'; далил 'доказательство'; жигъат 'аспект'; жинс 'вид, сорт, род'; шара 'знак, намек'; илм 'наука'; имтишьян 'экзамен'; ихтияр 'право, воля'; къайд 'примечание, замечание'; кереме 'диво' кеф 'удовольствие'; къайда 'правило, положение'; лишан 'признак'; машъулат 'развлечение, занятие'; мукъам 'мотив, напев'; миялумат 'объявление'; меңтеб 'школа'; месэла 'вопрос, проблема, арифметическая задача'; мисал 'пример, иллюстрация'; меш'вера 'взаимоотношение, контакт'; мединяят 'просвещение'; нуксан 'недостаток, дефект'; нақиши 'узор'; нур 'луч'; разгъят 'отдых, покой'; субут 'доказательство'; салам 'привет'; сейир 'ходьба, прогулка'; сугъабат 'беседа'; сиясат 'политика'; себеб 'причина'; тарих 'история, дата, цифра'; тарихи 'перевод'; тамам 'конец'; теккар 'повторение'; тэмбигье 'образ, аналогия, подобие'; тербия 'воспитание'; тафауут 'разница'; устап 'доказательство, подтверждение, вынужденное признание'; умарат 'ценное сооружение, красивое изделие'; файда 'польза, эффект'; хатир 'уважение'; хатла 'несчастный случай'; фаркы 'разница'; хатм 'почерк' шарт 'условие'; зәбәт 'этика'; зәбигил 'литература' и др.

3. Общественно-политическая терминология: амур 'повеление, приказ'; ахлак 'поведение' аъзывал 'материальное положение, экономическое состояние'; бязъя 'соревнование'; ватан 'родина'; вазифа 'обязанность, дело'; гъюрмат 'свобода'; гъюкумат 'правительство, власть'; гъюрмат 'уважение'; гъюкум 'нападение'; гъюкум 'приказание, повеление'; сяягыт 'ремесло'; язъык 'оплата, стоимость'; мессеб 'происхождение, род'; язъыкъат 'реальная действительность'; гъясил 'доход'; гъял 'состояние'; гъяк-гъисаб 'расчет, итоги'; гъяк 'оплата, плата за труд'; гъяжат 'нужда'; гъалиб 'победа'; деевлем 'благотворение, дежрека 'степень'; жаза 'на казание'; зилләт 'бедность, нищета'; зулумат 'угнетение, гнет'; зарар 'ущерб, вред, убыток'; залум 'тиран, деспот'; замин 'порука'; зулум 'гнет, насилие, жестокость'; ислягъат 'мир'; изгътияж 'нужда, экономическая необеспеченность'; инкар 'отрицание, возражение'; ихтибар 'доверие'; истисмар 'эксплуатация'; ихтият 'бдительность'; инкылаб 'революция'; инсаныят 'человечество'; инсаф 'пожалеть'; изгътияж 'нужда, необеспеченность'; идара 'учреждение, орган управления'; къадар 'судьба, участь'; къанын 'закон'; мулк 'имение'; мияшат 'средство, источник существования' маниз 'возра-

жение, препятствие'; мянфяльт 'польза'; милләт 'национальность'; низам 'установленный порядок, цена'; рухсат 'разрешение'; тилаб 'требование'; хайр 'польза'; аърза 'заявление, жалоба'; жараб 'ответ'; шихтат 'разговор, беседа, рассказ'; калам 'речь'; келима 'реплика, высказывание'; къиса 'рассказ'; мисал 'притча'; маъзала 'статья, заметка'; месела 'например, к примеру'; сүал 'вопрос'; хабар 'известие, весть, рассказ'; шикяйт 'жалоба'; шишир 'стихотворение, поэзия' и др.

4. Слова, выражающие физическое и душевное состояние, морально-этические понятия: аъыш 'желание, охота, любовь'; аъзаб 'страдание, мука'; айый 'порок, недостаток'; аъдалат 'справедливость'; аъзигъя 'тягота'; аъзар 'болезнь, недуг'; баҳил 'скупой'; бала 'беда'; аъис 'чувство, ощущение'; гъяя 'стыд'; тахсир 'вина'; аъябут 'тынчество, великоделие'; аъялак 'торопливый'; аъяракат 'торопливость, спешка'; аъялал 'честный, законный'; гъярам 'запрещенный, противозаконный'; гъараз 'зависит'; гъазаб 'состояние мучения, беспокойства' гъам 'горесть'; гъялаб 'тревожное состояние'; жор'эт 'смелость, зиямъум 'ум, талант, дар'; зяиғ 'слабость'; шиштаг 'желание, аппетит'; кефият 'настроение, тонус, душевное и физическое состояние'; кин 'сомнение, нерешительность'; къаст 'намерение, цель'; къара 'терпение, спокойствие'; майдит 'труп'; мюшьюбат 'любовь'; мушакъат 'жажды'; мурад-милләт 'желание, цель'; миягрум 'лишенный, обездоленный'; низзет 'наслаждение'; нефс ' страсть'; нефес 'дыхание'; ниямат 'проклятие'; ният 'намерение'; насиғат 'наставление, совет'; саламат 'уравновешенный, спокойный'; сабур 'терпение, выдержка'; сафра 'разлитие 'желчи'; суза 'стон'; тиямъя 'желание'; табдил 'лишне дара речи, онемение'; тиқсир 'воздействие'; тилакъат 'возможность, энергия'; умуд 'спокойный, уравновешенный'; фикир 'мысль'; футна 'клевета'; хажалат 'печаль, горе'; хасият 'характер, привыка, нрав' и др.

5. Слова, обозначающие признаки предметов и действий (прилагательные и наречия): аъзиз 'дорогой'; аъжуз 'слабый'; аъжайыб 'удивительный, странный, интересный'; гъариба 'недобрый, плохой'; гъарыб 'худой, обездоленный'; гъазур 'готовый'; гъайри 'другой, кроме'; даим 'постоянно'; ислягъ 'мирный'; къастлан 'умышленно, с целью'; лайик 'достойный'; лазын 'нужный'; мажхуб 'обязательный'; мумкин 'возможный'; миялум 'известный'; мюткоғыз 'находящийся в подчинении, в повиновении'; машъур 'прославленный, популярный'; мюгъкам

'прочный, крепкий'; музъят 'осторожный, предусмотрительно'; мазыр 'искусный'; машыул 'занятый'; мюльтал 'удивленный'; мудым 'всегда, постоянно'; мублаг 'благодатный, обильный'; рягыт 'легкий'; тялук 'относящийся'; тамак 'исполнить, закончить'; тарабур 'гордый, горделивый'; тахминан 'приблизительно, примерно'; табиз 'подчиненный'; фаракат 'спокойный, неподвижный'; хусуси 'личный'; хас 'собственный, свойственный'; халис 'настоящий, схожий' и др.

6. Слова-названия, людей: адми 'мужчина'; авам 'темный, отсталый'; ашук 'ашук, бродячий певец'; азлы 'пожилой, взрослый'; аманат 'заплонщик'; айлим 'ученый'; айлан 'множество народа'; вакил 'представитель'; варис 'наследник'; велед 'потомок'; вяльши 'дикий'; яйким 'высокое должностное лицо'; ягурада 'пришелец; изгнаник'; гъяриб 'худой'; дисир 'пленик'; жылып 'молодой человек'; жаллати 'папач'; жарязъ 'лекарь'; жугъуд 'еврей'; жямаят 'сельская община'; залум 'злодей'; ими 'дядя по отцовской линии'; инсан 'человек'; милгум 'проклятый'; мираз 'кородич'; милим 'учитель'; ряят 'крепостной'; сашл 'нуждающийся, попрошайка, проситель'; сагыб 'хозяин'; фазыр 'бедняга'; фасико 'богохуп'; фуғара 'бедняга'; фялья 'рабочий'; харат 'столляр'; хала 'тетя'; халу 'дядя'; хальк 'народ'; хаин 'предатель, изменник'; шерик 'соучастник'; шашый 'свидетель'; ших 'святой'; шашир 'поэт'; эмэ 'тетя по отцовской линии'; зелед 'деть, потомство' и др.

7. Служебные слова и речевые формулы: ва 'и'; амма 'но, однако'; ялтта 'да же, вплоть до'; билгав 'ей богу'; валлазъ 'ей богу, клянусь богом'; баркаллагы 'молодец, слава'; бисмиллагы рягымани рягым 'формула, с которой верующие (мусульмане) приступают к еде или к какому-нибудь действию'; альзымдурллагы 'формула, которую произносят, когда начинают есть, работать и т. п.'; салам альейкум 'здравствуйте, привет'; альейкум салам 'здравствуйте (ответное приветствие)'; иншаллагы 'если угодно будет аллаху' и др.

Из арабского языка заимствовано также подавляющее большинство собственных мужских и женских имен: Айбуллах, Рамазан, Селим, Имам, Сайд, Гъябид, Сейфуллах, Сейфуддин, Рягым, Умар: Аыли, Айлимурад, Зейфуллах, Зейнудин, Мъумин, Ражаб, Гъяжи, Гъяжирмазан, Мажид, Мюгюммед, Селимат, Гъябит, Фатимат, Муимнат, Гъава, Гъалимат,

Сакинат, Аминат, Рягымат, Фазилат, Мислимат, Мафружат, Зарият, Халисат и др.

Тюркизмы

Тюркизмы проникли в табасаранский язык преимущественно через азербайджанский язык (видимо, этот путь проделана и часть фаризмов и арабизмов), который оказал на него наиболее сильное влияние.

Тюркизмы относятся ко всем сферам повседневной жизни табасаранцев, включая среди прочих и следующие лексико-тематические группы:

1. Названия домашней утвари, посуды, одежды и т. п.: бушъяр 'чайное блюдце'; гюзюло 'зеркало'; гъяль 'посуда'; гъазан 'котел'; гъялагы 'крышка'; лемче 'тарелка'; сюзэг 'цедило'; язычи 'сковородка с ручкой'; башмакъ 'башмаки'; бушух 'башлык'; бухча 'одежда умершего'; дулакъ 'толенище'; келегъя 'шелковый тонкий головной платок'; санжак 'булавка'; чалма 'чалма'; элхез 'перчатка'; ягълыж 'носовой платок'.

2. Обозначения строений и их частей: арх 'канава, арык'; алачы 'палатка'; бурж 'свод, башня'; булагъ 'родник'; гъялу 'ворота'; гъазма 'лачуга, землянка'; гъуйд 'колодец'; тикиши 'стройка'; тахча 'ниша, широкая полка в стене'; теве 'коношня, кормушка для лошадей'; ужауз 'дом, хоромы'; юрд 'орт, дом'.

3. Названия растений и плодов: алича 'альчы'; гол 'цветок'; гъавах 'тополь'; иставут 'перец'; тютюм 'табак'; сарубугъыда 'сорт пшеницы'; чалтук 'неочищенный рис'; чинар 'чинара'; яшсан 'попынь'.

4. Наименования продуктов питания и напитков: айран 'айран, пахтанье'; бастурма 'специально изготовленное мясо для шашлыка'; буллама 'лаваш из кислого теста'; бубаш 'жаркое'; булама 'молозиво'; дулма 'トルубцы'; дөвгө 'суп на кислом молоке с рисом и зеленью'; жигъиртма 'вид жаркого'; дулдурма 'колбаса'; дишлама 'чай в прикуску'; очи 'алкогольные напитки'; кыаурама 'сорт жаркого'; кырасу 'родниковая вода'; мурту 'яйцо'; сюзиме 'процеженное кислое молоко'; ягуль 'жир'; ярма 'крупа'.

5. Названия животных, птиц и т. п.: аслан 'лев'; алабаш 'кличка собаки'; балугъ 'рыба'; бугъа 'бугай'; яорзэ 'род ядовитых змей';

ъашкъа 'белое пятно (отметина) на лбу животного'; гъудуз 'осленок'; гъуш 'птица'; гъаз 'гусь'; гъундуз 'бобер'; дайча 'жеребенок'; дурна 'журавль'; илхи 'табун (лошадей)'; келче 'молодой буйвол'; урьед 'утка'; чалагъан 'крупная птица из семейства орлиных'; юргъа 'иноходец'.

6. Термины родства: арха 'родственники'; бажанах 'свои'; гепин 'невеста'; гъари 'старуха, жена'; гъужа 'старик, муж'; гъунши 'сосед'; енге 'сестра жениха в период свадьбы'; сеевлююм 'взлюбленный'.

7. Глагольные основы, характеризующиеся аффиксом -миш: азмиш 'давить, нажать'; алдатмиш 'перехитрить'; артимиш 'увеличить, размножиться'; аслиш 'подавить, вешать'; айрутмиш 'разлучаться'; ахмиш 'течь, литься'; ахтармиш 'исследовать, проверить'; басмиш 'давить, напирать'; багышиламиш 'прощать, извинять'; бажармиш 'справить, суметь'; батмиш 'употиться, пропадать'; башламиш 'начинать, приступать'; бэзетмиш 'наряжаться, укращаться'; бузыламиш 'тушить, парить'; буюрмиш 'поручать, предлагать'; вәрдиш 'привыкать'; гюзетмиш 'ожидать'; гюллемиш 'расстреливать'; гюрюшиш 'знакомиться, встретиться'; гъаурумиш 'тушить (мясо)'; гъазанишиш 'зарабатывать'; гъунағыламиш 'угощать'; гъурмиш ' заводить, устроить'; гъаришиш 'смешать'; гъаралмиш 'сделаться мрачным'; гъирмиш 'унижаться, гибнуть'; гъазанишиш 'завоевать, приобретать, накоплять'; гъбарлам 'мозолить; покрыться волдырями'; гъаптамиш 'терпеть, переносить, переживать'; дигимиш 'созревать'; дуланишиш 'живь'; зурамишиш 'насиливать'; ишлемишиш 'использовать'; къаршуламиш 'встречать'; къужахламиш 'обнимать'; къултаришиш 'избавлять'; саймишиш 'обращать внимание'; суратламишиш 'отображать'; тепелмишиш 'нападать, набрасываться'; тюколмишиш 'валить, стекаться, идти массой'; ультмишиш 'идти, направляться'; ухшармиш 'походить, становиться, направляться'; ульчимишиш 'измерять'; утанишиш 'стыдиться, смущаться'; улькемишиш 'треззить'; чалишишиш 'стремиться, стараться'; эзелишиш 'жениться'; ягъалмишиш 'ошибаться'; яратмишиш 'создавать'.

Из азербайджанского языка заимствованы и некоторые собственные имена: Баба, Байрам, Баъзъ, Къипич, Демир, Бейбала, Темирхан, Дашибемир, Суна, Сунахалум, Бажи, Назлуханум, Гюлназ, Ана, Анахалум и др.

Русизмы

Первые заимствования из русского языка или через русский язык относятся еще к эпохе кавказской войны и представляют собой бытовые слова, адаптированные к особенностям фонетики табасаранского языка: пич 'печка', урус 'русский', паласа 'полоса', самавар 'самовар', пеңжек 'пиджак', пальту 'пальто', калуш 'калоша', картуф 'картошка', ружа 'ружье', салдат 'солдат', турба 'труба', чайник 'чайник', дұхтири 'врач', булушка 'бульзак', матишка 'русская (матушка)', ѿяфат 'конфета', уты 'утюг', бакка 'шапка' и др.

После установления советской власти и особенно создания письменности табасаранский язык захлестнул поток русизмов и интернациональной лексики, охвативший все сферы общественно-политической жизни табасаранцев. Этот процесс, хотя в несколько ослабленной форме, продолжается и по сей день. В отличие от старых заимствований новые заимствования принято писать так, как они пишутся в русском языке: завод, союз, колхоз, социализм, коммунизм, секретарь, большевик, партия, район, конституция, трактор, бригада, физика, география, фонетика и др.

В свое время многие арабские термины были заменены, хотя и не всегда оправданно, русскими: предложение вместо журнала, школа вместо мектеб, азбука вместо алифба, учитель вместо миям, закон вместо къанун, рабочий вместо фәғыла, революция вместо инкылаб, суд вместо диванхана, литература вместо эбдият и др.

В целом заимствование через русский язык интернациональной общественно-политической и научно-технической терминологии обогатило табасаранский литературный язык и обеспечило осуществление на нём перевода с русского языка не только художественной, но и современной научно-популярной литературы (по языковедению, литературоисследованию, истории, обществоведению, географии, естествознанию и др.). Отметим здесь русизмы, принадлежащие следующим лексико-тематическим группам:

1. Названия профессий, рода занятий и т.п.: автор, агент, агентатор, адвокат, академик, актер, альпинист, артист, археолог, аспирант, ассистент, атеист, бугъалтир, врач,

герой, гимнаст, диктатор, декан, делегат, десятник, диверсант, диктатор, диктор, директор, драматург, дружинник, жандарм, завхоз, инвалид, инспектор, историк, интервениент, кандидат, кассир, кладовщик, комиссар, командир, коммунист, контролер, космонавт, консультант, лаборант, методист, партизан, пионер, почтальон, присидатил, пиркуур, революционер, ректор, санитар, студент, турист, учитель, физик, член, шахтур, шуфир, ишиун, экономист, эксперт, электрик и др.

2. Общественно-политическая лексика: армия, аристократия, артель, ассамблея, буржуазия, демонстрация, заседание, интеллигенция, коллегия, конгресс, конференция, коллегия, митинг, общество, отряд, орган, олимпиада, парад, парламент, партия, пленум, профсоюз, правительство, президент, семинар, сессия, совет, совхоз, сплет, собрание, совещание, союз, съезд, автономия, агитация, администрация, анархизм, восстание, государство, декларация, диктатура, запас, идея империализма, интерес, капитализм, класс, колония, конституция, контрреволюция, марксизм, милитаризм, миллионер, мобилизация, налог, организация, планирование, принцип, политика, поплизэкономия, производство, пропаганда, расход, реакция, революция, резерв, рекорд, ресурс, социализм, социал-демократия, товар, террор, федерация, фракция, шовинизм, юридический, экономика, эксплуатация и другие.

3. Научно-техническая терминология: автомобиль, борт, бульдозер, вагон, велосипед, вентилятор, винт, вертолет, дизель, депо, комбайн, купе, магнитофон, маятник, метр, машин, микроскоп, молотышка, мотор, мотороллер, мотоцикл, муфта, паровоз, пароход, планер, платформа, поезд, приемник, прожектор, пулепет, радио, ракет, рельс, репродуктор, руль, самолет, самосвал, семафор, спутник, стабилизатор, станция, стрелка, такси, телевизор, телескоп, теплоход, трамвай, трактор, троллейбус, циферблatt, электровоз, экспресс, электричка, абзац, алгебра, архитектура, анатомия, апостроф, арифметика, астрономия, ботаника, библиотека, биология, выставка, вариант, география, геометрия, грамматика, глобус, деевричастие, декада, дополнение, директива, диалектика, диссертация, естествознание, запад, история, институт, культура, лексика, лекция,

математика, материализм, материя, методика, мода, морфология, неологизм, наречие, образ, орфография, определение, омоним, обращение, педагогика, причастие, подлежащее, предлог, поэзия, проблема, произведение, пропагандистское, процент, реферат, рифма, роман, резонанс, север, сказуемое, синоним, сочинение, синтаксис, словарь, союз, университет, упражнение, физиология, физкультура, фотография, филолог, числительное, частица, цифра, школа, экран, этнография, юг, юстиция, языкоизнание и другие.

4. Бытовая лексика: вьядия, булочка, банттик, босоножка, бафайка, галифе, галстук, жилет, запонкийр, диван, калушар, каспум, комбизон, кофта, карават, куртка, капрон, кепка, лавсан, лент, маѣк, маска, нейлон, палту, пенюк, погон, приколка, румка, сандали, свитер, термос, туфли, фартук, ути, ходильщик, халат, шарф, шиблитлар, шинил, шляпа, юпка; бишшитекс, борщ, варени, вафли, вөрмишель, горчица, уляш, гъяфат, гъялаев, джем, жаркой, икра, компот, консерв, конъяк, кофта, кофе, лимонад, макарон, маҳорка, мармарат, манпаси, печени, прянник, пиве, папрус, рагу, ром, сигарет, селедка, соус, татамат, фарш, хархо, чай, шоколад, автомастанция, аптека, ателье, больница, буфет, вокзал, гарраж, дача, касса, кафе, лифт, магазин, мастерская, метро, парк, подвал, почт, ресторан, туалет, участок, чардах, картуф, килька, кизза, лимон, мандарин, петрушка, памадур, редиска, чай, шпинат, домино, конъяк, лъжийр, футбол, шахматтар, баян, нотидир, скрипка и мн. др.

ПОЛИСЕМИЯ

Как и в любом другом языке, в табасаранском широко представлена полисемия, т.е. наличие у слова нескольких значений. В ряде случаев одно из значений отрывается от остальных и на месте одного слова появляется два или более омонимов. Адекватная квалификация некоторых пограничных случаев оказывается весьма затруднительной. Ср.: ваз 'пұна' — ваз 'месяц'; аич 'яблоко' — аич 'черви' (в картах); гаргар 'колокольчик' — гаргар 'железная пуговица'; түм 'семья, семена' — түм 'закваска'; хар 'фасоль, горох' — хар 'град'; удар 'зернышко'

— удар 'маленькая часть (чего-нибудь)'; ушев 'рот' — ушев 'пост'; шувум 'соломинка' — шувум 'поле после уборки урожая' и т.п.

ОМОНИМИЯ

Омонимы не являются редким явлением в табасаранском языке, ср.: хяв 'воротник' — хяв 'вымя'; гуг 'затылок' — гуг 'узелок в ковре'; гад 'порода овец' — гад 'молотьба'; шил 'стог' — шил 'след'; урсуб 'прыгнуть' — урсуб 'опускать, забивать'; шеву 'растение типа черемши' — шеву 'часть, половина'.

СИНОНИМИЯ

Синонимы также не чужды табасаранскому языку, обнаруживая в различных частях речи синонимические ряды, насчитывающие до шести членов, ср.:

клубан 'смелый' — зирек 'бойкий, энергичный, смелый' — дирбаш 'смелый, храбрый' — гъучагъ 'удалой, храбрый, смелый' — игит 'храбрый';

ляхин 'работа' — кар 'дело' — кесли 'профессия, ремесло' — гъулугъ 'служба, работа' — лише 'ремесло, специальность'; аъзарлу 'больной' — кетмерцинайир 'нездоровий, болезненный' — узурлу 'больной', страдающий болезнью, нездоровий' — сагъсуз 'больной, болезненный, нездоровий';

уткан 'красивый' — уччуур 'красивый, привлекательный' — услагы 'прелестный, красивый' — акчегэ 'красивый' — гюзел 'красивый, прелестный изящный' — тларам 'красивый, стройный' и др.

АНТОНИМИЯ

Антонимы, т.е. слова, выражающие противоположные понятия, представлены в табасаранском языке, достаточно хорошо, охватывая практически все части речи, ср. существительные: дуст 'друг' — душман 'враг'; хъяд 'лето' — къорд 'зима'; прилагательные: гъазы 'тяжелый' — пыу 'легкий'; ужуэ

'дешевый' — багъа 'дорогой'; гъулай 'удобный' — гъулайсуз 'неудобный'; наречия: ухди 'рано' — къанди 'поздно'; глаголы: бихъуб 'находить' — дубауб 'терять'; дусуб 'садиться' — гъудужкууб 'вставать'; учвууб 'входить' — удучууб 'выходить' и др.

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

Ты не можешь
все это забыть.
Мы с тобой
живем в мире
твоих воспоминаний,
ты же — в мире
моих.

МАЛЛА НАСПРЕДДИННА ХИР

Ургур йигъна йишв гъабхьний Насреддиннин чан хлирин чиб-чипкир гафар дараپиди. Маллай чан юлдшариз кур, йишвну чан хулаъ тафларси учівай дунпү.

Гъацыйишвар. Унчіварик күчри, дураар арцци сесер шул, хлир нивк'ян уянмиш шул, хъа Насреддинди, ахну аза кури, хъухар апlyр. Тафлар гъяркью хлири сарун чара адрури, жилирик күчур, хъа дихар апlyр, амма малла ришвурдайи. Гъамци хлири Насреддиндиз дихар апlyри шул, хъа маллара гафра дараپиди лампа кабхьну, хулаъ айи чан дустариз кур:

— Чухсағыл, дустар, хлири пъамус узу ағъламиш апlyр!

МОЛЛА НАСПРЕДДИН И ЖЕНА

Уже семь дней, как Молла Насреддин поссорился с женой и перестал разговаривать с ней, а перемирия так и не наступало. Насреддин решил найти выход: уговорил друзей залезть к нему ночью в дом в качестве воров.

В полночь скрип открываемых окон разбудил жену Насреддина, а он, притворяясь спящим, хрюкал. Жена его испугалась и толкнула в бок мужа. Тот продолжал хрюкать. Тогда жена начала звать его и кричать, что в доме воры. Наконец, Насреддин встал, зажег лампу и сказал ворам:

— Спасибо, друзья, вы меня выручили. Теперь моя жена признает своего мужа!

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев И.Х. Словообразование табасаранских названий аупов // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. – С. 33-41.
- Абдулсалимов А., Колесник Н.Г. Табасаранский язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн.1. М.: Academia, 2000. – С. 418-431.
- Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. – 158 с.
- Алексеев М.Е., Загиров В.М. Особенности употребления субъектно-объектного генитива в табасаранском языке // Глагол и глагольные словосочетания в дагестанских языках. Вузовский сборник научных трудов / ДГПИ. Махачкала, 1991. – С. 60-67.
- Алексеев М. Е., Загиров В. М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992. – 96 с.
- Алимова Б. М. Табасаранцы (XIX – начала XXв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. – 262 с.
- Барамидзе Ц. Фарингальные согласные в табасаранском языке // Изв. АН Грузии, Сер. яз. и лит. 1-4. Тбилиси, 2000. – С. 269-273.
- Барамидзе Ц. Комплексы согласных в табасаранском языке // Вопросы языкоznания. Тбилиси. 2000, № 4. – С. 22-28 (груз.).
- Барамидзе Ц. Гармония гласных в табасаранском языке // Лингвистические изыскания. Тбилиси, 2001. – С. 47-52 (груз. рез. англ.).
- Барамидзе Ц. Фонематическая структура и вопросы морфонологии табасаранского языка: Автореф. дис... докт. филол. наук. Тбилиси, 2002. 82 с. (1-42, груз.; 43-82, рус.).
- Бергельсон М. Б., Зализняк А. А., Кибир А. Е. Конструкции с сентенциональным актантом в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 44-65.
- Бергельсон М. Б., Кибир А. Е. Сочинительное сокращение в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 66-73.
- Бозатыров К.К., Богуславская О.Ю. Определительные конструкции в двух говорах табасаранского языка // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 74-95.
- Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
- Ваджибов М. Д. Русская фонема о в современном табасаранском языке // Наука и молодежь. Сборник статей молодых ученых и аспирантов по гуманитарным проблемам. Вып. 1. Махачкала, 1997. – С. 297-301.
- Ваджибов М. Д. Фонетическая адаптация русизмов – имен существительных в табасаранском языке // Языкоzнание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. № 2 / Мин. общ. и проф. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 1998. – С. 30-34.
- Ваджибов М.Д. К вопросу о так называемых простых гласных в системе вокализма табасаранского языка // Языкоzнание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. № 3 / Мин. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 1999. – С. 31-45.
- Ваджибов М. Д. К вопросу об односложных словах в русском и табасаранском языках // Современные проблемы кавказского языкоzнания и тюркологии. Вып. 2 / Мин.обр. РФ / Даг. гос. университет / Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 35-39.
- Ваджибов М. Д. Сколько согласных фонем в табасаранском языке? // Вопросы русского и сопоставительного языкоzнания. Вып. 1. Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и кавказские языки: вопросы функционирования и сопоставительного исследования». Махачкала: ДГУ, каф. рус. яз., 2001. – С. 93-95.
- Гаджиев Г. Н., Ханмагомедов Б. Г. Табасаран чалнан орфографийийн словарь. Махачкала, 1979 (III испр. и доп. изд.). – 148 с.
- Гаджиев Г. Н. Школьный русско-табасаранский словарь. Махачкала: Даггиз, 1982. – 373 с.
- Гаджиев М.М. О залогах в табасаранском языке // Труды 1-й научной сессии. Махачкала, 1948. – С. 297-308.
- Гайдаров Р. И. Рецензия на книгу Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкоzнание. VII. Табасаранский язык // ВЯ, 1981, № 6. – С. 144-146.
- Гасанов И.Р., Курбанов К.К. Терминологический словарь по языку и литературе. Мх.: Дагучпедгиз, 1977. – 55 с.

- Гасанов М.Р.** Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. III.
- Гасанов М.Р.** Из истории Табасарана, XVIII – XIX вв. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. – 98 с.
- Дашдемиров Ш.З.** Образование деепричастий в табасаранском языке // Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках). Тезисы докладов. Майкоп, 1990. – С. 41-43.
- Дашдемиров Ш.З.** К вопросу об образовании деепричастий в табасаранском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. История. Филология. Культурология. Посв. 65-летию Дагстониверситета. (Вып. III). Махачкала: Изд.-полигр. центр ДГУ, 1996. – С. 70-4.
- Джавадова У. Г.** Наречие в табасаранском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. – 20 с.
- Дирр А.М.** Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК-35. Отд. III. Тифлис, 1905. XVI + 247 с.
- Дирр А.М.** Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке // ИКОИРГО. Тифлис, 1912, Т. XXI. – С. 41-45.
- Жирков Л. И.** Табасаранский язык. Грамматика и тексты. М.:Л., 1948. – 164 с.
- Загиров В. М.** Заимствованная лексика и ее особенности в табасаранском языке // Литературный Табасаран. Махачкала, 1975. – С. 73-80. На таб. яз.
- Загиров В. М.** Русско-табасаранский школьный фразеологический словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. – 141 с.
- Загиров В. М.** Некоторые вопросы лексики табасаранского языка. Махачкала, 1977. – 48 с.
- Загиров В. М.** Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981. – 108 с.
- Загиров В. М.** К вопросу о путях возникновения синонимов в табасаранском языке // Вопросы русского и дагестанского языкоznания. Махачкала, 1981. – С. 21-25.
- Загиров В. М.** Словарь омонимов табасаранского языка. Махачкала, 1985.
- Загиров В. М.** Табасаранско-русские языковые связи. Фрагменты // Материалы контактологического словаря "Национально-русские языковые связи". Махачкала, 1991. – С. 42-55.

- Загиров Н.В.** Фонетические различия в диалектах табасаранского языка // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 162.
- Загиров Н.В.** Фонетические особенности сувакского диалекта табасаранского языка // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. – С. 17-23.
- Загиров Н.В.** Морфологические особенности говоров этегского диалекта табасаранского языка // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2. М., 1995. – С. 18-21.
- Загиров Н.В.** Фономорфологическая характеристика диалектов табасаранского языка: Автoref. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. – 23 с.
- Зазуровский Л.П.** Записка об очерке табасаранского языка, посмертном труде П.К.Услара// ИКОИРГО.VII. Вып. 2, 1882. – С. 329-36.
- Иbrahimova Э.Р.** Арабизмы в табасаранском языке: АКД. Мх., 2003. – 19 с.
- Каручева Ш. У.** Типы синтаксической связи слов в табасаранском языке в сопоставлении с русским // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 11 / Институт языкоzнания РАН. Отв. ред. М.Е.Алексеев М., 2003. – С. 53-59.
- Кибрик А.Е.** Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык/ Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 128. М., 1979. – 51 с.
- Кибрик А. Е., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.** Каузативная конструкция в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 34-43.
- Кибрик А.Е., Селезнев А.Г.** Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 17-33.
- Кодзасов С.В., Муравьев А.И.** Фонетика табасаранского языка // Табасаранские этюды. М., 1982. – С. 6-16.
- Крист С. Рецензия на кн. Услар П. К. Табасаранский язык (Этнография Кавказа. Языкоzнание, VII) // ЕИКЯ. Тбилиси, 1982. Т. IX, – С. 337-341.**
- Курбанов К.К.** О глагольном корне табасаранского языка // Литературный Табасаран, 1976. – С. 74-77 (на таб. яз.).

- Курбанов К. К. Структурно-типологическая характеристика глагольной основы в табасаранском языке // Русский язык и литература. Махачкала, 1978. – С. 52-56.
- Курбанов К. К. Превербы в глагольной основе табасаранского языка // Глагол в языках Дагестана. (Тематический сборник) / ИИЯЛ ДФ АН ССР. Махачкала, 1980. – С. 154-159.
- Курбанов К. К. Структура глагольной основы в табасаранском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. – 20 с.
- Курбанов К. К. Терминологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 36 с.
- Курбанов К. К. Глагол табасаранского языка и его изучение в школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1983. – 52 с.
- Курбанов К. К. Морфология табасаранского языка. Пособие для учителя. Махачкала: Дагучпедгиз, 1986. – 144 с.
- Курбанов К. К. К вопросу о диалектной интеграции в табасаранском языке // Проблема лексического состава диалекта и разработка диалектологических словарей иберийско-кавказских языков. Грозный, 1987. – С. 60-63.
- Курбанов К. К. Динамика развития категории грамматических классов в табасаранском языке // Категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Сборник / Ред. Ломтатидзе К.В. АН ГССР, Абх. Ин-т яз., лит. и истории. Тб.: Мецнериба, 1989. – С. 141-152.
- Курбанов К. К. Способы выражения пространственных отношений в табасаранском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. – С. 113-22.
- Курбанов К. К. Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995.
- Курбанов К. К. Морфологический строй табасаранского языка (Проблема литературной нормы). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Махачкала, 1998.
- Курбанов К. К. О категории переходности/непереходности глагола табасаранского языка // Современные проблемы кавказского языкоznания и тюркологии. Вып. 2. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет! Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 100-104.
- Курбанов К. К. Образование косвенной основы и значение именительного и эргативного падежей в табасаранском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Выпуск 5/

- отв. ред. Н.Ф.Вердиева: Махачкала: ИГЦ ДГУ. 1999. – С. 76-86.
- Курбанов К. К., Гаджикурбанов С.А. Морфемный состав слова табасаранского языка // Современные проблемы кавказского языкоznания и тюркологии. Вып. 3. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет! Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2001. – С. 191-196.
- Курбанов К. К., Митарова Э. М. Арабская политическая терминология в табасаранском языке // Современные проблемы кавказского языкоznания и тюркологии. Вып. 2. / Мин.обр. РФ / Даг.гос.университет! Отв. ред. М.-С.М.Мусаев. Махачкала, 2000. – С. 104-107.
- Магометов А. А. Неизданная монография П. К. Услара о табасаранском языке // ВЯ. 1954, № 3. – С. 68-76.
- Магометов А. А. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // ИКЯ. Т. 7, 1955. – С. 359-415.
- Магометов А. А. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках) // ИКЯ. Т. 8, 1956. – С. 315-340.
- Магометов А. А. О категории грамматических классов в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз. ССР-22, 1956а, № 6.
- Магометов А. А. Краткий обзор фонетики табасаранского языка // Иберийско-кавказское языкоznание. Т. 9/10. Тбилиси, 1959. – С. 313-37.
- Магометов А. А. К спряжению глагола в табасаранском языке // ИКЯ. Тбилиси, 1960. Т. XII. – С. 381-403.
- Магометов А. А. Вопрос пассивности эргативной конструкции в монографии П. К. Услара "Табасаранский язык" // Вестник Груз. Акад. наук, 1960а, № 3. – С. 195-209.
- Магометов А. А. О строе глагола в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. – С. 227-239.
- Магометов А. А. Склонение личных и указательных местоимений в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. Т. 27, № 5, 1961а. – С. 643-650.
- Магометов А. А. Склонение вопросительных и возвратных местоимений в табасаранском языке // Сообщ. АН Груз. ССР. Т. 28, № 5, 1962. – С. 629-636.
- Магометов А. А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965. – 398 с.
- Магометов А. А. Услар – исследователь кавказских языков. Махачкала, 1979. – 100 с.

- Магометов А. А.** Влияние языковых контактов на табасаранский язык // Материалы пятой научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. – С. 40–46.
- Магометов А. А.** Вопросы нормирования табасаранского литературного языка // ЕИКЯ. Тбилиси, 1979. Т. VI. – С. 270–279.
- Русско-табасаранский словарь. Сост. Загиров В.М. Мх., 1988. – 447 с.
- Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. – 295 с.
- Табасаран литературайин чаллан орфографический правиллярин свод, РСФСР-ин НКПросди утвердиц дапнайиб ву. – Махачкала, Дагиз, 1938. ("Свод орфографических правил табасаранского литературного языка. Утвержден НКП РСФСР").
- Талибов Б.Б.** Об одном инфиксальном элементе в структуре табасаранской глагольной основы // Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980. – С. 31–49.
- Талибов Б. Б.** Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. – 350 с.
- Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. – 1070 с.
- Хайдаков С.М.** Морфологическая структура и семантическая природа аульных названий Табасарана // Всес. конф. по топонимике СССР. Тез. докл. Л., 1965. – С. 170–172.
- Хайдаков С. М.** Матрицы аффиксов спряжения глагола в табасаранском языке (на материале хивского и хурийского говоров) // Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1967. – С. 39–40.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1958. – 21 с.

- Ханмагомедов Б. Г.-К.** К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // УЗИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958а. Т. IV. – С. 305–320.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Система местных падежей в табасаранском языке. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1958б. – 45 с.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Образование активного падежа в табасаранском языке // В помощь учителям табасаранского языка. Мх., 1958в. На таб. яз.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Табасаран чал. Махачкала, 1966 (учебник для пед. училищ). – 246 с.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Об одном ряде геминированных согласных в табасаранском языке // Тезисы докладов второй региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. – Тбилиси, 1967. – С. 22–24.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. – С. 545–561.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970. – 220 с.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Синтаксис табасаранского языка: Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1970а. – 44 с.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Некоторые вопросы грамматики табасаранского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 139 с. На таб. яз.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Табасаранский язык // Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. – С. 231–238.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Об одной группе прилагательных в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. – С. 55–6.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Табасаранский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999. – С. 395–399.
- Ханмагомедов Б. Г.-К.** Табасаранский язык // Государственные и титульные языки России. М.: Academia, 2002. – С. 342–354.
- Шалбузов К.** К вопросу о классификации диалектов табаранского языка // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 18. Махачкала, 1968. – С. 213–219.
- Шалбузов К.** Некоторые особенности нитрикского диалекта табаранского языка // Молодежь и общественный прогресс. Материалы III реэст. Научно-практической конференции молодых ученых Дагестана. Махачкала, 1978. Ч. I. – С. 114.

- Шалбузов К.Т. Категория грамматического класса в табасаранском языке // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 12. Махачкала, 1964. – С. 46-60.
- Шалбузов К.Т. Морфологические особенности хивского говора табасаранского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. – С. 123-34.
- Шалбузов К.Т. К характеристике одного спираента в табасаранском языке // Однинадцатая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1986. – С. 105.
- Шалбузов К.Т. Термины родства и свойства в табасаранском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала, 1985. – С. 191-5.
- Шалбузов К.Т. О некоторых лексических особенностях диалектов табасаранского языка, граничащих с другими языками // Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. – С. 84-85.
- Шихалиева С.Х. Категория прошедшего времени в табасаранском языке // Проблемы совершенствования обучения и воспитания в образовательных учреждениях Республики Дагестан: Тез. докл. юбил. науч.-практ. конф., посв. 50-летию Даг. НИИ педагогики им. А. А. Тахо-Годи. Ч. I. Махачкала, 1993. – С. 121-123.
- Шихалиева С.Х. Аспект как морфонологическая закономерность табасаранского языка // Языкоизнание в Дагестане. Лингвистический ежегодник / Мин. общ. и проф. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 1997. – С. 161-5.
- Шихалиева С.Х. Категория настоящего времени в табасаранском языке// Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. (24-25 июня 1993). Махачкала, 1993. – С. 112-113.
- Шихалиева С.Х. Некоторые вопросы глагола в табасаранском языке // ДГПУ. Махачкала, 1995.
- Шихалиева С.Х. Категория вида и времени в табасаранском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1996. – 13 с.

- Шихалиева С.Х. К вопросу о залоговой дифференциации в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 9. М., 2001. – С. 110-113.
- Эфендьев Т.Н. К вопросу о заимствованных наречиях и служебных частях речи в табасаранском языке // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкоизнания. Махачкала, 1972. – С. 261-266.
- Эфендьев Т.Н. К вопросу о влиянии азербайджанского языка на фонетический строй табасаранского языка // Ученые записки азербайджанского университета. Серия языка и литературы. Баку, 1972, № 6. – С. 69-73.
- Эфендьев Т.Н. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Баку, 1973. – 27 с.
- Эфендьев Т.Н. О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1985. – С. 100-110.
- Эфендьев Т.Н. Азербайджанские словообразовательные элементы в табасаранском языке // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972.
- Bouda K. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaranische. – Leipzig, 1939.
- Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.
- Hjelmslev L. La catégorie des cas // Acta Jutlandica. V. VII. Premere partie. Aarhus, 1935; V. IX. Deuxième partie, Aarhus, 1937.
- Nikilayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. M.: Astérisk, 1994. – 1406 p.
- Trubetzkoy N.S. Les consonnes latérales des langues Caucasiennes-Septentrionales. Bulletin de la Société de Linguistique. T. 23 (№ 72). Paris, 1922, pp. 184-204. рус. пер.: Латеральные согласные в севернокавказских языках, в сб.: Н. С. Трубецкой, Избранные труды по филологии, Москва 1987, стр. 233-247.
- Trubetzkoy N.S. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen. I. Caucasica, fasc. 3, Leipzig 1926, S. 7-36; рус. пер.: Исследования в области сравнительной фонетики севернокавказских языков// Н.С. Трубецкой, Избранные труды по филологии, Москва 1987. – С. 247-270.
- Schmidt K.H. Aspekt und Tempus im Tabassaranischen // Bedi Kartlisa. XXV. 1968. – S. 203-8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	11
ФОНЕТИКА.....	28
МОРФОЛОГИЯ.....	34
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.....	79
СИНТАКСИС.....	85
ЛЕКСИКА.....	113
Образец текста.....	128
Литература.....	130

Научное издание

Михаил Егорович Алексеев
Сабрина Ханалиева Шехалиева

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК

Издательство «Academia»
при участии редакции журнала «Вестник РАН»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 238-21-44, 238-21-23, факс 238-25-10
Эл. почта: herald@orc.ru

Главный редактор издательства В.А. Попов
Редактор К.К. Курбанов
Художественный редактор Е.Ю. Салтыкова
Технический редактор Н.Н. Ковылова
Корректор Р.А. Азееева

Подписано в печать 07.08. 2003. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Лен. п. №75. 1/4 - изд. л. 9,1. Тираж 1300 экз. Задач № 2987.

Отпечатано ФГУП «Промздравполиграфиздат»
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский проспект, 403
Тел. 554-21-86

М.Е.АЛЕКСЕЕВ
С.Х.ШИХАЛИЕВА

ТАБАСАРАНСКИЙ
ЯЗЫК

Academia

2003